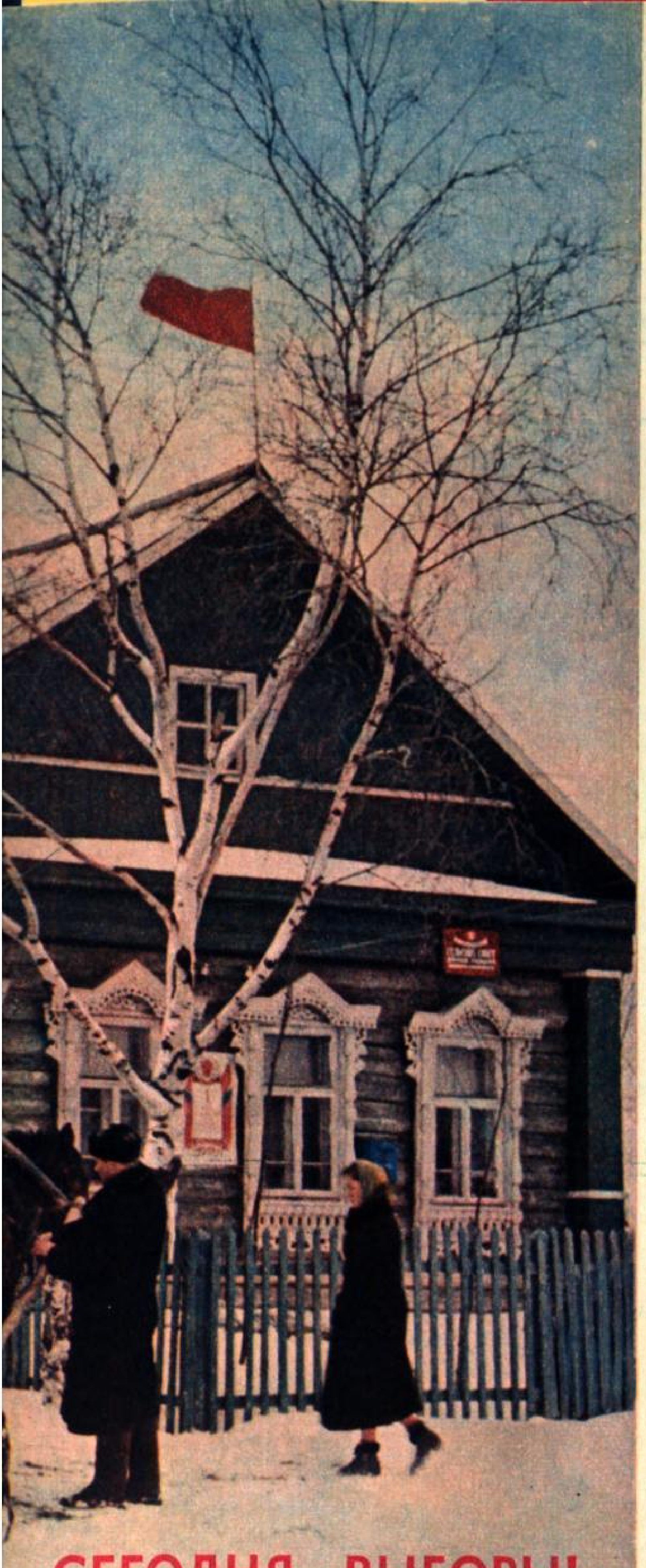

СЕГОДНЯ—ВЫБОРЫ!

Граждане Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Узбекской, Казахской, Молдавской, Латвийской, Таджикской и Туркменской ССР сегодня избирают своих депутатов в органы Советской власти. И какой бы это ни был Совет — сельский, районный, городской, областной или высший орган республики—Верховный Совет,—всюду будут избраны подлинные представители народа, его верные слуги.

Двух подруг, двух колхозниц, которые изображены на этой обложке, их земляки выбирают сегодня своими представителями в Советы: доярку колхоза «Ударник» Таисию Леонову (слева) — в Волоколамский районный Совет, Московской области, а свинарку Раису Карташову — в Курьяновский сельский Совет.

ОГОНЁК

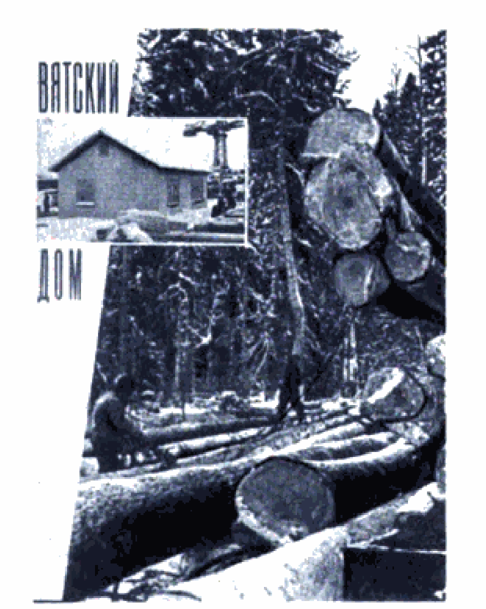
№ 10 МАРТ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В трудовых делах советских людей рождается коммунизм

Сегодня мы рассказываем на страницах «Огонька»:

О ТЕХ, КТО ДЕЛАЕТ СТАНКИ, О МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГАХ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЮТ ТРУДЯЩИЕСЯ ОТ ОБЩЕСТВА

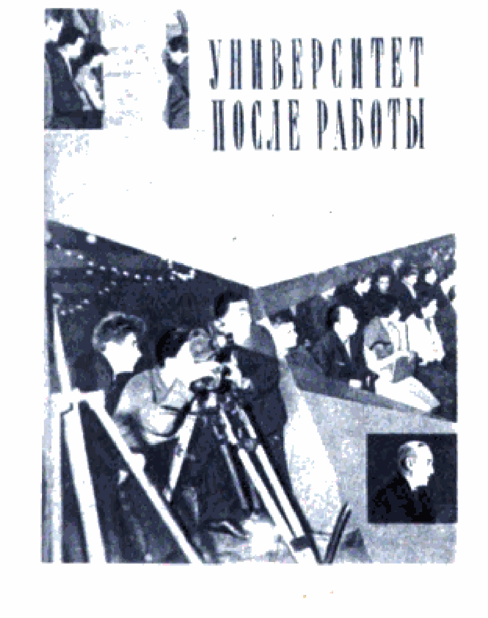
«Расходы государства на общественное обслуживание трудящихся непрерывно растут... По семилетнему плану расходы на эти цели в 1965 году должны возрасти примерно до 360 миллиардов рублей и составят около 3 800 рублей на каждого работника в год».

Из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

О ТЕХ, КТО СТРОИТ ДОМА ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

«...В сельской местности построить силами колхозников и сельской интеллигенции около 7 миллионов домов».

Из резолюции XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева.

О ТЕХ, КТО ПОМОГАЕТ ОБОГАЩЕНИЮ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

«Строительство коммунизма... открывает небывалый простор для наиболее полного и всестороннего раскрытия и выявления всех творческих возможностей и дарований человека».

Из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

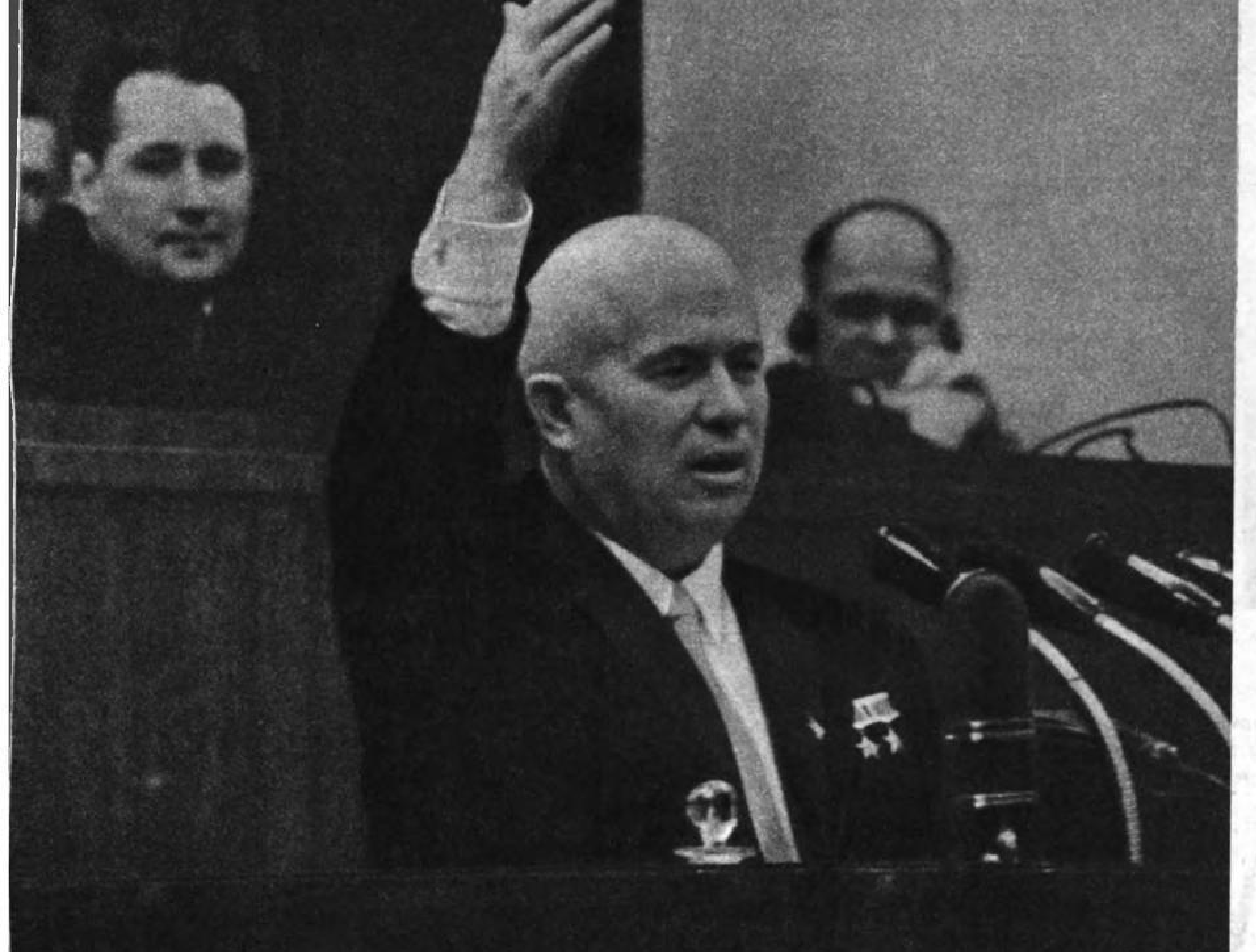
ВЕК КОСМОСА

О ТЕХ, КТО ДВИГАЕТ ВПЕРЕД СОВЕТСКУЮ НАУКУ

«Создание материально-технической базы коммунизма требует расцвета науки, активного участия ученых в решении проблем, связанных с дальнейшим всесторонним развитием производительных сил нашей страны».

Из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

На первой странице обложки: Фото М. Савина и И. Тункеля. На последней странице обложки: Пролетел самолет. Фотоэтюд Б. Уткина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 10 (1655)

1 МАРТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

24 февраля в Большом Кремлевском дворце трудящиеся Калининского избирательного округа Москвы встретились со своим кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР товарищем Н. С. Хрущевым.

На собрании с большой речью, встреченный горячими аплодисментами, выступил товарищ Н. С. Хрущев.

Фото Б. Дмитриева.

На шахте № 3 горячий, предпусковой период.

Сегодня — выборы в Верховные Советы союзных республик и местные Советы депутатов трудящихся.

МОЛОДОСТЬ

Вл. РУДИМ **Фото Риммы ЛИХАЧ.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Мы побывали здесь в преддверии весны. И хотя еще стояли морозцы и иней, махровый, необыкновенно красивый, покрывал деревья, но уже чувствовалось дыхание близкой весны, уже напоминал о себе яркими полуднями прикарпатский березень — март.

Наш автобус проносился мимо сел, густых лесов, небольших городков с тихими, немноголюдными улочками. Потом показались копры — первый, второй, третий... А возле них — небольшие терриконы (мой сосед назвал их уменьшительно: «терриконочки») — значит, шахты вписаны в этот пейзаж совсем недавно. И всюду — в селах, городках — пестрели плакаты, напоминая о приближающемся событии: «1 березня — всі на вибори!».

...Автобус остановился на площади Червонограда — шахтерского города, растущего не по дням, а по часам. Окрест города сооружаются шахты — скоро их число достигнет одиннадцати. И не случайно именно тут, в Червонограде, разместился промышленный отдел райкома партии, хотя сам райком находится в городе Белз. Между прочим, это бывшая столица древнего Белзского княжества.

Таков один из уголков самого западного и самого молодого в нашей стране Львовско-Волынского угольного бассейна. Он раскинулся на площади в десять тысяч квадратных километров и вплотную примыкает к границе Польши. Угольные пласты достают и до польских городов и весей, скрепляя и под землею дружескую связь двух государств.

Семилетка принесет сюда еще больше перемен. Достаточно сказать, что к 1965 году добыча каменного угля на Львовщине увеличится в 40 раз.

Молодость — вот, пожалуй, самое характерное для этого края. Особенно она ощутима там, где прямо средь чистых полей или средь непуганого густолесья выросли шахты, городки.

Таков и поселок Горняк, родившийся «под боком» у Червонограда,— поселок, который в первый день весеннего березня будет впервые участвовать в выборах в Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики.

Мы захотели познакомиться с Горняком, с его избирателями.

Кто же нам поможет в этом? Конечно, почтальон Зиновия Галик. Она отлично знает здесь всех, хотя у девушки самый короткий «почтальонный стаж» в нашей стране: почта тут открылась совсем недавно — во второй половине января. На почте еще не все устроено как следует: барьер привезут только на той неделе, — но работа идет своим чередом.

И вот сумка Зиновии набита до отказа (в Горняке выписывают около семисот газет и журналов), и мы шагаем рядом с юным письмоносцем (ей еще нет и восемнадцати) вдоль прямых, просторных улиц, мимо узорных оград, идем от подъезда к подъезду, от двери к двери.

Улица Ленина. Здесь живут Олейники. Иван Иосифович — бухгалтер, Анастасия Алексеевна, его жена, — домохозяйка. А их маленькая дочка Наташа «знаменита» тем, что была первым ребенком, рождение которого зарегистрировано в поселковом Совете.

Улица 40-летия Октября. Квартира машиниста угольного комбайна Федора Герасимовича Доронина. Здесь 1 марта двойной праздник: в день выборов будет отмечен и день рождения маленькой Танечки — ей исполняется год.

Улица Ватутина. Прежде чем постучать в восьмую квартиру, Зиновия, тепло улыбнувшись, говорит:

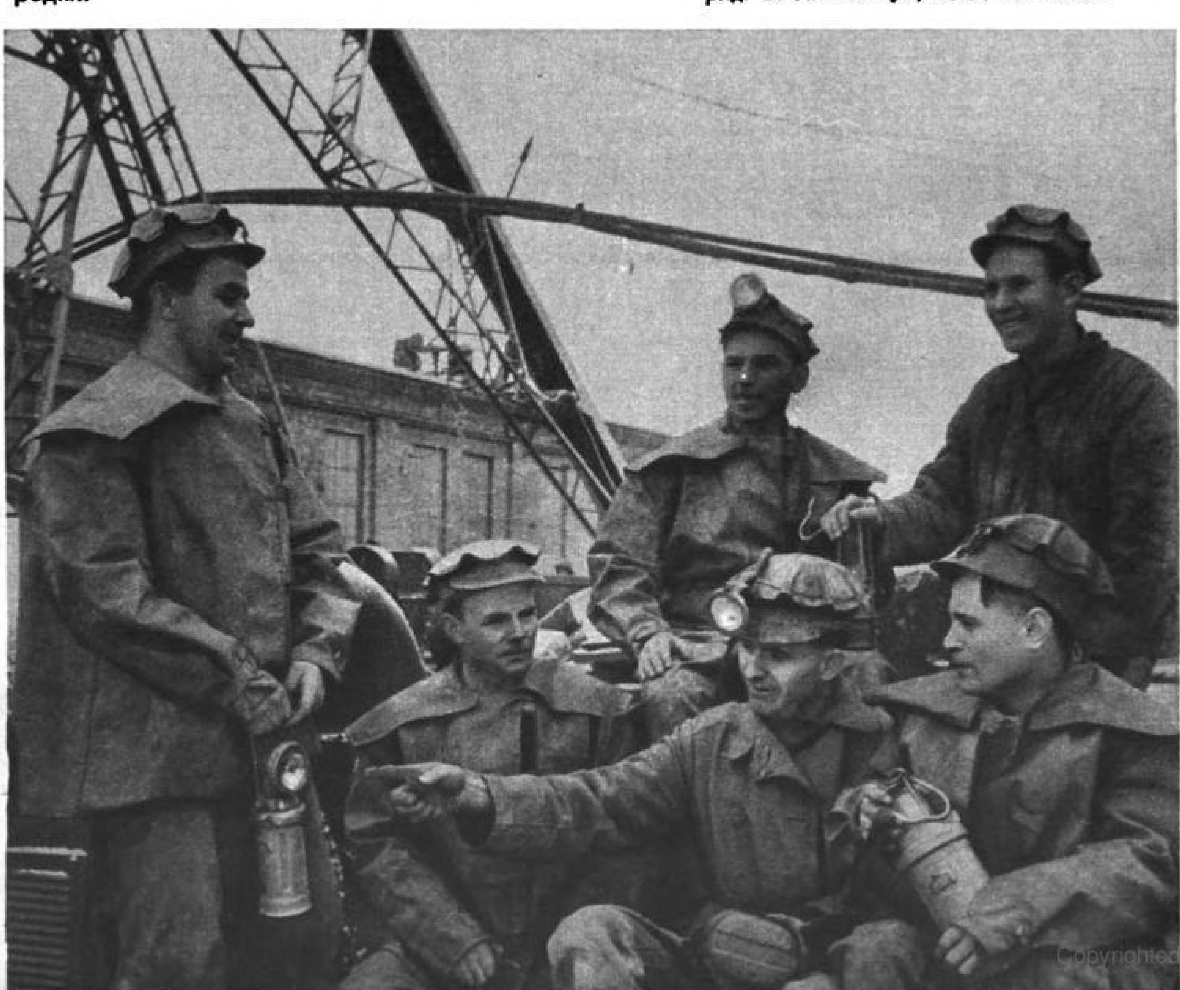
— Тут живуть молодята.

Молодожены — взрывник шахты № 3 Григорий Лево и его жена Валентина — въехали в эту благоустроенную двухкомнатную квартиру всего три дня назад. Григорий первым из жителей Горняка стал студентом-заочником: он учится в горном техникуме.

Три дня — срок небольшой, но в квартире уже порядок и уют, на окнах красивые занавески, на полу ярко-полосатые коврики-радуги. Молодая хозяйка постаралась! 1 марта Валентина, которой лишь в январе исполнилось девятнадцать, будет впервые в жизни участвовать в выборах.

Всякий раз, когда мы снова оказывались на улице, Зиновия представляла нам все новые «будинки», неизменно прибавляя к ним эпитет «молодой».

Группа горняков из проходческой бригады, возглавляемой Иваном Кузьмичом Чуркиным. В первом ряду, слева направо: И. К. Чуркин, В. В. Сытник, Н. Е. Сухой, Н. И. Грибов. Второй ряд: В. А. Шевчук, Н. К. Разинкин.

Так мы побывали в молодой средней школе, в молодой музыкальной школе, в молодых магазинах, молодом детском саду, молодых детских яслях.

Шли и думали: а ведь скоро у них появятся еще более молодые «коллеги». Подумайте: в январе минувшего года население Горняка пополнилось одиннадцатью новорожденными, а в январе текущего — двадцатью. Наверняка скоро понадобятся вторые ясли!

— Ну, а что же в поселке старое? — спросили мы Зиновию.

Наш вопрос озадачил девушку. Но она тут же сказала:

— Живе у нас старий дід, пенсіонер, він один такий у нас на все селище.

Широкая улыбка не сходила с лица Зиновии: девушка была довольна своим ответом.

— Ну, а если всерьез, без шуток?

И Зиновия показала: вот старая столовая, во временном бараке. Но скоро откроется новая — в том здании с большими окнами.

Затем «старым объектом» Зиновия назвала тот, куда почти ежедневно ходит либо на танцы, либо смотреть кинофильм.

— Клуб у нас старий та тісний, а новий Будинок культури щось дуже довго будують.

Кстати, о клубе и Доме культуры. Поселок так быстро растет, что уже стал тесен не только временный клуб, но и... строящийся Дом культуры. По проекту его зал рассчитан на двести человек, а сейчас нужен не менее чем на пятьсот. Избиратели дают наказ депутатам, которые будут избраны 1 марта: добиться расширения Дома культуры.

За кого же будет голосовать Горняк сегодня, 1 марта?

Зиновия подходит к каменному коттеджу, стучит в дверь. Здесь живет бригадир проходческой бригады Михаил Павлович Жеграй. Получив свою почту — газету «Вільна Україна», журналы «Крестьянка», «Радянська жінка» и «Перець»,— хозяин предлагает пройти в комнаты. Знакомит с женой Стефанией Павловной и наследниками от трех до шести — Лесей, Егором и Мишей. Четвертой наследницы, Зины, нет: она в школе, в третий класс ходит.

Вчерашний крестьянин Жеграй стал опытным горняком и отмечает начало семилетки достойно: в январе работал за февраль, в феврале — за март...

Михаил Павлович — кандидат в депутаты районного Совета. Впервые в жизни избирают его в районный Совет.

Также впервые будет здесь баллотироваться в райсовет голубоглазая энергичная табельщица Екатерина Ковтун. А в областной Совет — тоже впервые — избирается бригадир проходчиков шахты № 3 Иван Кузьмич Чуркин—молодой коммунист, один из первых горняков Львовщины удостоенный звания Героя Социалистического Труда.

Кандидатом в депутаты областного Совета назван вчерашний волынский бедняк, бригадир комплексной комбайновой бригады шахты № 2 комсомолец Аполлинарий Гочачко.

А в Верховный Совет республики горняки выдвинули бывшего батрака, а ныне секретаря Львовского обкома Коммунистической партии Украины Федора Тихоновича Коваля.

И еще: 1 марта будут избираться также тридцать два депутата поселкового Совета.

...Уже целых четыре часа мы ходим по поселку, и сумка Зиновии наконец опустела. Зиновии пора уже бежать домой, где ее наверняка ждет возвратившийся с шахты отец — он работает кузнецом. Но Зиновия хочет показать нам еще кое-что в своем родном поселке: баню, прачечную (они вот-вот вступят в строй) и молоденький, заиндевевший, словно хрустальный, парк...

И по дороге к парку у нас происходит такой разговор.

— Поликлиника у вас есть? — спрашиваем девушку.

— Е.

— И библиотека?

— Е.

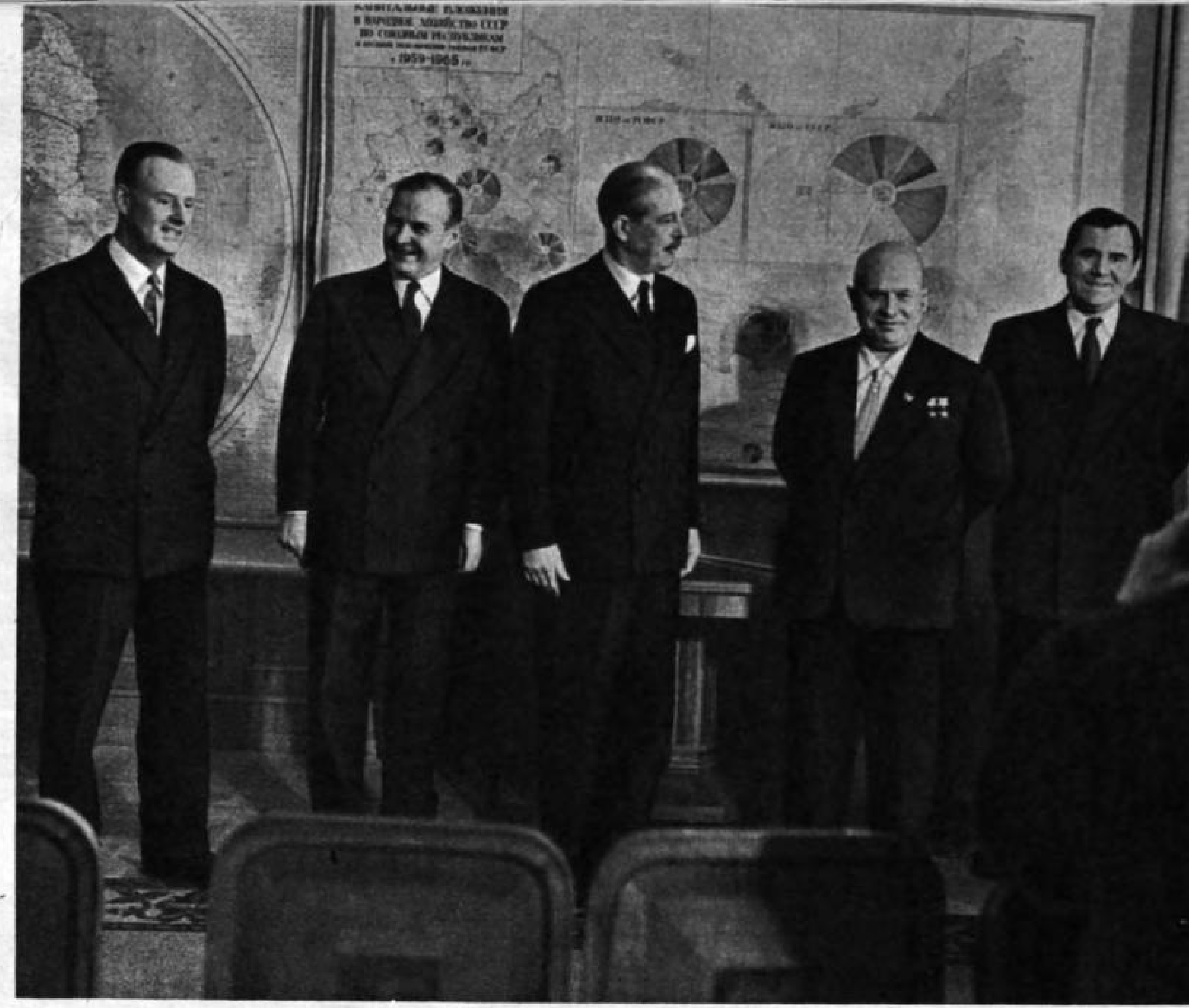
— А пошивочная мастерская?

— Скоро буде.

— А стадион?

— Скоро буде.

Скоро будет! Сколько в этом уверенности в завтрашнем дне, хорошем дне и небольшого поселка Горняк и всей нашей Родины!

К ПРЕБЫВАНИЮ В СССР ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ Г. МАКМИЛЛАНА

Радушную встречу оказали советские люди Премьер-Министру Великобритании Г. Макмиллану, прибывшему 21 февраля в СССР с ответным визитом в сопровождении министра иностранных дел Селвина Ллойда и других официальных лиц.

На снимках.

Вскоре после прибытия в Москву Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан нанес визит Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. На снимке: посол Великобритании в СССР сэр Патрик Райли, министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд, Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Во время посещения Московского государственного университета на Ленинских горах Премьер-Министр Великобритании Г. Макмиллан, ознакомившись с университетом, расписывается в книге почетных гостей.

Премьер-Министр Великобритании Г. Макмиллан нанес визит заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ш. Р. Рашидову.

Фото А. Новикова.

...Давайте разложим свои „товары“

«Если говорить на коммерческом языке, очевидно, более доступном для представителей капиталистического мира, то давайте разложим свои «товары»: социалистический мир — свои, капиталистический — свои. И пусть каждый строй покажет, где и сколько часов длится рабочий день, сколько материальных и духовных благ получает трудовой человек, какое он имеет жилье, какие ему предоставлены возможности для образования, какое участие принимает он в государственных делах, в политической жизни страны, кто является хозяином всех материальных и культурных богатств — тот, кто трудится, или тот, кто не трудится, но имеет капиталы».

Из заключительного слова Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Рязань. Семь часов утра. Эта улица ведет к Станкозаводу.

Цех тяжелых станков. Парторг Иван Семенович Мищенко в обеденный перерыв проводит беседу об исторических решениях XXI съезда партии.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. ВИКТОРОВ

Иван Семенович не заглядывает в свой конспект: слишком близко ему все, о чем он хочет сегодня сказать. Парторг говорит о программе нового мощного подъема экономики, культуры и материального благосостояния советского народа и вспоминает слова Никиты Сергеевича, недавно произнесенные с этой же трибуны на общезаводском митинге: «Завод у вас очень хороший, а люди еще лучше».

— Сколько замечательных дел совершил хотя бы за послевоенные годы советский человек! — говорит Иван Мищенко.— Ведь, например, еще десять лет назад здесь, где высятся корпуса нашего завода, простиралось картофельное поле.

И вот уже парторг переходит к основной теме беседы:

— Вступление в коммунизм, говорил товарищ Хрущев на съезде партии, не определено какой-то календарной датой. Переход от социализма к коммунизму осуществляется непрерывно, и в нашем обществе имеется много ощутимых и зримых черт коммунизма. Давайте же познакомимся с этими светлыми чертами, познакомимся конкретно, весомо, зримо. Ведь они же, эти черты коммунизма, и на нашем заводе. Давайте, как предлагал Никита Сергеевич, разложим свои «товары».

Прослушав беседу парторга цеха, мы попросили у него конспект и решили проиллюстрировать фотографиями приведенные им примеры...

Это техника коммунизма — первая из многих автоматических линий, которые выпустит Станкозавод за семилетку. Создание такой линии по плечу только образованному рабочему...

«Какие возможности имеются у нас для образования?» — спросил Иван Мищенко. И тут же рассказал о Николае Федоровиче Васильеве (справа). Он пришел на завод, не имея специальности. Путь его и прост и сложен: работа, занятия в вечерней школе, аттестат зрелости, вечерний техникум. Теперь техник-механик Васильев — заместитель начальника большого цеха. Николай Федорович — один из первых выпускников заводского техникума. Из этого техникума уже вышел 461 дипломированный специалист. 308 рабочих учатся по вечерам в его аудиториях.

Рядом с Н. Ф. Васильевым рядовой токарь — Владимир Иванович Бодрягин. Он член технико-экономического совета Рязанского совнархоза. Бодрягина можно видеть на заседаниях совета, где решаются важнейшие вопросы технической политики. «Вот пример, как рабочие участвуют в государственных делах»,— заметил агитатор.

В разных концах огромного цеха мы увидели плакат о планах завода в семилетке и бюллетень успеваемости учеников школы № 20.

Случайное ли это соседство? За каждую двойку, обведенную в бюллетене красным кружком, приходится краснеть родителям. Мы застали у бюллетеня резчика Степана Васильевича Панкрушкина. В школе учатся двое его детей. Что-то многовато у них троек!

Какая же взаимосвязь между отметками Коли Панкрушкина и выпуском автоматических линий? Да самая прямая! Дети сменят своих отцов у сложных станков и агрегатов.

Агитатор Мищенко рассказывал о бригаде коммунистического труда Владимира Шишкина. Познакомимся с членами этой бригады — Марусей Сосиной, Владимиром Шишкиным, Владимиром Ниловским, Раей Алексеенко, Александром Васиным и Анатолием Бакушкиным.

Мы встретились с молодыми рабочими в краеведческом музее. Им запомнились слова Никиты Сергеевича Хрущева на торжественном заседании, где вручался Рязанской области орден Ленина: «...Если взять Рязань и взять мою Курскую область, то разницы не было: и вас называли лапотниками и нас, курских, тоже». И вот члены бригады коммунистического труда решили посмотреть на лапти, ставшие музейным экспонатом. Маруся Сосина, Володя Шишкин и их товарищи «изучают» эту некогда распространенную обувь нищеты...

П. С. Антипатров — профсоюзный активист. Он общественный инструктор по технике безопасности. Петр Сергеевич всю свою жизнь работал литейщиком, а полтора года назад ушел на пенсию. Он получает 839 рублей, а жена его, Нина Ивановна, и по сей день трудится в заводской детской поликлинике. В 1958 году Антипатровы получили квартиру в новом доме. Здесь-то мы с ними и встретились...

Перед вами работница Станкозавода, чья фамилия в те предвыборные дни, когда мы побывали в Рязани, стала широко известной в приокских местах. Комсомолка Мария Смирнова (на снимке справа) выдвинута кандидатом в депутаты областного Совета. А ведь всего три года назад она пришла на завод из технического училища.

Вот агитатор Иван Мищенко и рассказывает о судьбе Маруси Смирновой, которая принимает теперь такое большое участие в политической жизни страны...

На нижнем снимке видна панорама строящегося поселка; справа бригадир стройки Виктор Корнеев, слева прораб Виктор Мелехин, а в центре фрезеровщик Станкозавода Николай Дягилев.

Но почему же Дягилев оказался на перекрытии четырехэтажного дома? Какие заботы привели его сюда? Может быть, он должен получить квартиру в этом доме и никак не может дождаться конца стройки? Нет, это не так.

Николай Иванович Дягилев уже около года живет в новой квартире с женой, также работающей на Станкозаводе, и малолетним сыном. И все же Дягилев с нетерпением ждет завершения работ. Он член завкома и занимается распределением жилой площади среди рабочих. Немало ключей от новых квартир вручил уже Николай Иванович счастливым новоселам.

В завкоме нам дали следующую справку: двухнедельная путевка в дом отдыха Солотча стоит 300 рублей, член профсоюза вносит за нее 72 рубля...

И вот мы в местах, где так любят отдыхать рязанские станкостроители. По путевкам завкома сегодня приехали в Солотчу конструктор Тамара Александровна Воронкова, формовщик Василий Гаврилович Косяков и его жена Александра Федоровна.

7 часов вечера. Детский сад Станкозавода. Соскучились по ребятишкам родители...

Таковы «фототезисы» беседы агитатора Ивана Мищенко. Хорошие «товары» разложил он на своей трибуне! Это живые, видимые всем приметы коммунизма.

Независимость — дорога в будущее

Абдеслам БУРКИЯ,
член политбюро и секретарь ЦК Марокканской коммунистической партии

2 марта 1959 года Марокко будет отмечать трехлетие своей независимости. За этот сравнительно короткий период наша страна, освободившись от политического господства французских и испанских империалистов, сумела сделать большой шаг вперед.

Марокко управляется сейчас национальным правительством, имеет собственную армию, свою дипломатию, заседает в Организации Объединенных Наций и в Арабской Лиге.

В своих отношениях с зарубежными странами Марокко проводит независимую политику. Наше государство отказалось присоединиться к Атлантическому и Багдадскому пактам, к так называемой доктрине Эйзенхауэра, к средиземноморскому пакту и всем прочим империалистическим договорам и планам, цель которых — превратить Марокко в сателлита «западного мира».

За это же время Марокко установило дипломатические отношения с великим Советским Союзом и дало принципиальное согласие на установление таких же отношений с народным Китаем. Что касается торговли, то наша страна заключила торговые соглашения почти со всеми странами народной демократии.

Но хотя Марокко, как вы видите, достигло большого прогресса, тяжелое прошлое еще тяготеет над нашей независимостью и мешает ей стать полной.

Французские, испанские и американские войска все еще продолжают находиться на нашей земле.

Большая часть территории, а именно район Сахары, занимающий более двух миллионов квадратных километров, еще находится под оккупацией французских и испанских колонизаторов.

Экономика наша все еще почти целиком в руках иностранных трестов, главным образом французских. Они до сих пор эксплуатируют наши шахты, водную энергию, средства транспорта, порты.

Война в Алжире, которую ведут французские империалисты против наших братьев и соседей — алжирцев, каждую минуту грозит нашей молодой независимости, которую империалисты вынуждены были признать три года тому назад, но которой они никогда не были согласны.

Французские империалисты организовали широкий заговор против нашего молодого государства в Тафилалете, соседнем с Алжиром районе. Они снабжали своих феодальных агентов оружием, боеприпасами и деньгами, стараясь разжечь огонь кровавых военных столкновений с тем, чтобы, если эта операция удастся, распространить ее на остальную территорию Марокко. Этот заговор, во главе которого стояли французские генералы Коньи и Дивари, потерпел крушение только благодаря бдительности и сопротивлению нашего народа. Удалось захватить большое количество оружия и снаряжения, а исполнители заговора, феодалы, предстали перед судом. Пятнадцать из них были приговорены к смертной казни.

Несмотря на это поражение, империалисты не считают себя побежденными. В конце 1958 года был организован второй заговор. На этот раз за дело взялись испанские колонизаторы в районе Рифа, ранее оккупированном Испанией. С помощью феодалов-изменников они сумели поднять несколько племен против центральной власти.

Надо сказать, что и первый заговор и в особенности второй получили некоторую питательную среду среди беднейших крестьян. Дело в том, что крестьяне, которые взялись за оружие, чтобы бороться против колониальных угнетателей, так же как рабочие, ждали от независимого Марокко удовлетворения их жизненных нужд, особенно аграрной реформы, которая дала бы им землю и средства ее обработки. К сожалению, эти требования не были реализованы правительствами, приходившими к власти на протяжении этих трех лет. Отсюда — общее недовольство в городах и особенно в деревнях, недовольство, которым воспользовались империалисты и феодалы, чтобы создать угрозу независимости страны.

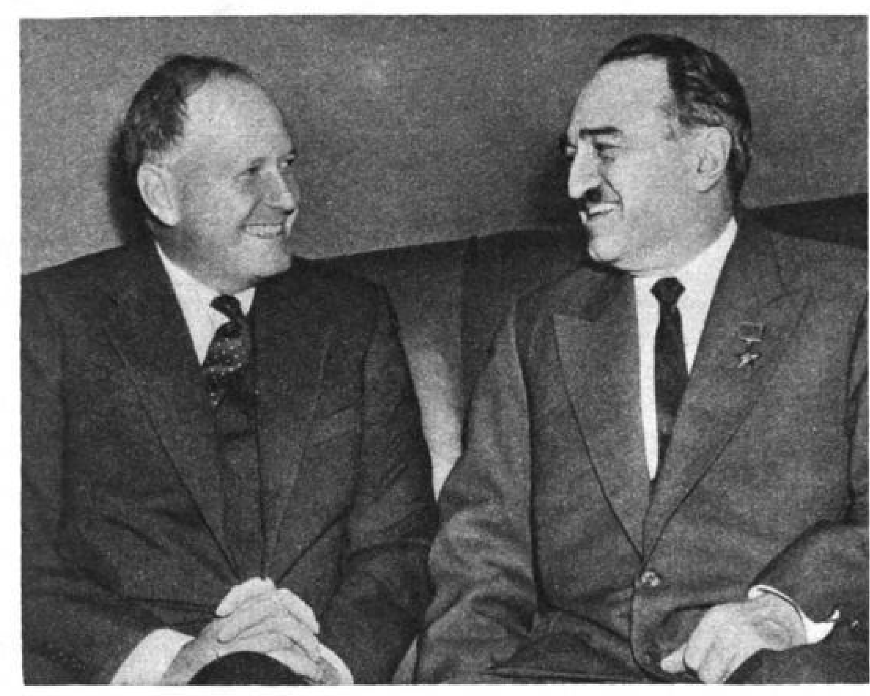
Коммунистическая партия Марокко, принимавшая активное участие в борьбе против этих заговоров, считает, что главная задача дня — это охранять и укреплять национальную независимость страны. И наша партия неоднократно предупреждала правительство о колониалистских угрозах.

Только тогда, когда рабочие получат лучшие условия жизни, когда безработные найдут работу, когда бедные крестьяне смогут пользоваться землей, разграбленной иностранными колонизаторами и феодалами за период режима протектората, только тогда они будут со всем энтузиазмом и решимостью защищать независимость родины и обезвреживать тех, кто, пылая злобой, готов ее ликвидировать.

Наряду с борьбой за удовлетворение материальных требований трудящихся масс Марокканская коммунистическая партия требует, чтобы народу было дано право демократически управлять своими делами, как общенациональными, так и местными, путем избрания Учредительной национальной ассамблеи и муниципальных и коммунальных ассамблей в городах и деревнях.

Мы призываем, с другой стороны, все национальное движение нашей страны к более тесному сотрудничеству со странами социализма, и в первую очередь с Советским Союзом и народным Китаем. Эти страны и в прошлом поддерживали нашу освободительную борьбу тогда, когда весь капиталистический мир объединился против нас. Эти страны социализма сегодня поддерживают и будут поддерживать по-братски и бескорыстно нашу борьбу за освобождение навсегда от политического, экономического и военного господства империалистов.

Таковы задачи, которые встают перед Марокко на пороге четвертого года его независимости, задачи, для осуществления которых марокканские коммунисты не пожалеют сил. Ибо от решения этих задач зависит судьба нашей родины как государства действительно и полностью независимого, суверенного, свободного решать свое будущее.

Первый заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР А. И. Микоян, как известно, недавно посетил Соединенные Штаты Америки. Мы публикуем полученные редакцией фотоснимки, ранее не печатавшиеся в советских газетах и журналах.

В Вашингтоне А. И. Микоян встретился с Дугласом Диллоном — заместителем государственного секретаря США по экономическим вопросам (снимок вверху слева). Во время осмотра автомобильного завода «Ривер руж» в Детройте А. И. Микоян беседовал с Генри Фордом-младшим (снимок справа).

На обратном пути из США на родину А. И. Микоян остановился в Копенгагене и посетил резиденцию датского правительства. На приеме, устроенном в его честь, присутствовали премьер-министр Х. К. Хансен (в центре нижнего снимка) и министр иностранных дел И. О. Краг.

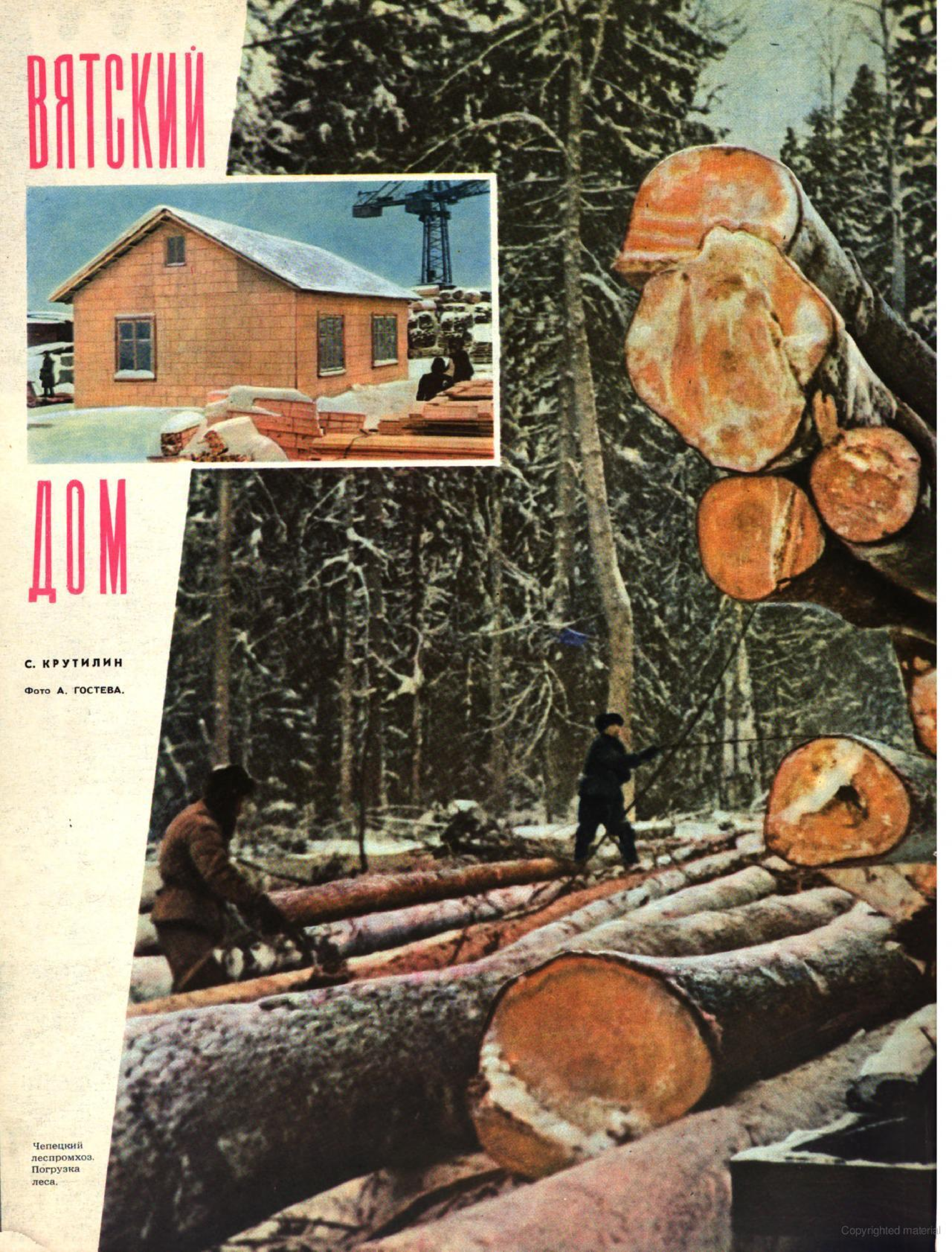
Ассистент радиоизотопной лаборатории Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева Л. Г. Яглова изучает распределение меченого фосфора в опытном растении.

Фото А. УЗЛЯНА и С. ФРИДЛЯНДА.

ВЯТСКИЙ ДОМ

С. КРУТИЛИН

Фото А. ГОСТЕВА.

Чепецкий леспромхоз. Погрузка леса.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О НОВЫХ ДОМАХ

Реку перегородили плоты. Вся Вятка — от берега до берега — покрыта бревнами. Плоты стоят. Плыть им дальше некуда.

По узким мосткам, настланным почти до середины реки, расхаживают рабочие. У каждого из них в руках длинная жердь с острым металлическим наконечником. Рабочие развязывают плоты и баграми подталкивают высвободившиеся бревна к транспортеру. Тот взваливает их на свои плечи и не спеша тянет вверх. Там, наверху, на эстакаде,— резервуар. В него подается насосом вода из реки. Устремляясь с высоты по широкому деревянному лотку, она с силой увлекает за собой и бревна. Длинные, потерявшие за долгий путь корье, они чинно, друг за другом, плывут по лотку — мимо жилых домов, мимо штабелей леса, мимо полотна железной дороги, по которой спешат поезда из Москвы во Владивосток. Им нет помех в пути: люди, вооруженные баграми, зорко наблюдают за тем, чтобы в лотке не произошло затора.

С утра до позднего вечера плывут бревна. Их путь оканчивается у лесопилки. Здесь они снова попадают в большой резервуар. Вода, свершив свое дело, тихим ручейком стекает обратно в реку, а бревна, словно почуя недоброе, толкаются друг о дружку, жмутся в сторонку от острых зубьев транспортеров-самотаскателей. Но им так и не удается избежать своей участи: шесть стальных гибких лент то и дело хватают их острыми зубами, тащат в лесопилку.

Там все ревет и стонет. Шесть пилорам располосовывают бревна, выпиливая из них стойки, брусья, доски... Опилки бьют фонтаном. Мощные вентиляторы засасывают их возле пилорам и по специальному трубопроводу выносят за заводскую территорию. Белые конусы опилочных терриконов, словно древние египетские пирамиды, высятся на пустыре у электростанции. А по заводской территории во все цехи, раскинувшиеся неподалеку от лесопилки, на платформах узкоколейки не спеша плывут чистые, пахнущие смолой пиломатериалы.

Пройдет час — другой, и они станут узлами и деталями нового, только что народившегося дома.

* * *

Новый дом... Сколько радости людям, когда он удобен, красив, дешев!

На заводе создаются дома, в которых людям, купившим их, предстоит жить сравнительно долгое время. Значит, надо, чтобы дома были не только красивыми, но и прочными. К тому же, чтобы где-нибудь в Голодной степи, за тысячи километров от завода, быстро собрать такой дом, в нем все должно быть выдержано строго по размеру, или, как говорят, согласно стандарту.

— Стандартное домостроение,— рассказывает Николай Васильевич Шалагинов, начальник домостроительного цеха,— сравнительно новая отрасль нашей промышленности. Ей принадлежит большое будущее. В планах семилетки намечается широкое освоение природных богатств страны. В отдаленных и малонаселенных районах предстоит за короткий срок построить много жилья. Пойдет туда немало наших вятских домов. Готовимся значительно расширять свое производство. Да вот вопросов много нерешенных. Скажем, технология. Расходуем непростительно много леса на полезный метр жилой площади. Как быть? Не все благополучно и по части конструирования. Конструкторы должны работать в контакте с нами, а не за тридевять земель от нас. Были бы они поближе к нам, была бы и себестоимость дома другая. У нас тут каждый рабочий — рационализатор. А есть среди них люди редкостной смекалки. Климов... Может, слыхали? Вот уж поистине золотой человек...

Николай Васильевич быстро шагал между лентами транспортеров и работающих станков. Я едва успевал за ним.

— Познакомьтесь!

У верстака стоял сухощавый, подобранный человек. На нем — удобная рабочая блуза, фартук. В одном кармане блузы карандаш, в другом — стамеска. Ему помогает молодой паренек, еще не успевший снять куртку ремесленника.

Поздоровавшись, Климов на время оставил работу. Мы разговорились.

Александр Николаевич — опытный столяр. Он работает в цехе уже пятнадцать лет. Его руками сработано много столярных изделий в домах, что стоят сейчас в поселках целинников, шахтеров Караганды. Климов и его помощник Вениамин Опарин изготовляют кронштейн для крыльца. Каждый из вас, наверное, знает, что это такое: два кронштейна, сделанные из брусьев, поддерживают навес над входной дверью. Изделие неказистое с виду. А посмете стоимость его — двадцать пять рублей. Климов и Опарин, получив чертежи, задумались: «Батюшки мои! За что же это двадцать пять рублей?»

Решили удешевить и упростить изделие. Предложили свою конструкцию кронштейна — более дешевую и простую. С ними согласились. Пустили в ход. И все же дороговато получается. Много ручного труда: фрезерование, нарезка шипов... Александр Николаевич присмотрел фрезерный станок, бездействовавший после ликвидации устаревшей поточной линии, и как-то вечером, после смены, подозвал к себе слесаря Геннадия Некрасова.

— Посмотрите-ка мой чертежик.

Некрасов повертел в руках чертеж, задумался.

— Мысль интересная, но можно сделать и так: фрезеровать не один брусок, а сразу два. Скреплять их скобой, а в середине пускать фрезу.

Вместе с Некрасовым они установили сначала фрезерный, а затем и цепно-долбежный станок. Время обработки деталей сократилось в несколько раз. Задерживала только сборка. Как ни бились, все уходило не менее пяти — семи минут.

Это было в те дни, когда вся страна готовилась к XXI съезду КПСС.

О новых обязательствах к съезду говорили на собраниях. А Климов все почему-то отмалчивался. «Мы и так работаем неплохо»,— отвечал он, если спрашивали. А сам, едва кончится смена, спешил домой. В маленькой мастерской, оборудованной в сенцах, Александр Николаевич мастерил верстак-шаблон, который позволил бы ускорить сборку деталей. Иногда приходил сюда и его помощник — Вениамин Опарин. Модель удалась. Теперь сборка кронштейна не занимает и одной минуты. А себестоимость его уже не двадцать пять, а три рубля.

...Вятка — лесной край. В этих местах исстари люди жили тем, что выделывали для рынка деревянные игрушки, лопаты, дуги, ложки. Этим промыслом занимались сотни тысяч кустарей. Многие из них славились своим искусством. Ныне потомки славных мастеров делают из дерева не дуги и лопаты, а сложнейшие технические изделия: слоеную фанеру, заменяющую дорогие облицовочные материалы, тончайшую конденсаторную бумагу, дома. Все изменилось в этом крае: пришли машины, заменившие тяжелый ручной труд на разделке древесины, поточные линии, возникшие на многих производствах. Но осталось неизменным главное — любовь потомков вятских умельцев к своей профессии.

Эту любовь, рассказывал нам Александр Николаевич, он унаследовал от старого столяра, учеником которого был. Сейчас тот ушел на пенсию. Его заменил Климов, и теперь он сам старается передать свое мастерство молодым домостроителям.

* * *

Широкий, как перрон вокзала, дощатый настил протянулся на добрую сотню метров. Это погрузочная площадка. Сюда поступают изделия из всех цехов. Здесь они комплектуются, и дом становится наконец домом. Аккуратные штабеля цепочкой выстроились вдоль железнодорожной ветки — это дома, сделанные за день.

— Один, второй, третий...— Николай Васильевич Шалагинов проходит по погрузочной площадке, заставленной домами, словно офицер перед строем солдат.— Восемнадцать! — произносит он, довольный.— Значит, шесть сверх плана.

Мотовоз подал к погрузочной площадке вагоны. Огромный башенный кран захватил комплекты готового дома, и они скрылись в вагоне. Вагон — дом... Вагон — дом...

И лишь один из них остался посреди погрузочной площадки, он стоял здесь вчера и будет стоять завтра: это дом-эталон.

Вместе с Шалагиновым мы входим в него. Чисто, светло; пахнет смолой и масляной краской... Невольно вспомнились такие же сборные дома в поселках новых целинных совхозов. За последние годы мне не раз приходилось бывать на целине — и в Казахстане и на Алтае. На глазах за лето вырастали в степи целые городки новых домов. Людям, проведшим весну и лето в палатках, это казалось чудом. И какая радость светилась в глазах молодых целинников, когда они получали ключи от нового дома, вот такого, какой стоит сейчас на погрузочной площадке!

За последнее время многое усовершенствовалось в нашем домостроении. Сейчас Ново-Вятский ордена Трудового Красного Знамени лесозавод производит сборные каркасные дома с заполнителем стен из местного материала. Дом, о котором мы рассказывали, одноквартирный; он рассчитан на одну семью. Здесь три комнаты: детская, столовая и спальня. Тут просторные коридоры, кухня. Дом дешев, удобен в транспортировке. Применение местного стенового материала делает его универсальным. В Булаевском совхозе, на севере Казахстана, я видел такой дом, утепленный камышитовыми плитами. В нем зимой было значительно теплее, чем в обыкновенных сборных домах, со стенами из деревянных щитов.

...Мы переходим из комнаты в комнату. Доски пола тщательно пригнаны; двери и оконные переплеты сделаны добротно. Комнаты светлые, просторные. Однако приобрести сборный дом пока еще не так-то легко. Стандартных домов у нас производится мало.

— В месяц по плану мы должны производить двести шестьдесят домов,— рассказывал Шалагинов.— А когда началось соревнование в честь XXI съезда партии, мы стали делать по триста двадцать и более домов.

У вятских домов большое будущее. Старейший в Кировской области лесозавод строится, реконструируется. Тут и там возводятся новые цехи. Лесозавод готовится к выполнению больших заданий семилетки. Над его строительством взял шефство комсомол. По путевкам комсомола сюда прибыли сотни юношей и девушек.

— После реконструкции,— продолжает свой рассказ Николай Васильевич,— завод увеличит выпуск домов почти вчетверо — с 115 до 450 тысяч квадратных метров в год.

Вятский дом скоро станет доступен каждому — и горожанину и колхознику.

Перспективным планом развития промышленности Кировского экономического района на 1959—1965 годы в области предусматривается строительство ряда новых домостроительных комбинатов — в Омутнинске, Лузе, Подосиновце. Будет сооружено также два специализированных завода по производству стенных заполнителей: древесно-волокнистых и древесно-стружечных плит.

Вятские домостроители в 1958 году дали стране стандартных домов площадью около 300 тысяч квадратных метров. В конце семилетки производство их увеличится в восемь раз. Лесной вятский край — край, производящий самое необходимое людям — жилье.

Столяр А. Н. Климов за обработкой деталей крыльца.

УНИВЕРСИТЕТ ПОСЛЕ РАБОТЫ

А. КАШТАНЬЕР

Не так давно на предприятиях и в учреждениях Харькова появились афиши, объявившие о том, что начал свою работу народный университет культуры. Его создали харьковские артисты, художники, композиторы, искусствоведы. Мысль об университете подали им участники первого городского слета бригад, соревнующихся за звание коммунистических.

Занятия проводятся во дворцах культуры и клубах. Для удобства слушателей каждый факультет имеет свой филиал вблизи заводов. Работают факультеты: театральный, музыкальный, изобразительного искусства, хореографический. Каждая лекция сопровождается показом произведений живописи и скульптуры, исполнением отрывков из пьес, музыкальных произведений, народных и классических танцев.

Мы побывали на занятиях в университете и хотим рассказать об одном дне его жизни.

На лекции-концерте во Дворце культуры Харьковского электромеханического завода перед слушателями выступали мастера оперного театра.

В зале перед сценой мы увидели группу кинооператоров, снимавших концерт. Оказалось, что это не профессионалы, а любители, члены самодеятельной киностудии: подручный расточника В. Костылев, сверловщик В. Щекинов и руководитель операторской группы А. Магдалинов. Те, кто не сумел попасть на эту лекцию, посмотрят этот фильм.

Во Дворце культуры «Металлист» шло занятие факультета хореографии.

С интересом слушали лекцию сидящие в первом ряду партера электрик Завода транспортного машиностроения имени В. А. Малышева А. Карпенко, фрезеровщик электромеханического завода Я. Лытварь, воспитательница детского сада № 26 Е. Маковейская, инструктор школы торгового ученичества Т. Николаева.

Главный балетмейстер Театра оперы и балета имени Н. В. Лысенко И. Ковтунов (на нижнем снимке) рассказал об истории и особенностях народного и классического танца.

Артистка Ольга Маевская исполнила танец из балета «Баядерка».

Во Дворце культуры тракторного завода во время лекции о театральном искусстве актеры

Фото Я. РЮМКИНА.

театра русской драмы Н. Шеремет и Г. Ратальский показали сцену из драмы Островского «Василиса Мелентьева».

В Харькове хорошо знают первую на турбинном заводе бригаду коммунистического труда, возглавляемую Иваном Горбатько (крайний слева). Эта бригада слесарей-сборщиков редукторного участка паротурбинного цеха обязалась за семилетку дать десять годовых норм. Вечером мы встретили членов бригады и самого бригадира в зале филармонии, куда они пришли после лекции «Что такое музыка, как ее понимать и слушать». В этот вечер в зале филармонии выступал лауреат Международного конкурса имени Чайковского скрипач В. Климов.

В антракте рабочие познакомились со скрипачом. Завязалась непринужденная беседа.

...Обширна учебная программа факультета изобразительного искусства. Произведения эпохи Возрождения, реалистическое искусство XVIII и XIX веков, передвижники, советская живопись и скульптура — обо всем этом и многом другом узнают рабочие на лекциях.

В ламповом цехе завода «Свет шахтера» бригада сборщиков, возглавляемая Юрием Чернышовым, соревнуется за получение звания коммунистической.

В полном составе бригада пришла в Музей изобразительных искусств, чтобы посмотреть картины выдающихся русских и зарубежных мастеров.

Приходят на занятия университета рабочие, среди которых далеко не все умеют рисовать, играть, петь, танцевать, приходят потому, что хотят научиться понимать искусство, приблизиться к нему. Молодые, пытливые, они впитывают в себя каждое слово лекторов о музыке, театре, живописи... И когда через некоторое время каждый из них войдет в театральный, концертный или выставочный зал, можно будет смело сказать, что это понимающий, взыскательный зритель!

ЖУНДАН

А. СКРЫПНИК

«...Отдельно следует сказать о Монгольской Народной Республике, которая, минуя капиталистическую стадию, давно уже встала на социалистический путь и добилась больших результатов в хозяйственном и культурном строительстве»

Из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Рисунки К. АКСЕНОВА.

Сын ушел из дома. Бросил юрту, в которой родился. Сын, которого он, Дугуржав, вскормил, пятилетним посадил на коня и сделал настоящим аратом. А он не захотел быть аратом и ушел к людям, которые долбят гору и достают из земли камень с непонятным названием «руда».

Дугуржав сидит на корточках, прислонившись спиной к жестким ребрам юрты, и курит длинную трубку с металлическим наконечником. Ему слышно, как жена ходит по юрте, гремит чайником, тихо всхлипывает:

— Жундан, сынок мой, жеребенок мой! Я не уберегла тебя.

Старый пес, с обрубленными ушами, со свалявшейся шерстью на боках, подполз на брюхе к Дугуржаву, лизнул руку. Дугуржав зло пнул его ногой. Прислушиваясь к всхлипываниям жены, подумал: «Пустое мелет старуха. Никто из нас не виноват. Это жизнь виновата...»

Выколачивая трубку о стержень кожемялки, воткнутой в землю, Дугуржав долго смотрит вдаль на зеленые сопки, по которым, как муравьи, ползают овцы, на густые синие тени, что залегли в распадках...

Как же это случилось, Дугуржав, что сын твой бросил родную юрту?

В тот год выдалась снежная зима. Старый Дугуржав знал, что будет большой снег, и еще с лета уговорился с соседями Доржем и Цэдэвом вместе заготовить на зиму корма для скота. Вместе с сыном Дугуржав с вечера приготовил косы, сделал новые черенки к вилам. А утром на маленьком сером стригуне прискакал сынишка Цэдэва, хозяина сенокосилки, и с сияющим лицом сообщил:

— Мы вступаем в объединение. Отец велел сказать: он не поедет с вами на покос!

Мальчишка крутнул коня на месте и, радостно взвизгнув, помчался обратно.

Другой сосед, Дорж, приехавший в тот же вечер, сказал:

— У тебя нет сенокосилки, Дугуржав, и у меня ее нет. А в объединении есть даже такая, что сама ездит, без лошади. Из Советского Союза, говорят, привезли... Я тоже решил в объединение...

Дугуржав молчал. Дорж посидел еще немного: ему неловко было уезжать просто так, и он предложил купить у него нагульную кобылицу на мясо.

— Дешево продам...

— Иди ты со своей кобылицей! — зло сказал Дугуржав.

Когда сосед уехал, он буркнул:

— Сами выедем на покос.

...Накосили они немного. В середине зимы корма подошли к концу. Пастбища завалило снегом. Приехал на зимник председатель бага в длинном дели, подбитом белой мерлушкой, в потертом заячьем треухе.

— Вступай в объединение, Дугуржав,— уговаривал он.— Скот спасешь. Государство идет навстречу арату: зерно дает, машины дает.

Дугуржав хмуро усмехнулся:

— Зерно дает, машины дает, а скот берет?! А арат без скота — какой арат?

— Кто же у тебя берет скот?

— Я темный человек, уважаемый председатель, но я знаю: отдашь скот в объединение, в общий котел, и он уже не твой.

Они спорили долго. А Жундан лежал, укрывшись тяжелой кошмой, слушал, как за стеной гудит ветер, заметает юрту снегом, и думал: «Все вступают в объединение, один отец не хочет. Неужели бывает так, что десять не правы, а один прав?..»

Через два дня они перекочевали к реке. Здесь снегу было меньше. Отец сказал:

— Жундан, ты слышал: в горах строится рудник. Люди ковыряют гору и достают из земли какой-то камень. Говорят, там можно хорошо заработать...

Жундан оседлал коня и поехал. Он ехал почти целый день все вверх и вверх по крутой дороге. Ему казалось, что вот он поднимется еще вот на эту, последнюю гору и там уже будет край земли. Но когда он одолел последний перевал, он увидел аккуратные домики поселка. Слева, прямо на скалах, примостилось деревянное строение, похожее на большой дом. Туда шли машины, груженные камнем, и из строения доносился грохот. Жундан мысленно попрощался с кочевьем...

Но через месяц на рудник приехал отец. Он разыскал Жундана в клубе. Шло собрание, и Жундан сидел рядом с парнями, одетыми в такие же, как у него, брезентовые куртки и штаны, и внимательно слушал выступление рябого черноволосого человека в сером костюме. Дугуржав пробрался к сыну, присел рядом с ним и тоже стал слушать. Человек говорил по-монгольски, но слова были непонятные: «процент», «штрек».

— Это ваш начальник? — спросил Дугуржав сына.

— Что ты! Это парень из нашей бригады, дробильщик.

Человек вернулся в зал. Все стали хлопать в ладоши. Дугуржав тоже стал хлопать, чтобы не обидеть соседей.

После собрания он спросил Жундана:

— Деньги заработал?

Жундан достал из кармана деньги, завернутые в платок.

— Давай собирайся, поедем.

— Куда?

— Домой. У нас сейчас на реке Эрен зимник.

— Мне же сейчас на смену.

— Мать ждет, овцы дохнут, а ты на смену...

Жундан переоделся в дели, положил брезентовую спецовку на видном месте (он жил в общежитии) и в тот же день уехал с отцом.

И опять потянулись длинные дни в холодном степном безмолвии. На заработанные Жунданом деньги купили три скирды сена, новую кошму для юрты. Жундан пас овец, в заснеженном займище рубил тальник на топливо. Ночами ветер часто хлопал по крыше отвязавшимися концами веревки, а Жундану слышался гул дробилки, и он вспоминал рудник. Он работал в обогатительном цехе, в том деревянном строении, которое увидел на горе, когда впервые приехал на рудник. Жундан подавал лопатой породу в бункер. Работа была тяжелая. Но какие там ребята! Если он уставал, парень, работавший рядом с ним, говорил:

— Садись, отдохни. Я за тебя покидаю.

Вечерами они шли в клуб, залитый ярким электрическим светом. Ребята и девушки выступали на сцене. Жундан тоже был на сцене. Правда, он только открывал занавес. Но в зале все видели, что это был он, Жундан.

Ветер выл за стеной, наметая пухлые сугробы снега в степи.

Весной, когда сошли снега, засинели далекие горы и вода, чистая, как синее небо, зазвенела в Эрене, снова кончились корма. А трава еще не поднялась.

И опять Жундан подался на рудник. Перед отъездом у них с отцом был короткий разговор.

— Месяц поработаешь — и назад, — предупредил отец.

Они возились у овчин, разложенных в юрте и намазанных кислым молоком. Вытирая руки о траву, Жундан сказал:

— Мне нравится на руднике. Я бы хотел остаться там насовсем.

Отец вскипел:

— Ты арат! И дед и прадед твои кочевали по степи! Не дело арата — ковырять гору. Ты арат.

— Тогда давай вступим в объединение. Вот я работал на руднике — хорошо, когда вместе люди.

— А чем нам плохо? Заработаешь денег — купим сенокосилку. А объединение ни к чему. Туда идут, у кого скота нет.

— Но у Цэдэва были и скот и сенокосилка, а он вступил в объединение, — попробовал возразить Жундан.

Отец молчал. Он крепко стоял на своем.

На Тумэн-цогте секретарь ревсомольской ячейки Дамдиндорж, в синем дели, подпоясанном армейским ремнем, долго водил Жундана по руднику, рассказывал:

— У нас человеку легко расти. Раньше тут все специалисты были из Советского Союза. Теперь они научили наших ребят: у нас свои электрики, мастера, проходчики.

Жундана поставили в обогатительный цех, к бункеру. Он работал хорошо и охотно. Сменным мастером у них была девушка из Советского Союза. Ее звали Тамара. Как и все ребята, она носила брезентовые куртку и штаны. Она говорила ребятам:

— Каждый из вас может стать сменным мастером. Вот ты, Жундан...

Жундан отвечал словами отца:

— Я человек темный.

— Какой же ты темный? Семь классов окончил. Тут поработаешь — поедешь на курсы мастеров в Чойбалсан...

Жундан жадно ко всему приглядывался. Если было свободное время, он торчал у грохота, рядом с доводчицами, часами просиживал в лаборатории. О нем написали в стенгазете как об одном из лучших рабочих обогатительного цеха. Банзарагчи, с которым он вместе работал, сказал ему:

— Ты можешь подать заявление, и тебя примут в ревсомол как лучшего рабочего.

Жундану хотелось в ревсомол. Ревсомольцы были хорошими, веселыми ребятами. Они помогали друг другу, организовывали концерты, работали лучше всех. Жундан посоветовался с Тамарой. Она сказала:

— Просто так не вступай. А если сердце хочет, вступай.

Жундан подумал, походил дня два и решил: тянет к ревсомольцам — значит, сердце просит. И написал заявление. Это было в тот день, когда их смена на семь дней раньше срока выполнила месячную программу.

А через два дня, возвращаясь со смены домой, Жундан встретил у дверей общежития отца. Он держал в поводу двух коней.

...Они спорили долго.

— Я останусь здесь, — твердил Жундан. — Я буду рабочим, я хочу выучиться на сменного мастера.

— Ты не рабочий, ты арат. И потом как ты бросишь старых родителей?

— Я буду отдавать вам все деньги.

— Не нужны мне деньги. Возвращайся в степь.

— Не вернусь.

— А мать? Ветер не высушит ее слезы...

Жундан укладывал на видном месте брезентовую спецовку. Уборщица общежития Дугарма, красивая большеглазая девушка, тянула Жундана за рукав:

— Не уезжай...

Жундан уехал. Весна шла по степи. Она звенела чистыми ручьями, слепила жарким солнцем, отражавшимся в голубых реках, опутывала сверкающей паутиной распускающуюся черемуху.

Летник устроили в займище на берегу Херулена. Рядом встала на летовку молочная ферма аратского объединения. Веселые доярки, звеня подойниками, весело перекликались между собой, и вечерами далеко слышалась музыка из радиоприемника, стоявшего на ферме.

А Жундану по ночам снился рудник: веселая Тамара, грохот цеха, шумные собрания и еще почему-то большеглазая уборщица общежития Дугарма...

Опять приезжал председатель бага в своем неизменном заячьем треухе.

— Не упирайся, как норовистый конь, — говорил он отцу. — Неужели ты не видишь, что в объединении легче жить? Твой сосед Дорж заработал триста трудодней, и о нем написали в газете «Унэн». И коровы у него есть, и овцы, и кони...

Отец покуривал трубку и молчал.

Однажды вечером, вернувшись с пастбища, Жундан услышал, как мать разговаривала с отцом.

— Жундан почернел с тоски, — сказала она, — может, не надо держать его, если сердце просится туда, в горы...

Жундан не расслышал ответа. Он стреножил коня, положил седло у коновязи и пошел по дороге в Тумэн-цогт...

Вот с чего началось и чем кончилось, Дугуржав. Так сын твой ушел из юрты, где вырос, из степи, где первый раз сел на коня.

Уже тени в распадках слились в сплошную темноту, туман пополз с реки, уже перестала всхлипывать за стеной старуха, а Дугуржав сидит, смотрит перед собой в темноту и думает, думает...

Жундан пришел прямо в цех и, хотя была не его смена, принялся орудовать лопатой.

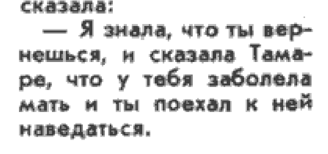
— Жундан, где пропадал неделю?

— Наверное, к невесте в баг ходил,— шутили ребята.

Жундан работал молча.

Утром, встретив его в общежитии, Дугарма сказала:

— Я знала, что ты вернешься, и сказала Тамаре, что у тебя заболела мать и ты поехал к ней наведаться.

«Ах, Дугарма, откуда у тебя такое сердце, откуда в глазах такое ослепительное солнце, а косы твои чернее вороного коня!» — думает Жундан.

Днем Тамара сказала Жундану:

— А у меня для тебя новость — поедешь на курсы мастеров в Чойбалсан. Выучишься — будешь сменным мастером вместо меня. Я ведь уезжаю совсем.

И тут Жундан не выдержал и рассказал Тамаре всю правду.

...Опять косматые тучи, похожие на растянутые овчины, поплыли над степью. Пожелтели склоны сопок, в распадках яркими кострами пылают березы и лиственницы. Лето прошло, а Жундан и не заметил его. Ему кажется, будто никогда и не был он аратом, а всю жизнь провел здесь, в цехе, под грохот дробилок...

В маленький деревянный домик, где они живут теперь с Дугармой, к Жундану приехала мать. Они долго говорят о делах, о жизни.

— На деньги, которые ты прислал последний раз, купили радиоприемник, — говорит мать. — Правда, он не работает: электричества нет. Но, говорят, скоро будет и в нашем баге электричество...

Жундан спросил об отце.

— Отец в объединение собирается вступить. Когда говорят ему: «Как же ты решился», — он отвечает: «Жизнь во всем виновата. Спасибо ей!»

Репортаж

Стефан ГЕЙМ

Я верю в жизнь

Если мы заглянем в прошлое, то увидим, что научные открытия всегда были одним из мощных двигателей истории. Эти открытия в свое время прозвучали похоронным звоном для феодального мира, и католическая церковь знала очень хорошо, почему она сожгла на костре Джордано Бруно и почему заставляла Галилея отказаться от его воззрений под угрозой пыток и мучений.

Ученый-естествоиспытатель открывает новые возможности человека в борьбе с природой. Техник применяет законы, открытые ученым, на практике и помогает созданию новых орудий производства. И вот новые производительные силы делают прежние производственные отношения устаревшими и негодными. В порядок дня, как прекрасно сформулировал это Маркс, становится социальная революция.

Профессор В. А. Петухов, с которым мы беседовали в Дубне, изложил свои мысли об этом очень сжато.

— Каждое открытие в нашей науке — шаг к тому времени, когда все человеческие потребности смогут удовлетворяться с такой же легкостью, с какой вы дышите воздухом. Представьте себе то время, когда энергия будет добываться из воздуха. Что может быть дешевле и изобильнее! Но разве можно монополизировать воздух? И как сможет продолжать существовать капитализм, если основным источником всего, что необходимо для жизни, станет просто воздух?..

Да, подумал я, развитие науки тоже подрывает основы существования капитализма. Парадокс заключается в том, что многие буржуазные ученые не замечают, как с каждым своим новым научным открытием они углубляют могилу, уготованную для капиталистической общественной системы. Некоторые из них, впрочем, понимают это. В Дубне мне рассказали об одном известном западном физике, который на недавнем научном конгрессе в частной беседе заметил, что для укрепления своих позиций его правительство и правительства других западных стран должны были бы запретить под страхом смерти... всякие дальнейшие исследования в области ядерной физики, электроники и автоматизации!

Но если бы даже капиталисты хотели этого, они не могут повторить попытку средневековой церкви задержать приход нового времени, наложив запрет на работу своих ученых. На одной трети земного шара, в странах социализма, наука ничем не скована, и соревнование с этой свободной наукой заставляет капиталистическую систему платить за ту веревку, на которой она же сама будет повешена. И хотя большинство западных ученых и мыслителей не осознает отчетливо то новое, что уже принесла человечеству история, это факт, что на Западе умами ученых овладевает глубокое — чтобы не сказать трагическое — чувство беспокойства, неловкости, страха.

Не кто иной, как сам профессор Норберт Винер, который назвал словом «кибернетика» новую науку о самоуправляющихся и думающих машинах, в своей книге о кибернетике писал:

«...После завершения второй промышленной революции рядовой человек средних или ниже средних способностей не будет иметь ничего, что кто-нибудь другой захотел бы купить...» Вот оно, зерно рассуждений Винера о будущем мире! Он рисует его себе так: небольшие группы высококвалифицированных специалистов, имеющие в своем распоряжении огромное количество чрезвычайно сложных машин, производят все, что может потребить общество, в то время, как остальные люди, которые обычно продавали свои руки, потому что у них не было ничего другого для продажи, не смогут продавать даже их, так как рабочая сила этих людей уже больше не нужна...

Некоторые «мыслители» на Западе договариваются до того, что общество задохнется от своего собственного изобилия, что люди среди полного изобилия будут жить на уровне, который едва позволит им поддерживать жизнь. С одной стороны, полеты в космос, полупроводники, ядерная энергия, а с другой — «человек средних способностей», ковыряющийся в куче отбросов,— так представляют они себе картину будущего.

Насколько оптимистичнее, насколько увереннее в себе и в том обществе, в котором он живет, профессор Петухов из Дубны! Он закончил свой разговор со мной следующими словами:

— Раз все человеческие потребности будут удовлетворяться с такой же легкостью, с какой вы дышите воздухом, человек сможет сосредоточить силы на **подлинной** цели своего существования, на **настоящей** жизни. Человечество идет к этому...

Норберт Винер тоже ищет «выход» из отчаянного положения. Хотя он отнюдь не марксист, он предлагает избежать жестокой судьбы для людей, которые не имеют «ничего, что кто-нибудь другой захотел бы купить», путем создания «общества, основанного на человеческих ценностях, а не на купле-продаже».

Таково весьма многозначительное признание идеолога буржуазной кибернетики. И Винер продолжает: «Чтобы достичь этого общества, нам придется многое обдумать и за многое бороться, и прежде всего бороться за наши идеи, если только обстоятельства будут нам благоприятствовать. В противном же случае кто знает, что произойдет?»

Я мог бы назвать людей, которые знают. Одним из них был Карл Маркс. Но я хочу еще вернуться к «обычным людям средних способностей» профессора Винера, которые составляют большинство трудящихся. Что же случится с ними в том недалеком будущем, когда, в соответствии с мыслью профессора Петухова, источником всего, что необходимо для поддержания жизни, будет просто воздух?

Я заранее предполагаю, конечно, что к этому времени повсюду будет создано общество, основанное на достоинствах человека, а не на купле и продаже; общество, в котором средства производства и распределение того, что произведено, больше не будут монополизированы меньшинством. Что же мы будем делать тогда, мы, «обычные люди средних способностей»? Играть в шашки, как те люди, которые работают на автоматической линии Автомобильного завода имени Лихачева? Сажать цветы вокруг дач? Ездить на рыбалку?

Не говорите, что вы об этом только и мечтаете. Каждый любит играть в те игры, которые ему нравятся, или возиться в саду, или сидеть на берегу речки. Но делать это в течение целого дня? Каждый день в течение целого года?

Нет, конечно, вы люди не такого склада. Вам совсем не хочется быть трутнями. Вы хотите работать! Но какую же работу вы хотите получить, вы, обыкновенный «человек средних способностей?»

То, что забывает или не хочет понять профессор Винер, сегодня, в 1959 году, заключается в следующем: мы «обыкновенны» и наши возможности «средни» только потому, что сегодня мы обладаем способностями 1959 года; нас тренировали десять, двадцать или тридцать лет назад для тех целей, которые можно было предвидеть в то время,— и не больше. Конечно, есть люди, обладающие бо́льшим талантом, чем другие. Но все же я осмеливаюсь утверждать, что средний человеческий ум — это орган, который обладает огромными возможностями развития, и для этого вовсе не нужны тысячелетия, а нужно лишь обучение. Я верю, что средний человек из народа, именно **обычный** человек, станет полновластным хозяином атомного ядра. Я верю, что интеллигенция рождается из рядов обыкновенных людей, таланты которых можно разбудить и развивать дальше. То, что я видел в Советском Союзе, люди, с которыми я встречался, беседы, которые у меня были, полностью подтвердили мое убеждение.

Маленький сирота, который стал изобретателем автофазировки и руководителем работ на самом большом в мире ускорителе частиц; ученик в типографии, который стал инженером и директором автоматизированной электростанции; сыновья крестьян и рабочих, которые сегодня являются членами Академии наук и возглавляют научный прогресс человечества,— все это убедило меня в том, что на земле еще по-настоящему не используются не только ресурсы ядер материи, но и те возможности, которые скрыты в сером веществе, находящемся в наших черепных коробках. Нет, я не беспокоюсь о том, что «средний человек» не сможет выдержать требований будущего. Если человек, который в конечном счете есть не что иное, как сочетание высокоорганизованной материи, смог постепенно раскрыть тайны самой материи, частью которой он является, то я не вижу пределов тому, что он может свершить!

Я верю в будущее. Я верю в человека. Я верю в жизнь.

Мечты, вечное искание

Будет глупо и едва ли поможет делу, которому я глубоко предан, если я скажу, что Советский Союз — это уже готовое царство электроники, автоматизации, атомной энергии. По дороге в Дубну рядом с оборудованными новейшей техникой шлюзами канала Москва — Волга лежит город Дмитров. Он кое в чем выглядит еще так, как, возможно, выглядел и сто лет тому назад: есть в нем и покосившиеся деревянные дома, и базарная площадь, окруженная

Окончание. См. «Огонек» №№ 2 4, 6, 8.

старинными «рядами» с облезшей краской, и плохо замощенные улицы... Старое доживает свой век, и новое пробивается на его место.

Нужно ли перечислять многочисленные причины, которые объясняют такие контрасты: войны, которые вынужден был вести советский народ против окружающих его врагов, отсталость страны, в которой Советы начали строительство нового общества...

Насколько я могу судить, советские ученые, особенно физики, идут в первых рядах новых людей, созданных Советами. В советском ученом совмещены широкие знания в своей научной области, спокойное и объективное понимание возможностей науки и ее устремлений, глубокое чувство долга перед Родиной и человечеством, твердая убежденность в торжестве коммунизма, большое и чистое увлечение своим делом. Это относится в полной мере и к тем ученым, которые вышли из рабочих и крестьян, и к тем, кто рос в среде старой интеллигенции или даже в кругах прежней аристократии. Жизнь, которую они прожили, условия, в которых они работали, трудности, перенесенные ими вместе со всем народом,— все это создало когорту людей, искренне стремящихся и способных помочь своей стране завоевать великое будущее, а человечеству — желанный мир.

Вопрос о войне и мире всегда возникал сам собой в моих беседах с советскими учеными. А там, где он не вырастал естественно из разговора, его ставил я: живя в Берлине, в расколотой надвое столице разделенной надвое страны, я, естественно, очень чувствителен к этой теме...

Как и физики всего мира, советские физики знают, что силы природы, с которыми они имеют дело, способны вызвать величайшие разрушения. Каждый из них отдает себе полный отчет в том, какую страшную опасность могут представить эти силы в руках новоявленных гитлеровских вояк и растленных империалистических политиканов наших дней. Нет, они не пацифисты того толка, которые в свое время надеялись, что мир может быть спасен полюбовным соглашением и законным браком между нефтяной империей Рокфеллеров и химической империей ИГ-Фарбениндустри.

Советские ученые горячо и безоговорочно поддерживают советскую идею мирного сосуществования. Мне думается, что они не могли бы работать так спокойно и уверенно, заглядывая на десятилетия вперед, если бы сомневались в способности человечества обуздать современных крестоносцев с водородной бомбой в руках. Случилось так, что я беседовал с членом-корреспондентом Академии наук СССР Евгением Константиновичем Федоровым из Советского комитета по проведению Международного геофизического года как раз в тот день, когда пришло известие: американские бомбардировщики с грузом атомных бомб регулярно совершают полеты в направлении полярных границ Советского Союза. Я упомянул об этом в очень беспокойном тоне.

Федоров только пожал плечами.

— Удивляюсь вашим нервам! — сказал я.— Из какой толстой проволоки они сделаны?

Он рассмеялся.

Я почувствовал, что крепость нервов профессора Федорова — это лишь частичка общего настроения всех советских людей. Необходимые меры предосторожности страна приняла; а остальное сделает уверенность в собственных силах, в собственной правоте, вера в то, что здравый разум народов одолеет безумие войны.

Когда появился на небосклоне советский спутник-1, обыватель на Западе стал задавать себе вопрос, а газеты поддерживали его в этом: как сумела советская наука и техника догнать технику Америки во многих областях, а в некоторых даже превзойти ее? Многие обозреватели искали ответ в том, что, во-первых, СССР тратит много денег на науку и, во-вторых, там высоко стоит техническое образование.

Спору нет, оба объяснения верны. В Дубне я задал вопрос академику В. И. Векслеру о финансовой базе теоретических исследований, которые проводятся в советской физике. Он ответил:

— Нам дают возможность не заботиться об этом. Мы сообщаем Академии наук обо всем, что собираемся делать, и когда наши планы утверждаются, деньги, оборудование, материалы оказываются к нашим услугам. Я не знаю случая, когда Советское правительство отказало бы в финансировании плана исследовательской работы, поддержанного авторитетной группой ученых.

Однако в Соединенных Штатах тоже тратятся большие деньги на исследовательскую работу в области физики. Запуск советских спутников принес не только новые данные о составе ионосферы,— он вызвал панические вложения сотен миллионов долларов в не менее паническую программу «состязания в завоевании космоса».

Но еще более важной причиной замечательных успехов советской науки мне представляется вторая — уровень образования в СССР. Советские высшие учебные заведения выпускают больше инженеров и научных работников, чем американские колледжи и университеты. Но различие здесь не только в количестве. Школа в Советском Союзе — нечто совсем иное, чем в Америке. Советская система обучения — это социалистическая система, она не ставит образование юноши и девушки в зависимость от доходов и положения папаши. Она ориентируется на таланты и способности людей, вышедших из **всех** слоев советского общества, всех народов и национальностей СССР, без какого-либо ограничения. А сколько способных людей остается в США за бортом науки благодаря дискриминации и изоляции талантливого негритянского народа! Сколько одаренных умов гибнет там из-за того, что сотни тысяч юношей и девушек должны бороться за кусок хлеба для семьи вместо того, чтобы учиться!

И все-таки есть еще нечто, что лежит в основе бурного расцвета советской науки. Различие в строе государств не ограничивается только экономической и политической областями. Это различие пронизывает собой и личную жизнь каждого человека, формирует его ум и сердце. В Дубне доктор физико-математических наук В. П. Джелепов, имеющий, как мне кажется, склонность к социологии, подчеркнул это обстоятельство в разговоре со мной.

— В социалистических странах,— сказал он,— достижения науки проникают в самые глубины народа; в капиталистических странах они покупаются и «потребляются» главным образом правящим меньшинством. Это имеет и психологическое значение: у нас стремление к научному знанию становится всеобщим и всеобъемлющим, там социальные условия тормозят тягу к науке...

Ученые — это, конечно, люди; им не чуждо ничто человеческое. У многих из них сложный душевный склад, и есть много оттенков в том, как мотивирует каждый свою страсть к научному исканию.

После того, как сдержанный до застенчивости академик В. И. Векслер немного «разогрелся» во время нашей беседы, я осмелился спросить его:

— Что заставляет вас взваливать себе на плечи такую трудную работу, влезать все глубже и глубже в этот сложнейший мир ваших элементарных частиц? Любопытство? Или что-нибудь другое?

Он довольно долго думал, прежде чем ответить.

— Мне кажется,— сказал он наконец,— тут действует то же самое, что заставляет композитора создавать музыку, а писателя — писать романы... Видимо, желание творить что-то новое, полезное, нужное людям!..

Профессор Б. М. Понтекорво, этот строгий и точный экспериментатор, восклицал, показывая мне синхроциклотрон: «Разве это не пре-е-е-красно?!» И тут же он сказал, что есть две категории ученых: одни бывают счастливы, когда лабораторный эксперимент подтверждает теоретические ожидания; для других интересное начинается только тогда, когда эксперимент укладывает теорию на обе лопатки...

— Мне,— сказал весело Понтекорво,— нравится больше вторая категория.

И снова о мечте

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что в ней, в мечте,— ключ к сердцу даже самых хмурых на вид и неразговорчивых советских ученых, своеобразный «Сезам, откройся!».

Вообще говоря, заставить ученых развязать язык — дело не такое уж легкое. Они охотно рассказывают о собственной работе и работе своих коллег, о своих лабораторных и опытных установках. Но мне всегда хотелось бóльшего. Я хотел добраться до «клеток», из которых созданы эти люди, узнать их взгляды, чувства, историю их жизни. И, разумеется, их мечты.

Из тех, с которыми я встречался, не было ни одного, кто не был бы внутренне воспламенен в той или другой степени какой-либо научной мечтой. Самый скупой на слова — профессор В. А. Трапезников из Института автоматики и телемеханики — сказал мне:

— Мечты... Конечно, то, что мы делаем здесь, граничит с фантастикой. Разве это не фантастика — создать системы машин, которые выполняют работу, требовавшую раньше человеческого усилия, напряжения человеческой мысли?.. Это вдохновляет... И я не вижу пределов тому, что может быть сделано... В не столь далеком будущем у нас будут полностью автоматизированные заводы... В них воплотятся надежды и мечты — да, мечты! — всех, кто работает у нас в институте...

Заведующий лабораторией электрических явлений в полупроводниках ленинградец В. П. Жузе мечтал о том времени, когда верным помощником человека, снимающим с него все тяготы физического труда, станут крохотные трудолюбивые гномы — полупроводники.

О том же в самых разнообразных формах говорила молодежь — студенты, ассистенты, лаборанты,— те, которые привыкли работать коллективно, группами, и в спорах и соревновании двигать вперед науку. И я не помню ни одного, который выглядел бы так, будто он пришел в науку из-за денег или потому, что эта работа легче, чем работа в шахте.

Человек двадцать молодежи собралось по моей просьбе в Физическом институте имени П. Н. Лебедева Академии наук на «вечер вопросов и ответов». Они расспрашивали меня о той стране, из которой я приехал,— об Америке, о западной литературе, о том, как я чувствую себя, живя в стране, две трети территории которой прикованы к прошлому, а одна треть смотрит в будущее.

Я же расспрашивал их о том мире, в котором живут они. Я дал им ключ к беседе: мечты!

О, эти «фанатики», сидевшие в комнате Физического института! Наталья Ирисова — та самая, которую я раньше видел возле счетной машины «Урал»,— сказала мне теперь, что она могла иметь лучше оплачиваемую должность в редакции научного журнала, но ей не хотелось делать «обыденную» работу — в физике она ежедневно

Научные сотрудники Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР; слева направо: Ю. В. Морозов, кандидат физико-математических наук Н. В. Карлов, В. Н. Алямовский и А. И. Блажевич.

Фото Е. Умнова.

находит что-то новое, и это «очень, очень увлекает».

Владимир Алямовский, светловолосый парень с обветренным лицом, говорил о счастье. Его счастье — видеть, как народ получает все больше того, в чем нуждается. И он не хочет ничего другого, кроме участия в строительстве такой жизни, когда счастливы будут все. «А быть счастливым,— он старательно подыскивал слова,— это... когда твоя жизнь и труд поднимают тебя, делают выше, умнее и работоспособнее...»

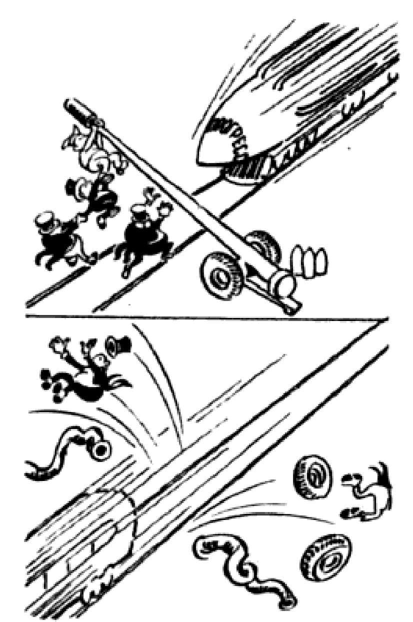
Юрий Морозов, с тонкими чертами лица и сверкающими глазами, раньше мечтал быть строителем кораблей с атомными двигателями, но так пришлось, что он занялся проблемами люминесценции; а Альфред Блажевич доказывал мне, что нет другого мерила для твоих планов и надежд, для всего, что ты делаешь в науке, технике или хозяйстве, кроме мерила служения народу.

Изяслав Пацкевич, молодой белорус, говорил о коммунистическом обществе; при коммунизме невозможны будут войны, подчеркивал он; в изобилии будет все то, что надо человеку для жизни; всякий сможет выбирать себе род деятельности, который ему по душе...

Фанатики?.. Нет, они не были фанатиками. И уж, во всяком случае, не были теми болтунами, которые прикрывают свой собственный эгоизм, свое равнодушие трескучими словами о любви к ближним, бедным и обездоленным. Это были здоровые, живые, интеллигентные молодые люди, которые на собственном опыте научились видеть жизнь, природу и историю в великой перспективе того благородного дела, которое вершит их народ. В их энтузиазме было много от ясного и непреклонного духа их товарищей, которые отстаивали голодающий, пылающий от бомб Ленинград дней войны; и тех, кто до этого строил заводы первой пятилетки; и тех, кто сегодня осваивает безбрежные целинные земли — короче говоря, той советской молодежи, которая утверждает в веках славу своей социалистической Родины.

Я чувствовал и себя молодым среди этой прекрасной молодежи. Потому что я сердцем разделял их мечту — древнюю, великую мечту человечества, которая выражена в простых словах:

«От каждого — по способностям, каждому — по потребностям!»

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

ПАФОС ТРУДА И СОЗИДАНИЯ

Б. ПОЛЕВОЙ

Среди множества интересных работ, которыми китайские художники и скульпторы обогатили выставку изобразительного искусства социалистических стран, есть полотно У Цзо-жэня «Крестьянин-художник»...

Деревенская улица, в глубине ее резвятся дети. У стены дома стоит немолодой уже человек. В большой, огрубевшей руке, явно привыкшей к физической работе, он держит толстую малярную кисть, а в другой — чашечку с краской. Держит и любуется на то, что он изобразил на белой стене своего дома: горы, могучий стебель кукурузы, глиняные печи... Рисунок, сделанный крестьянином на стене, бесконечно радует его. Столько счастья и гордости запечатлено на обветренном, грубоватом лице!

Картина не сразу бросается в глаза. Но тому, кто побывал в Китае, кто видел, как горячим ключом бьет в гигантской стране жизнь, разбуженная грозой великой революции, кто видел, как сотни миллионов тружеников с энтузиазмом переделывают лик своей Родины,— тому рисунок этот говорит очень много. Он передает дух современной истории, дух творческого подъема, царящего в стране. Он рассказывает о том, как простые труженики, стремясь запечатлеть эпоху, полную оптимизма и чудес, сами становятся поэтами и художниками.

Мне довелось постранствовать по белу свету. И еще нигде не встречал я такого прирожденного артистизма, такого подлинно всенародного стремления украсить свой быт произведениями искусства, как в Китае.

Если крестьянин найдет на своей полосе своеобразный камень, если горный поток выбросит на берег омытый водою корень, хотя бы отдаленно напоминающий птицу или голову зверя, если дожди вымоют в известняке причудливое отверстие, можно не сомневаться, что все это будет любовно подобрано и положено на видном месте в домике крестьянина, в хижине рыбака.

В стремлении украсить свое жилище простые женщины вырезают из бумаги ажурные картинки, поражающие порой и придирчивых знатоков прелестью очертаний. Искусство же китайских художников, в особенности их своеобразная живопись гохуа, всегда пленяло тонкостью и изяществом форм, наблюдательностью, необыкновенным лаконизмом.

Среди других художников, блеснувших поистине чудесным мастерством, в залах, отведенных для произведений искусств народного Китая, особенно обращают на себя внимание сделанные в традиционной манере листы двух мастеров — Ци Бай-ши и Сюй Бэй-хуна.

Первого из них, почти столетнего мастера, мне довелось видеть в его ателье в Пекине. Это был удивительный художник. Он работал до последних дней своей жизни. Когда его дрожащие от старости руки брали кисть, они вдруг становились твердыми, движениям их сообщалась точность.

На выставке представлены две его картины: «Пионы» и «Сом». Они сделаны в последний год жизни художника, но трудно поверить, что их создал почти столетний человек. Всего несколькими движениями кисти, но как изображен сом! Художник заставляет зрителя почувствовать не только движение могучего хвоста, но словно ощутить даже ту толщу воды, сквозь которую видишь рыбу.

Сюй Бэй-хун представлен одной работой—«Лошади». Но это работа, исполненная мощи, силы и грации.

Оба мастера дают в полной мере ощутить своеобразие старых китайских художников, работающих в манере живописи гохуа. Но все-таки основной центр притяжения на выставке — это листы, полотна и скульптуры, посвященные сегодняшнему дню народного Китая. Здесь традиционное великолепное искусство предстает перед зрителем в блеске неувядающей молодости, насыщенное новым, революционным содержанием. Эти работы несут в себе дыхание сегодняшнего дня, биение пульса великой страны.

У большого листа Ван Шэн-ле «Восемь героинь бросаются в реку» всегда клубится человеческий водоворот. Особенно много молодежи. И задумываешься: почему? Ведь мало кому из зрителей, подолгу созерцающих эту картину, известна страничка истории народно-освободительной борьбы Китая, когда горстка храбрецов смело приняла бой с японскими оккупантами и погибла, храбро сражаясь с превосходящими силами противника. Восемь женщин-бойцов во главе с политруком, преследуемые врагами, бросились в бурные воды реки, предпочтя смерть позорному плену. Но сила подвига, запечатленного талантливой кистью, такова, что и глаз не оторвешь от этой картины. И долго еще будут вспоминаться одухотворенные лица юных героинь...

Выставка очень многообразна. Названия некоторых картин звучат как лозунги: «Трудолюбиво и бережно вести домашнее хозяйство», «Во всех областях большой скачок», «Передвинем горы, засыплем ущелья», «Цветет народная коммуна». Но это не мешает им быть явлениями настоящего, вдохновенного искусства. Их сегодняшнее боевое звучание вовсе не делает их недолговечными картинами-поделками.

Созидающая творческая жизнь — вот что особенно пленяет всех в залах выставки, отведенных для работ художников Китая. Образы героев, перестраивающих действительность, пользуются наибольшим успехом. Тут, глядя на искусство братского китайского народа, художник любой социалистической страны может наглядно убедиться, сколь важна связь искусства с жизнью, сколь плодотворно активное вторжение мастера во все новое, передовое, сколь важно, что он запечатлевает жизнь не в своей уютной студии, а на передовых позициях созидания.

Как поэтична картина Ян Чжи-гуана «Доставка еды в снежную ночь»! Это маленький уголок жизни. Где-то вдали, сверкая фарами, трудится среди снегов трактор. А на первом плане — две девушки. Одна сигналит трактористам фонарем, другая, сидя в снегу, бережно укрывает судки и миски, в которых принесен горячий обед. И, как бы подчеркивая пургу и холод, развеваются сухие стебли камыша. Вот и все. Но эта маленькая бытовая сценка хорошо раскрывает суть новых человеческих отношений в новом Китае.

Или другая, столь же лаконично исполненная картина Вэй Цзы-си «Ветер и снег — не помеха». Молодежь на стройке. Люди копают, носят в корзинах землю. И вдруг внезапная пурга покрывает все пухлым, мокрым снегом. Ребята и девушки одеты легко, все они в тапках на босу ногу. Но столько веселого задора в их лицах, столько упорства в их глазах, что видно: пурге не остановить работу! Труд разогреет строителей, спасет от холода. Какие бы трудности ни возникли на пути этих юных строителей социализма, они не растеряются, не захнычут, все преодолеют и выйдут из испытаний еще более закаленными. Так маленькая картина приводит зрителя к большим обобщениям.

Искусство китайских художников как бы открывает для зрителей окно в ту братскую страну, где великий народ под руководством своей коммунистической партии делает великие дела. И где же, как не в нашей стране, вступившей в семилетие развернутого коммунистического строительства, это искусство найдет себе лучших ценителей?!

Когда покидаешь последний китайский зал, то уносишь в сердце чувство признательности чудесным мастерам живописи, графики и скульптуры за то, что они дали нам возможность, не выезжая из Москвы, увидеть жизнь нового Китая.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Ян Чжи-гуан (Китай). ДОСТАВКА ЕДЫ В СНЕЖНУЮ НОЧЬ. 1958 год.

Ван Шэн-ле (Китай). ВОСЕМЬ ГЕРОИНЬ БРОСАЮТСЯ В РЕКУ. 1957 год.

Тянь Лин (Китай). БОРЬБА ЗА МИНУТЫ И СЕКУНДЫ. 1958 год.

Цзян Чжао-хе (Китай). НА БЕРЕГУ РЕКИ ЯЛУЦЗЯН. 1950 год.

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ

Рассказ

М. БАРЫШЕВ

Рисунки Л. КОТЛЯРОВА.

Первая зимовка, на которую я попал лет двадцать тому назад, находилась в самом гиблом месте, какое только можно было найти на побережье от Ямала до Канина Носа.

С одной стороны темное Карское море с серыми льдинами, застрявшими на мелях, с другой — желтое тундровое болото. К этому надо добавить сумасшедший «сток» — восточный ветер. Как сейчас помню, когда он дул, бревенчатые стены избушки гудели, будто пустая железная бочка. Словно хороший дворник, «сток» начисто сметал снег с галечной отмели и складывал его у избушки такими сугробами, что нам приходилось вылезать через печную трубу.

В болоте, которое начиналось в полсотне шагов от зимовки, рождались, наверное, все комары, которые обитают в Большеземельской тундре. Их были миллионы, мириады, несметные полчища, они плыли в воздухе, как едкий сизый дым.

И пищей для этих кровопийц служили мы, обитатели избушки.

Вдобавок какой-то чудак назвал нашу зимовку «Лебединый ключ», хотя лебедей здесь не было и в помине.

Справедливости ради надо сказать, что осенью на зимовке выпадали деньки, каких вы не увидите ни в Крыму, ни в Минеральных Водах. Над галечной отмелью в полнеба пламенели холодные закаты, и солнце казалось таким близким, что протяни руку—и достанешь. Тронутая морозом брусника терпко таяла во рту, и под ногами хрустел молодой ледок, тонкий, как оконное стекло.

Зимой, когда утихал «сток», можно было вдоволь бродить с ружьем по снежной тундре, чистой, как накрахмаленная простыня.

Жили мы на зимовке вдвоем. Я, Захар Петрович Варзугин, радист, и Яснов Геннадий Львович, метеоролог.

На зимовку я попал, мягко выражаясь, по вынужденным обстоятельствам. Я служил старшим радистом на гидрографическом судне «Альбатрос». Место было хорошее. И вдруг оказался на мели. Встретил я как-то в порту дружка, и засиделись мы с ним за столом ровно на сутки больше, чем положено, и «Альбатрос» ушел в рейс без старшего радиста. Я нашел свои вещички у коменданта порта, который встретил меня не так, как в древние времена отец встречал блудного сына. Я и не обижался. Отстать от корабля — последнее дело.

Неделю я обивал пороги в отделе кадров, пока наконец там поверили моему раскаянию, оставили в системе и послали радистом на эту зимовку.

В отделе кадров мы и встретились с Геннадием Львовичем. Это был высокий, представительный человек лет сорока, в белых бурках и в кожанке.

Работал Геннадий Львович метеорологом в средней полосе. На Север приехал впервые. Его и сунули начальником зимовки «Лебединый ключ».

Работа на зимовке была обычная. Три раза в сутки — наблюдение за приборами, сеанс радиосвязи и дела по хозяйству. Вроде и просто, а к вечеру каждый день — в мыле, словно на тебе черти воду возили.

Конечно, на таких зимовках хозяйственные дела делят поровну. Но у нас, помню, ничего не вышло. Раз Геннадий Львович взялся готовить обед и сжег почти полкубометра дров и литра два керосина. Я прикинул, что при такой норме нам дров хватит до февраля, а керосина — до нового года, и решительно заявил, что обед буду готовить сам. Конечно, Геннадий Львович — человек на Севере новый, а я уже к тому времени на своей шкуре испробовал, что значит остаться без дров и без керосина, когда задует «сток».

Отрывать от снега избушку и метеоплощадку после пурги приходилось мне тоже одному. Хотя начальник был собой мужчина плотный и силы у него было не меньше, чем у меня, но в такие дни его укладывал в постель радикулит. Начальник обматывал себя ниже пояса шерстяным шарфом и ложился на койку, а я брал лопату, привязывался к цинковому тросу и брел на метеоплощадку выкапывать приборы из сугробов. Если бы не трос, меня, наверное, пурга уже раз двадцать утащила бы в тундру.

Вам, наверное, интересно узнать, почему я так безропотно трудился и за себя и за начальника. Причина тому была особая.

У каждого человека есть свои недостатки. И когда живешь вдвоем в избушке среди тундры, к этим недостаткам надо относиться бережнее, чем к капризам любимой девушки. Я мог наплевать на его радикулит. Пусть бы он тащился сам в пургу к приборам. Но мне все равно пришлось бы идти вместе с ним. Меня никакая пурга от троса не оторвет. А вот в нем я не был настолько уверен.

Кроме того, я хотел возвратиться с зимовки чистым, так как наверняка знал, что при одном худом слове начальника место старшего радиста на «Альбатросе» будет для меня навсегда потерянным.

В моем характере тоже была одна трещинка. И откуда она появилась — ума не приложу! В общем, когда меня приятели угощали, я не отказывался, и сам в долгу не оставался. Да и здесь, на зимовке, я не любил оставлять про запас ту чарку, которая имелась в полярном пайке.

Геннадий Львович, видно, решил, что человек я ненадежный. Спирт он спрятал в свой шкаф и ключ положил в карман.

— Так-то оно лучше будет, Захар Петрович.

Я с начальником спорить не стал, хотя он был, по-моему, не прав. Ведь я выпивал рюмку — другую только по случаю хорошей погоды, удачной охоты и легкого настроения. Когда дует «сток» и на душе кошки скребут, я ни капли в рот не возьму. Лучше уж пойду с лопатой снег разгребать.

На зимовке я понял, почему Геннадия Львовича на Север потянуло: деньги он приехал зашибать, погнался за длинным рублем.

Он и не скрывал этого.

— Думаю, Захар Петрович, лет пять здесь покрутиться и двадцать тысяч на книжку положить. Потом куплю дачу и буду клубнику разводить. Одобряешь?

— Размах у вас большой,— усмехнулся я,— сразу на двадцать тысяч. Я на Севере лет десять с лишком обитаюсь, а вот насчет этих самых тысяч у меня что-то не получается.

Геннадий Львович посмотрел на меня и легонько по горлу щелкнул. Дескать, прикладываешься.

— Зря вы так про меня думаете. Сестра у меня с тремя ребятишками. Муж помер, вот и мается. Ребят надо до дела довести. Бедовые растут огольцы. По две пары ботинок на лето припасаю... Старшему, Леньке, в прошлом году баян купил.

— Можно было бы и себе кое-что отложить,— сказал Геннадий Львович и стал раскладывать пасьянс.

Пасьянсов этих он знал уйму: и «Наполеон», и «Балерина», и «Чайная роза»... Смешно, конечно, на зимовке пасьянсы раскладывать, но у каждого своя утеха.

После пасьянса он взял бумажку и высчитал, что двадцать тысяч накопит через четыре года и три месяца. Против арифметики не попрешь. Да и какое мне дело до этих тысяч! Пусть копит.

— Сверх того у меня будет еще некоторая сумма.— Геннадий Львович записал что-то на своей бумажке.

— Если вы премии считаете, то не советую. Премии у нас дают только по случаю полного солнечного затмения.

— Нет, не премии. Я думаю промышлять песцов,— ответил мне начальник.

Сказано-то как было: промышлять песцов! Не охотиться, а промышлять.

С начала зимы он начал охоту. Как хороший день, так ружье на плечо и на лыжах в тундру. Но с ружьем песца не скоро добудешь. На песца надо капканы ставить или пасти. Капканов у нас не было, а пасти Геннадий Львович делать не умел.

Да и охота у начальника скоро закончилась. Песец — тварь хитрая: по тундре кружит и уходит из-под носа. Да не просто уходит, а оставит охотника, измочаленного до седьмого пота, километрах в десяти от зимовки.

Геннадий Львович человек был осмотрительный. Дальше чем километра за три от зимовки не уходил. При такой охоте много не напромышляешь.

Помню, что за все время добыл он только трех недопесков.

Однажды ушел начальник на охоту, а к полудню пурга разыгралась. Темень, хоть глаз выколи, ветер будто взбесился.

Зажег я смоляную бочку, ракеты стал давать. Но это все словно мертвому припарка. В такую пургу один из тундры не выберешься.

Честно сказать, похоронил я в тот день Геннадия Львовича. Спасся он просто чудом. Его подобрал полузамерзшим ненец охотник Яртико Выучей и, когда пурга утихла, привез на зимовку. Яртико отдал Геннадию Львовичу свой совик, а сам остался в малице. Я едва оттер начальнику снегом отмороженные ноги и до сих пор не могу понять, как он переждал в тундре эту страшную пургу.

С тех пор Геннадий Львович больше ружье чистил да, сидя у печки, о песцах говорил, чем охотился.

Мечтал он добыть голубого песца с серебристо-дымчатой шкуркой, с пышным подшерстком, легким, как гагачий пух.

Цену он ей знал лучше агента «Заготпушнины».

Яртико с тех пор стал наезжать к нам на зимовку. Охотился он километров за пятьдесят, и по здешним местам мы были ему ближними соседями.

Веселый парень был Яртико. Отмахав на оленях полсотни километров, он вваливался к нам в избушку, даже не стряхнув снег с совика.

— Охэй! — Он щурил узкие глаза.— Здравствуй, начальник, здравствуй, Захар!.. Быстро ехал, торопился, как молодой олень.

Яртико сбивал на затылок лисий капюшон и вытаскивал трубку.

Я ставил на плиту большой медный чайник и доставал банку сгущенного молока. Геннадий Львович рассказывал черноволосому Яртико все новости, какие нам удавалось выловить в эфире.

К этому времени закипал чайник. Геннадий Львович наливал мне и Яртико спирт. Всегда одну и ту же порцию — сто граммов. За все время капли не перелил.

После чая Яртико посвящал нас в тундровые новости:

— Песец созрел... Теперь густо в капканы идет... Я свой план уже два раза выполнил. Человек из города в колхозе был. На меня стеклянным глазом смотрел. Председатель сказал, что Яртико теперь в газете увидят. И нос, и глаза, и малицу — все увидят.

Хороший был охотник Яртико Выучей, но и говорить он был мастер.

— В наш колхоз доктор приехал. Хабеня — русская девушка. У нее малица белая, как снег, и тонкая, как олений волос.

— Это халат, а не малица,— уточнял Геннадий Львович.

Яртико вежливо соглашался с начальником:

— Пускай халат...— И продолжал свой рассказ: — К ней лечиться все ходят... Яртико тоже пойдет. Осенью олень копытом по голове стукнул. Искры из глаз вылетели большие... Теперь в голове комар пищит.

Яртико учил нас сушить меховую одежду, починять нарты, делать строганину из мороженой рыбы.

Переночевав, он исчезал, незаметно оставляя для нас оленью ногу или десяток мерзлых омулей.

На вторую зиму с ним случилась беда.

— Яртико совсем помер. Волк ему голову отгрыз,— сообщил молодой ненец, заехав на зимовку с этой новостью, хотя ему пришлось дать крюк километров полтораста.

Оказалось, когда Яртико осматривал песцовые капканы, одичавший от голода тундровый волк бросился на него. От неожиданного нападения Яртико выронил ружье и схватился за нож. Почти без памяти, с раной на шее и правом плече, он добрался до чума. На его счастье, там оказались пастухи оленьего стада. Они отвезли полумертвого охотника в поселок к молодому доктору.

Видно, волк все-таки не успел отгрызть Яртико голову, потому что месяца через три мы снова услышали знакомый голос:

— Охэй! Здравствуй, начальник! Здравствуй, Захар!

На этот раз Яртико не стал слушать новостей, а сразу, с хода начал рассказывать, как его лечил молодой доктор, хабеня... Марья Николаевна.

— Лучше лечил, чем самый большой тадибей-шаман. Когда Яртико выздоравливал, доктор песни пел, смеялся...

Яртико скалил желтые, гранитной крепости зубы, щурил глаза так, что оставались щелки уже, чем лезвие ножа, и восхищенно цокал языком.

— Хороший, однако, доктор... Каждый день новый бинт мотал...

— Как же вы с волком повстречались? — спросил Геннадий Львович.

— Сзади прыгнул... Малицу прокусил. Голодный был, наверно. Прямо за шею схватил. Я испугался, думал, совсем помер. Очень жалко себя стало... Потом его ножом достал. Крови много вышло. Малица была мокрая, как оленьи копыта... Хабени Марьи Николаевне подарок теперь буду давать.

— Какой подарок?

— Никто в тундре такого подарка не делал. Один Яртико сделает. Яртико — большой охотник, у него глаз, как у сапсана, а шаг легкий, как гусиный пух. Яртико много будет по тундре ходить, много песцов убьет...

Он подошел и засунул руку под малицу.

— Гляди, начальник! Гляди, Захар! Вот какой подарок я хабени делаю.

Он выхватил руку из-под малицы, и вместе с ней вылетело большое серебристо-дымчатое облако и мягко легло на стол.

Голубой песец! И такой, что встречается один на многие тысячи. Густой мех переливался мягкими волнами. На спине широкой полосой темнела пушистая дымка с седыми искрами, и пышный хвост плавал в воздухе.

Хотя я и не особенно разбираюсь в мехах, но тут почувствовал, что такая красота не часто встречается в тундре.

У Геннадия Львовича загорелись круглые глаза. Тонкими руками, на которых синели вены, он перебирал дымчатые ости, мял подшерсток и оглаживал легкий хвост. Подняв мех и медленно поворачивая его перед лицом, он дул на него, трубочкой вытягивал губы, прижимал его к гладко выбритой щеке.

— Это же целое богатство, Яртико,— хрипло, словно его вдруг схватили за горло, сказал Геннадий Львович.— И ты хочешь его отдать просто так, задаром?

Яртико кивнул головой, подтверждая, что именно так он и собирается сделать.

— Я ведь тоже мог тебя вылечить... Может, снова волк на тебя нападет... Хабеня не возьмет у тебя этот мех... Ты отдай его мне, Яртико.

Геннадий Львович, не выпуская из рук шкурку, торопливо выдвинул из-под кровати свой чемодан.

— А хабене вот это подаришь.— Он откинул крышку чемодана и ткнул в руки Яртико дорожный несессер из тисненой кожи с никелированным замком. Круглая физиономия Яртико многократно отразилась в хромированных гранях стаканчиков, мыльниц, чашечек.

Соблазн был велик. От напряжения на лбу Яртико заблестели мелкие капельки пота, и он облизал пересохшие губы.

Геннадий Львович ждал, подавшись вперед, как собака на стойке. Я видел, как вздрогнула его рука, зажавшая голубого песца.

Мне было противно смотреть, как он, начальник зимовки, старается выманить у Яртико драгоценный мех, всучив ему безделушку.

Но Яртико устоял.

Он отодвинул в сторону желтый несессер, взял голубого песца и спрятал его под малицу.

— Нет, Яртико подарит доктору голубого песца,— твердо сказал он.

На щеках у Геннадия Львовича выступили круглые, с трехкопеечную монету розовые пятна. Мелко звякала в его стакане серебряная ложка.

После чая Яртико стал прощаться.

— Прогуляюсь, пожалуй, по тундре.— Геннадий Львович надел доху.— Может быть, и мне голубой песец попадется. Ты подвезешь меня, Яртико?

Глаза у него были холодные и жесткие.

— Захар Петрович, принеси мне пачку патронов,— попросил он меня, осматривая охотничью винтовку.

Когда я возвратился с патронами, Геннадий Львович и Яртико стояли уже у дверей.

Тонкий хорей взметнулся над спинами оленей. Нарты легко тронулись с места. Взлетела из-под полозьев сухая снежная пыль, закачались ветвистые рога.

Я смотрел вслед убегающим нартам.

Геннадий Львович сидел позади Яртико. Его серая волчья доха выделялась на снегу грязным пятном. Тонкий ствол винтовки торчал возле плеча...

Помню, по спине у меня прошелся тогда неприятный холодок, хотя причин для этого не было никаких.

Когда нарты скрылись за поворотом, я вернулся в избушку и занялся уборкой. Подметая пол, я случайно стукнул щеткой по дверце шкафчика, находящегося в ведении начальника зимовки. Дверца тихо открылась.

Это меня удивило. Дело в том, что в шкафу хранился запас спирта. И шкаф Геннадий Львович всегда запирал на замок.

Я полюбопытствовал и открыл дверцу. Три бачка со спиртом стояли на месте. Кажется, там раньше было еще несколько бутылок со спиртом. Где же они?

Последний раз Геннадий Львович открывал шкаф неделю назад, когда я возвратился с метеоплощадки иззябший, как тундровая мышь. Потом шкаф был заперт. Это я знал наверняка.

Сегодня, занявшись голубым песцом, начальник забыл угостить нас спиртом. Может быть, он его открывал тогда, когда я уходил за патронами?..

Кружки на столе спиртом не пахли.

Я наверняка придумал бы что-нибудь толковое, но подошло время радиопередачи.

Геннадий Львович возвратился часа через четыре. Румяный от мороза, и глаза веселые. Меня даже по плечу похлопал. Видно, что у человека хорошее настроение.

Он бросил на стол пару куропаток.

— Вынеси на снег, завтра зажарим.

Я поднес куропаток в «ледник», в темный закуток, где у меня стоял ящик, набитый снегом.

Когда я возвратился, начальник сидел возле печки и отогревал руки.

— Промерз, как собака. Где-то весна, а здесь холод, словно в преисподней. Пожалуй, еще «сток» задует.

— Нет, метеосводка хорошая.

Я наклонился к печке, чтобы подкинуть дров. Геннадий Львович обнял меня за плечи.

— Сейчас самая лучшая метеосводка на Южном берегу Крыма... Осталось нам с тобой, Захар Петрович, четыре месяца и двадцать дней... Потом «Лебединый ключ» к черту и да здравствует Черное море... Еще один заход на пару лет — и дача с клубникой у меня будет.

Я повернулся к Геннадию Львовичу и уловил знакомый запах. Пахло спиртом.

Я могу спутать аромат духов «Красная Москва» с ароматом тройного одеколона, но запах спирта я отличу от любого другого запаха даже тогда, когда мне завяжут глаза и сунут в нос ватные тампоны.

Начальник сегодня пил спирт. Это было так же верно, как то, что я сидел на корточках возле печки и засовывал в нее мерзлое суковатое полено.

Мой нос меня выдал. Геннадий Львович откинулся на спинку стула и расхохотался сухим смехом, похожим на звук разрываемой парусины.

— Почуял, старина... Чутье, брат, у тебя на этот счет блестящее. Да, хлебнул немного с мороза. Ладно, тебя не обижу.

Он подошел к шкафу и налил мне полный стакан спирта. До краев налил. Я даже боялся, что он расплескает.

Честно сказать, первый раз мне захотелось

отодвинуть в сторону угощение. Нутром я чуял, что подлый этот стакан, налитый до краев. Но я выпил...

Яртико словно в воду канул. Он не заехал на зимовку на обратном пути из поселка, не приехал, как обычно, за новостями и не подавал о себе никаких вестей. Когда я заводил о нем разговор, начальник отмалчивался.

Однажды в конце зимы выдался тихий день. Из-за горизонта, затянутого студеной дымкой, вылезло солнце, большое, оранжевое, похожее на апельсин, завернутый в папиросную бумагу.

Я встал на лыжи и отправился на охоту. Снег был плотный, утрамбованный ветром, с мелкими, острыми застругами, на которых лыжи разъезжались в разные стороны. Я быстро бежал по тундре, читая на ходу еле заметную путаницу следов куропаток и до боли в глазах высматривая охотничью добычу.

Километров через пять я взял восточнее, к гряде темных пологих камней, удивительно похожих на караван верблюдов, расположившихся на отдых.

Начался пологий подъем. Наст был запорошен снежной пылью, заструги кончились, и лыжи мягко шуршали, оставляя позади ровные следы.

Отчетливую строчку свежего песцового следа я увидел километрах в трех от «верблюдов». След вел прямо к каменной гряде.

Было похоже, что там песец ляжет в снег, забившись в затишке. Ноги понесли меня, как молодого оленя. Я взял ружье на изготовку: в любое мгновение можно было увидеть мохнатый белый клубочек, в который надо попасть с первого выстрела.

След сделал несколько петель и повернул к крайнему камню. Я стал осторожно подкрадываться к добыче.

Выстрел так неожиданно расколол тишину тундры, что я невольно вздрогнул и остановился. Неужели я нечаянно нажал спуск? Нет, в патроннике был патрон.

Из-за камня появился человек в малице. Мне было видно, как он нагнулся и поднял пушистый комок.

Это был «мой» песец.

Охотник не замечал меня, и я подкатился к нему метров на пятьдесят.

— Удачной охоты!

Человек в малице повернулся.

— Яртико! — узнал я его.— Здравствуй, друг! Почему ты так долго к нам не приезжаешь?

Яртико хмуро поздоровался и сказал что-то насчет плохой охоты и множества дел.

— Ты совсем нас забыл, Яртико! — Я покачал головой.— Как твое здоровье? Или опять тебя олень по голове копытом стукнул?..— попробовал пошутить я.

— Нет, Захар, никто не стукнул,— тихо ответил Яртико,— только все равно у меня голова плохая...

Охотник не улыбался. На сухом, обветренном лице прорезались новые морщинки. Черные глаза смотрели на снег так упорно, будто Яртико потерял трубку и теперь разыскивает ее.

Очевидно, с ним что-то случилось. В таких случаях лучше не задавать лишних вопросов.

В затишке под снегом стояла оленья упряжка. Олени терлись друг о друга мерзлой шерстью и тихо хоркали. Рядом с нартами в плотный сугроб был воткнут хорей, до блеска отполированный жесткими руками Яртико.

Я вытащил коробку с табаком. Яртико набил трубку и уселся на нарты рядом со мной.

Синие струйки дыма таяли в морозном воздухе. Возле наших ног лежал убитый песец. Тонкая красная льдинка намерзла на оскаленной пасти.

Когда Яртико поднялся с нарт и взял в руки хорей, я пригласил его заехать к нам на зимовку.

Он посмотрел на меня в упор настороженными глазами. Припухшие от ветра веки часто мигали.

— Нет, Захар, не поеду на зимовку,— сказал мне Яртико и, помолчав немного, добавил: — Начальник — худой человек.

Вот и все, что мне удалось узнать. Опершись на лыжные палки, я глядел вслед нартам Яртико до тех пор, пока они не скрылись за увалом.

«Худой человек» — это в тундре не шутка. Зря не скажут. Для этого надо основательно напакостить.

Всю обратную дорогу я ломал себе голову, пытаясь сообразить, что же произошло в тундре между начальником и Яртико.

Я мог, конечно, прямо спросить об этом у Геннадия Львовича. Когда живешь вдвоем на краю света, в этих делах церемониться нечего. Но я знал наверняка, что ответ Геннадия Львовича только запутает все мои мысли в такой клубок, который не распутаешь до весны.

Поэтому я стал чаще бродить по тундре, надеясь снова встретить Яртико. Несколько раз я видел следы его нарт у «верблюдов», в лощине у озера. Ближе пяти километров к зимовке они не подходили. Яртико явно избегал нас.

Однажды, когда я пошел на охоту, километрах в двух от зимовки у лыжи лопнул ремень. Выругавшись с досады, я кое-как связал его и повернул обратно.

Когда я открыл дверь, меня встретили круглые, растерянные глаза Геннадия Львовича. Он попятился к своей кровати и расставил руки, стараясь загородить от меня то, что лежало на зеленом одеяле из верблюжьей шерсти.

На полу стоял объемистый чемодан начальника с откинутой крышкой. На кровати, на стульях, на низеньком шкафчике я увидел разложенные меха. Шкурки песцов, похожие на свежевыпавший снег, свешивали пышные хвосты с верблюжьего одеяла, меха были перекинуты через спинку стула, мягкой грудой сложены на шкафу. Лишь три недопеска, самолично добытые Геннадием Львовичем на охоте, были брошены на пол возле кровати.

Криво улыбаясь, начальник опустил растопыренные руки и пошел ко мне.

Я положил руку на приклад своего ружья и на всякий случай так поправил его, что дуло стало смотреть на Геннадия Львовича.

Начальник остановился. В горле его что-то заскрипело. Словно там терлись друг о друга сухие голыши. Я догадался, что Геннадий Львович смеется.

— Удивлен? — спросил он, усаживаясь к столу.

Глаза его не смеялись. Геннадий Львович смотрел на меня со страхом и ненавистью, словно тундровый волк, угодивший в капкан.

— Где вы взяли эти меха? — спросил я, хотя вопрос был явно лишним.

На кровати лежал голубой песец. Тот самый, которого Яртико хотел подарить врачу.

— У охотников достал.— Геннадий Львович безуспешно пытался взять себя в руки. Глаза его бегали по сторонам.

— Вы же отлично знаете, что скупать меха запрещено. Охотники должны сдавать их на факторию «Заготпушнины». — Я показал на голубого песца.— У Яртико купили?

— Да, голубого песца и кое-что у Яртико... Почему вы мне устраиваете допрос? — Геннадий Львович справился с собой и перешел в наступление.

— Чем вы расплатились за меха?

— Какое вам дело? — закричал он.— Я не обязан давать отчет! Приказываю вам немедленно отправиться на метеоплощадку и снять показания приборов!

Теперь он взял себя в руки. На его выбритом лице не дрожал ни один мускул. Только глаза постепенно меняли цвет. Они словно линяли, становясь из бледно-голубых серыми, свинцовыми.

В перепалках я тоже бывал. Как говорится, топор на ногу обувал, а топорищем подпоясывался. Я знал, что такое дисциплина на зимовке и что значат для меня такие глаза начальника.

— Показания приборов я сниму тогда, когда это положено по расписанию,— стараясь говорить как можно сдержаннее, ответил я.— Но знайте, что сегодня же я передам радиограмму о том, что вы незаконно скупаете меха у охотников... Скупаете их за спирт!

Удар попал в цель. Геннадий Львович даже дернулся, словно его ткнули шилом.

— За спирт и за меха вас по головке не погладят,— спокойно закончил я и сел на стул возле дверей.— Вы узнаете, что бывает с такими скупщиками пушнины.

Теперь мне все было понятно. Тот раз Геннадий Львович споил в тундре Яртико и за-

брал у него все меха. И голубого песца и всех остальных, которых охотник вез сдавать на факторию.

Геннадий Львович струсил. Я увидел, как задрожала его рука, положенная на стол, как на виске забилась жилка и мелкая испарина выступила на лбу.

— Захар Петрович... Я... я завтра все отдам Яртико. Я сам разыщу его в тундре... Все меха отдам...

Он юлил передо мной, заглядывал в глаза, умолял все забыть. Он готов был поцеловать полу моей малицы, если бы я пожелал этого.

А мне хотелось стукнуть прикладом по редким рыжеватым волосам, уложенным аккуратным пробором. Я велел ему сложить меха в брезентовый мешок и подать его мне.

Комкая в руках дорогие шкурки, он стал запихивать их в мешок. Недопесков он не положил.

— Это мои... Сам добыл... своими руками! — свирепо сказал он.

— Ладно, оставляйте! — Мне хотелось скорее кончить эту историю.

Разыскав запасной ремень, я быстро пристроил его к лыжам и вышел на улицу.

Пятьдесят километров по тундре — это штука трудная. Лыжник я неплохой, но уже через три часа почувствовал, что брезентовый мешок с песцовыми шкурками потяжелел, словно туда положили полдюжины кирпичей.

Под лыжами шуршал сухой снег. Фиолетовые тени лежали в глубоком следу нарт. Я знал, что это след Яртико, и шел по нему, направляясь в тихую бесконечную тундру, такую белую, что и сквозь дымчатые очки было больно смотреть на нее. След должен привести меня к чуму Яртико, затерянному где-то у сверкающего горизонта.

Это было сумасшедшее дело — отправиться в тундру почти наугад, с куском вареной оленины и несколькими сухарями в кармане. Стоит подняться ветру, поземка заметет следы нарт, и тогда я уже никогда не найду чума Яртико. И вряд ли возвращусь на зимовку...

Но иначе я поступить не мог. Мне надо было найти Яртико. Ведь начальник не только его обобрал. Он его душу подло ранил, веры лишил...

С Геннадием Львовичем я успею посчитаться, с зимовки он никуда не денется. У него хватит смелости только на мелкую пакость. Наверное, без меня он что-нибудь в рации колупнет, чтобы связь нарушить...

Ноги становились все тяжелее и тяжелее. По моим расчетам, я уже должен был подойти к чуму. Но чума не было, и след нарт по-прежнему вел меня в тундру, словно поводырь слепца, который не видит конца своего пути.

Вдруг я ошибся?.. Может быть, это след других нарт, а не нарт Яртико?

— Охэй! — послышался далекий крик.

С пологого холма мчалась оленья упряжка. Олени на бегу смешно, словно молодые телята, выкидывали в стороны мохнатые ноги.

— Яртико! — Я узнал упряжку раньше, чем разглядел человека в тяжелом совике.

В дымном чуме, где под закоптелым котлом озорно трещал тальник, я отогрелся и пришел в себя.

— Возьми своих песцов, Яртико.

Я вывалил их мягким пушистым водопадом на выщербленные половые доски чума. Яртико нагнулся и бережно взял темными, заскорузлыми пальцами драгоценную шкурку голубого песца. Он привычно встряхнул ее, и дымное облачко пробежало от острой морды до пышного хвоста. Яртико встряхнул мех еще сильнее, словно хотел сбросить с него что-то невидимое, портившее его.

— Мой песец,— тихо сказал он.— Зачем привез?

— Тебя обманули, Яртико. За бутылку спирта отняли у тебя голубого песца и все меха, которые ты добыл. Это сделал худой человек, Яртико. Но мы не дадим тебя в обиду...

Здорово я тогда говорил! Я знал, что мои слова нужны Яртико, что они должны возвратить ему веру в то большое, что пришло в тундру вместе с Советской властью; вместе со мной, Захаром Варзугиным, который сейчас здесь у костра, в охотничьем чуме, выступал ее полномочным представителем. Яртико пристально смотрел на меня, согласно кивая моим словам. Я видел, как глубокие морщинки на его темном, с лета не мытом лице словно разглаживались при каждом моем новом слове.

— Захар — хороший человек... Он большой друг Яртико, друг всей тундре.

Вот что сказал он мне в ответ.

Через день Яртико привез меня к зимовке. Геннадий Львович встретил нас с улыбкой. За спиной у него была охотничья винтовка.

Нарты остановились метрах в пятидесяти от крыльца. Не спуская глаз с высокой фигуры Геннадия Львовича, я громко сказал Яртико:

— Поезжай в поселок и сдай меха в «Заготпушнину». Письмо передай председателю, скажи, что оно важное и нужно быстро доставить его... Не забудь про доктора... Она очень обрадуется твоему подарку.

Яртико поднял хорей, и олени враз взяли с места легкие нарты.

Я пошел к крыльцу. Геннадий Львович встретил меня ласково и слегка пожурил за долгое отсутствие. По его словам, он очень тревожился, не случилось ли со мной что-нибудь в тундре, и запретил отлучаться с зимовки надолго.

— Какое письмо вы послали с Яртико? — спросил он.

— В свое время вы узнаете.

АКТРИСА

Степан ЩИПАЧЕВ

Л. А. Ярошенко

Твои героини и сами
Всё знают, что велено им,
Но плачут твоими слезами,
Влюбляются сердцем твоим.
Себя ты на трудную славу,
На каторгу чувств обрекла...
Красивой слывешь ты по праву —
Об этом твердят зеркала,
Об этом в нахлынувшей теме
Звучит и волнуется стих.
Прекрасна полночная темень
Сияющих глаз твоих.
Ты знала бездомность, и зябла,
И чуяла смертную дрожь...
И в городе солнца и яблок
Не очень-то сладко живешь.
Обид незаслуженных горечь
И мелкая зависть... И вдруг
Цветы синеватых предгорий
Летят из восторженных рук.
В искусстве, тобою творимом,
И в жизни особенна ты.
Устанешь на сцене, но с гримом
С лица не сотрешь красоты.

— Зачем надо было посылать письмо?.. Можно радиограммой известить, если есть в том нужда... Неужели это вы все про ту нелепую историю с мехами?

— Да, все про то! — жестко ответил я.— Письмо с Яртико я послал на тот случай, если на зимовке испортится рация. Всякое бывает...

— Не стоит вспоминать, Захар,— криво улыбнулся Геннадий Львович.— Радиостанция работает... Вы очень хорошо сделали, что возвратили меха. Каюсь, что с моей стороны это была глупая шутка над взрослым ребенком Яртико... Мне хотелось дать ему урок...

Когда мы пришли в избушку, Геннадий Львович бросил в угол винтовку.

— Проголодались? Ничего, у меня есть знаменитый обед. Сам приготовил. Вы думаете, что я так уж и ничего не умею делать.

Нет, теперь я так не думал.

— Когда будете радировать о причинах нарушения связи,— продолжал Геннадий Львович,— можете сообщить, что были больны... Зачем нам ссориться по пустякам. Вы отличный парень, Захар. И по возвращении я сумею сделать так, что вам будет обеспечено лучшее место радиста, какое имеется у нас в системе. У меня есть свои ребята в центре... Я вижу, вы основательно промерзли.

Он поставил на стол две алюминиевые кружки. Остро пахнущий спирт лился, булькая в узком горлышке бутылки. Я почувствовал, что от знакомого запаха у меня дернулись ноздри. Один глоток мог унять мою зябкую дрожь.

— Будем здоровы, Захар! — Геннадий Львович пододвинул ко мне полную кружку.— Выпей, отогреешься.

Я встал из-за стола и твердо сказал:

— Не буду пить!

Начальник замолчал и залпом осушил свою кружку.

Через два месяца открылась навигация. Мое письмо и радиограмма дошли по назначению, и Геннадия Львовича убрали с зимовки. С тех пор на Севере я его не видел.

А я отказался от места старшего радиста на гидрографическом судне «Альбатрос» и остался на зимовке на второй срок. Сейчас я работаю в Нарьян-Маре, а мой друг Яртико Выучей заведует факторией на Индиге.

И при встречах мы всегда вспоминаем зимовку «Лебединый ключ».

МУДРАЯ ЛЮБОВЬ К НАРОДУ

К столетию со дня рождения Шолом-Алейхема

«Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, богачей и знати. Пусть меня похоронят там, где покоятся простые евреи рабочие, настоящий народ, дабы памятник, который потом поставят на моей могиле, украсил простые могилы вокруг меня, а простые могилы дабы украсили мой памятник — как простой честный народ при моей жизни украсил своего народного писателя».

Так писал в своем завещании известный еврейский писатель Шолом-Алейхем. Столетие со дня его рождения отмечает 2 марта 1959 года по решению Всемирного Совета Мира все прогрессивное человечество.

Продолжая традиции передовой русской литературы XIX века, Шолом Рабинович (писавший под псевдонимом Шолом-Алейхем) неуклонно следовал им самим установленному для подлинно народного писателя требованию: «...быть для своего времени, для своей эпохи зеркалом, в котором отражаются и сверкают лучи жизни, точно так же, как в чистом ручье — лучи светлого солнца». Это стремление в сочетании с его, по выражению Горького, «славной, добротной и мудрой любовью к народу» вполне раскрывает духовный облик писателя, объясняет, почему Шолом-Алейхем, искренний, горячий, всегда готовый откликнуться на любое горе, на любые страдания человека из народа, стал любимым писателем масс, писателем, значение которого уже давно переросло национальные границы, писателем-классиком мировой литературы.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ.
Портрет работы художника Г. Ингера.

Вся сравнительно недолгая, но трудная жизнь Шолом-Алейхема мало чем отличалась от жизни его героев. Родившись в черте еврейской оседлости, в городе Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий), он еще в детстве столкнулся с национальной политикой царского правительства, обрекавшего евреев на голод, нищету и вымирание. Ценою больших усилий будущему писателю удалось выбраться на дорогу и завоевать себе место в жизни. Некоторое время он был домашним учителем, затем два с лишним года — казенным раввином в Лубнах и, наконец, целиком отдался литературной деятельности.

Еще в молодости Шолом-Алейхем увлекается Гоголем и во многих своих произведениях подражает ему. Заметно в его творчестве и влияние Салтыкова-Щедрина и Чехова. Однако с изменением исторической обстановки в России меняются и взгляды писателя. Его уже не удовлетворяет только показ действительности, только обличение богатых и сильных и сочувствие к бедным и обездоленным. В произведениях Шолом-Алейхема все громче и громче начинают звучать ноты протеста, ноты революционной борьбы. Именно в это время и происходит его сближение с Максимом Горьким. Знакомство писателей, происшедшее в 1904 году, постепенно перешло в дружбу, которая продолжалась вплоть до смерти Шолом-Алейхема тринадцатого мая 1916 года.

Помимо Горького, Шолом-Алейхем деятельно переписывался с В. Короленко и Л. Толстым. Именно последний в одном из своих писем к Шолом-Алейхему по поводу еврейских погромов провел решительное отмежевание русского народа, в корне чуждого всякому шовинизму и национализму, от политики царского правительства, заинтересованного в разжигании национальной вражды,— мысль, которую Шолом-Алейхем позднее выразил в своем произведении «Пасха в деревне».

«Толстому, Чехову — вот кому пристало быть властителями дум...,— говорил Шолом-Алейхем.—Они так бесхитростны и так искренни, что любой может их понять. Вот у кого мы должны учиться писать!»

И все же наибольшее воздействие на позднее творчество Шолом-Алейхема оказал А. М. Горький. Этим можно объяснить и появившиеся в произведениях еврейского писателя идеи интернационализма и равенства всех народов («Тевье-молочник», глава «Хава») и такие образы революционеров, как Шмулик, Иосиф, Перчик, которые во многом перекликаются с горьковскими Павлом Власовым и Андреем Находкой.

В воспоминаниях дочери писателя, опубликованных в 1939 году, говорится о том, что Шолом-Алейхем, будучи в Швейцарии, с удовольствием посещал лекции Ленина, Луначарского, Плеханова, что писатель верил в неизбежность пролетарской революции в России и мечтал дожить до «этих светлых дней».

Ю. СВЕТЛАНОВ

Лирика

Евгений МАРКИН

ПИСЬМА

Я по себе узнал уже
и по рассказам знаю издавна:
бывает легче на душе,
когда приходят письма из дому.
Я писем ждал, я их берег,
я даже собирать их пробовал.
Мне благ желали с первых строк,
а главное — здоровья доброго.
И в том же духе каждый раз —
мои дела, мои волнения...
Не беспокойся лишь о нас,—
меня просили в заключение.
Мол, наши мелочи — пустяк,
живем по-старому пока что, мол.
А я судить о новостях
пытался по письму по каждому.
Выходит, нет их ни черта!..
И вот, едва подходим к пристани,
я с пароходного борта
в деревню вглядываюсь пристально.
А перед нею, над Окой,
трубою надвое разделенный,
поселок лесозаводской
шумит, захлебываясь в зелени.
И телеграфные столбы
через овраг к деревне выросли,
и выше заводской трубы
стоит громада башни силосной.
И в глубь седого пустыря,
где мхи
вгнивались в пни толстенные,
как тридцать три богатыря,
дома уходят пятистенные.
И сквозь кустарник вдоль Оки
легло шоссе над крутоярами...
Так как же смели земляки
писать,
что все у них по-старому?
И я ругаю их, виня.
И очень радостно, что новости,
заворожившие меня,
для них
обычными становятся.

РЕЧКА ГУСЬ

Берега, островки,
заводи с глубинами.
Нарекли ж старики
речку птичьим именем!
Речка Гусь, речка Гусь,
берега чащобные!
Я тебя не берусь
называть особенной.
Не взяла ты пока
ни красой, ни славою.
По воде облака,
будто гуси, плавают...
Речка Гусь, речка Гусь
тихая, покорная,
помнишь ты, как нашу грусть
мы делили поровну,
как ловил я щурят
колосно́й кошелкою,
как любил я нырять
в воды твои желтые,
как в задумчивый час
робко рифмы комкал я,
у журчанья учась
голосу негромкому?
Много рек я встречал
глубже и красивее.
В пароходный причал
бились волны синие.
Отраженье огней
на литой поверхности...
Но соблазнов сильней
было чувство верности.
И тебя полюбя,
не сменял, не выменял
их красу на тебя,
речка с птичьим именем!

Не сменял, не сменял
и не буду каяться,—
наша Русь для меня
здесь вот начинается,
от мещерской глуши
с заводями синими,
от сосновой тиши
с криками гусиными.
...Снова надо идти
дальними дорогами.
Много мест на пути,
рек увижу много я.
Лишь тебя посмотреть
нет пока что случая.
Ты мне, речка, ответь:
ты по мне соскучилась?
Не скучай, речка Гусь,
речка с птичьим именем
Я вернусь, я вернусь,
жди меня, жди меня!

Рязань.

СВАДЬБА

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Арто на свадьбу не поехал. Накануне он поссорился с женой. К утру у него уже отлегло от сердца, и, стараясь говорить как ни в чем не бывало, он рассудил:

— Сегодня я в ночной смене... Мог бы кто-нибудь меня заменить, да поздно теперь договариваться.

И поглядывал на Софик. А Софик молчала. Надо же когда-нибудь проучить мужа!

«Плохо, плохо мы воспитали наших мужчин!» — думала она. Вчера, плача от обиды, Софик не находила для мужа никаких оправданий: приревновать ее ни с того ни с сего к приезжему человеку, к гостю, с которым она и была-то по обязанности!..

Недаром ей поначалу не хотелось сопровождать эту украинскую делегацию. Она так и заявила секретарю райкома:

— Нет у меня светского обхождения.

— И не надо, — сказал Сурен Богданович. — Они люди простые. Понимаешь, их делегация разделилась — в Кировакан поехали, в Кафан. А эти больше промышленностью интересуются. Но хорошо бы им что-нибудь такое показать, — Сурен покрутил растопыренными пальцами, — увлекательное.

— Оперу?

— Были они в опере.

— А если я их в субботу на свадьбу повезу, в Заревшан? — предложила Софик. — У меня брат двоюродный женится.

— Вот-вот! Повези! — обрадовался Сурен. — Видишь, недаром мы тебе это дело поручаем. Пусть посмотрят, какие у нас партийные работники! Ты еще что-нибудь изысканное надень... Помнишь, в чем второго мая была?

Софик вспомнила свой пестрый ситцевый сарафан и засмеялась.

Сурен Богданович махнул рукой.

— Ну, я ваши ленточки-бантики не понимаю...

Украинцев оказалось трое. Женщина, текстильщица Марина Федоровна, в первый же час знакомства сказала Софик:

— Ехала, думала: какая она, Армения? Слыхала, в горах люди живут, солнце жаркое. А вижу: и снежок идет, и люди такие же. Вчера на улице чуть не обозналась — думала, знакомого вижу...

Софик показалось, что гостья разочарована.

— Вот повезу вас в горы, посмотрите! — пообещала она.

Один из членов делегации, инженер Карпека, был такой чернявый и горбоносый, что к нему все обращались по-армянски. Зато третий гость, Григорий Иванович Панко, оказался именно таким, каким Софик представляла себе украинца: высокий, могучий, светловолосый, с добродушным лицом и лукавым прищуром. Депутат Киевского горсовета, он интересовался соревнованием столиц Армении и Украины, шумно выражал свое одобрение, но так же открыто сообщал и о том, что ему не нравится.

— Насчет чистоты и городского благоустройства, я вам прямо скажу, не дотянули, не дотянули... Вон мусорный ящик открыт, ветер бумажки по улицам треплет...

Софик принужденно улыбалась, а сама в эту минуту ненавидела нерадивого дворника, неряху-управдома, а заодно и самого Панко.

Марина Федоровна примирительно говорила:

— Будет тебе, Григорий Иванович, уж будто у нас такого не случается! Ты взгляни сюда, на камне как вырезано. Кружево, да и только!

— Вот люди! Вот мастера! — приходил в восторг Григорий Иванович. — Какая тонкость, а? Удивительно!

Это несколько примиряло Софик с гостем.

В «библиотеке» завода «Арарат», где вместо книг хранятся образцы коньяков и вин, у гостей вежливо осведомились, сколько кому лет.

— Тридцать семь, — честно сказал инженер Карпека и получил рюмку золотистого тридцатипятилетнего коньяку.

— Кто же это у женщин такое спрашивает? — засмеялась Марина Федоровна. — Вы уж так, что совесть подскажет...

Ей дали душистого хереса, увенчанного золотой медалью за свои отменные качества.

— В сорока сознаюсь, — молодцевато объявил Григорий Иванович.

Нацеживая темной жидкости из краника, вделанного в стену, винодел сказал:

— А если б вам сорок пять... Совсем другой букет!

Григорий Иванович осушил рюмку и сокрушенно признался:

— Вот ведь именно сорок пять! Как-то при дамах не решился, и, прямо скажем, несправедливо получилось.

Пришлось восстановить справедливость.

После подвалов «Арарата» солнечный зимний день ударил в глаза светом, взбодрил свежестью.

Теперь они ехали на завод, где Софик начинала свою трудовую жизнь, где она встретилась с Арто, где в самом большом цехе комсомольцы справляли их свадьбу. Сейчас этот цех не самый большой, куда там! Завод перестроен, установлено новое оборудование. И все-таки в углу стоит старенький станок, на котором она работала. Тут все связано с ее юностью. Софик улыбалась, думая, что Арто сегодня опять ждет ее в этом цехе. Утром она предупредила, что привезет на завод гостей.

Оживился молчаливый инженер Карпека. Ему очень понравилось, как остроумно виноделы используют солнечную энергию: выкрасят бочки в черный цвет — и на солнце. А насколько это сокращает срок созревания вина!

— Ой, замечательно! — певуче тянула Марина Федоровна, усмехаясь чему-то своему.

А Григорий Иванович, сидевший с шофером, повернулся к ним и вдруг неожиданно увидел удлиненные яркие глаза Софик, ее тонкие брови, улыбку, и кто его знает, что он в ней еще разглядел!

Только он с тех пор все искал удобного случая поделиться этим открытием с людьми, сказать: да посмотрите же, взгляните, как это хорошо!

Они прошли по заводскому двору, провожаемые любопытными взглядами.

— Кого привезла, Софик? — спрашивали знакомые и, узнав, улыбались: — Гости с Украины... Что ж, показывай, ты все здесь знаешь.

Директор, старый ее товарищ, сказал с укором:

— Раньше бы предупредила! У нас слесарь молодой есть, Каро Григорян. Стихи Шевченко на украинском языке шпарит без остановки. Как нарочно, сегодня в ночной смене...

— Ничего! — отмахнулась Софик. — Что они, стихов Шевченко не знают? Ты новый цех покажи.

Цех показывал Арто. Он издали незаметно кивнул жене, и она кивнула ему в ответ.

Потом в парткоме гостей угощали бутербродами и лимонадом. Говорили о делах и планах завода. Директор похвалился:

— А главное, людьми гордимся. Имеем такое право. К примеру, ответственный партийный работник товарищ Софик Дастакян тоже на нашем заводе выросла. Наш кадр.

Тут Григорий Иванович и выразил свое восхищение.

— Да уж эта ваша Софик! — подхватил он. — Вы только посмотрите, какие глаза у нее! Удивительно!

Софик тотчас взглянула на Арто. Он безуспешно пытался сохранить доброжелательную улыбку.

Директор возразил наставительно и веско:

— Мы ее не за это ценим.

Но Григорий Иванович не сдавался:

— Напрасно! Красоту в человеке надо ценить...

Арто вышел из комнаты. По счастью, гости ничего не заметили.

Дома он угрюмо заявил:

— Не поедешь с ними в Заревшан...

И, постепенно накаляясь, обрушился на жену: это что за слова были сказаны? Это до чего дошло, что при муже посторонний человек такое говорит? Его касается, какие у Софик глаза? И как должен был в данном случае вести себя Арто? Тряпкой он будет, если теперь отпустит жену в Заревшан на свадьбу!

Софик только изредка вставляла:

— Тише, мальчики услышат...

Или:

— Не говори того, о чем завтра пожалеешь...

Потом она легла на тахту и поплакала. Но когда слезы иссякли, стало смешно: ревнует! После пятнадцати лет замужества! И даже ехать запретил, чепуха какая! А все оттого, что она всегда с ним соглашается. Например, летом можно было отправить детей в хороший лагерь, но Арто распорядился:

— Поедут в село к родне.

И слова не дал ей сказать:

— Ты в райкоме хозяин, а я в своем доме хозяин!

В Заревшане мальчики пасли скот, охотились на косуль и кабанов, за лето вытянулись, похудели и почернели.

— Мы ели сердце и мозги горного оленя, теперь будем жить сто лет, — захлебываясь, рассказывал Сережа.

Софик не удержалась:

— Узнаю рецепты долголетия дяди Шамира — есть оленьи мозги и не читать книг, да?

Арто смутился:

— Я думаю, насчет книг он им не говорил...

Сейчас следовало выдержать характер. Арто вел себя так, будто вчерашнего разговора

и не бывало. Спрашивал о подарках для невесты, хотя отлично знал, что они давно куплены и уложены в чемоданчик. Софик отвечала односложно: «да», «нет». Арто добивался, чтобы она сказала ему хоть два слова, и тогда мир был бы восстановлен.

— Конечно, мне ехать нет смысла. Я там летом был, со всеми повидался. И Амину эту видел — невесту. Она частенько с кочевок к тете Аспрам прибегала — то за солью, то за ситом.

— Хорошенькая? — не утерпела Софик.

Вот и помирились. Арто облегченно вздохнул и степенно ответил:

— Девушка как девушка! Руки, ноги есть. Я ведь не охотник чужие глазки рассматривать.

Машина, как обычно в таких случаях, запоздала. За Софик приехали уже в одиннадцатом часу. Мальчики ходили в школу во вторую смену и потому все утро провели с матерью.

— Ма, привези маленького тура, — просил младший, Михак. — Мне дядя Шамир обещал...

Софик не любила уклончивых ответов:

— Нет. В городе нельзя держать тура.

— Ну, тогда горную курочку. Она будет в клетке жить...

— Нет.

— Ну, тогда напомни дяде Шамиру, он мне ножик обещал...

С мальчиками было трудно расстаться даже на два дня. Они уже стали верными товарищами. Когда, обветренная, с кирпичным румянцем, Софик по вечерам приезжала с поля, где испытывали трактор, работающий на электроэнергии, или возвращалась со стройки, сыновья стаскивали с нее пыльные сапожки, разогревали обед и тут же требовали подробного отчета. Навалившись животами на обеденный стол, они вставляли в ее рассказ свои соображения и замечания. Арто посмеивался, но быстро увлекался и вступал в беседу.

«Трое мужчин моего дома» — так называла их Софик и так представила гостям, когда мальчики вышли проводить ее к машине.

— Ой, да мы знакомы! — искренне обрадовался Григорий Иванович и долго тряс руку Арто. — Мы же вчера на заводе познакомились, верно? Разве не помните? — взывал он.

Совершенно оттаявший Арто тащил гостей в дом:

— На минутку, по стаканчику вина...

Мужчины готовы были уступить. Хорошо, что Марина Федоровна не согласилась:

— И так запоздали. Не следует путь перебивать!

Долгая дорога, знакомая дорога! Взлет над городом — и вот уже он остался в долине, подернутый синеватой дымкой. А дальше — путь к темнеющим в небе горам. Сколько езжено этим путем на ленивых, тряских телегах, сколько хожено пешком в далекие годы юности!..

В доме дяди Шамира предсвадебная суета. Старик женит младшего сына, Арсена. Жених — зоотехник, участник сельскохозяйственной выставки. Свадьба ожидается большая. Недаром Софик приехала из города и гостей привезла.

Еще накануне Арсен с товарищами отправился за невестой. Путь лежал не близкий — через горы, в большое село соседней республики.

Молодых ждали с часу на час. Тетя Аспрам, командующая целым штатом помощниц, урывала время, чтобы пошептаться с Софик:

— Я-то давно замечала — все у него на азербайджанских кочевках дела. Сегодня поехал, завтра поехал. Ну, что скажешь, дела! Только когда она сама пришла будто закваски для сыра взять, — тут я себе палец и прикусила!

Прерывая рассказ, тетка повелительно кричала:

— Варсик, Аник, блюда хашламы приготовьте! Да не эти, круглые. Ох! Говорят: дочку замуж выдавать — хлопотать, сына женить — отдыхать. А я и дочек выдавала — с ног сбивалась и сына женю — покоя не имею. Все-таки люди не нашей нации. Вдруг недовольны останутся, осудят...

— Ты меня слушай, жена, — приказывал дядя Шамир, — я тебе говорю: главное — чай! Чтоб был крепкий, сладкий, и на столе чтоб халва, конфеты были. Ты мне верь.

— Три самовара приготовили, — вздыхала тетя Аспрам, — в магазине конфет не осталось: все мы купили. Да еще Софик из Еревана привезла.

Карпеку и Григория Ивановича отправили к соседям — отдохнуть перед свадьбой. Их уложили на огромные тюфяки, набитые тончайшей шерстью, укрыли стегаными, легкими, из той же шерсти одеялами.

Марина Федоровна отдыхать отказалась. Тихо, незаметно она включилась в работу по хозяйству, будто для нее было привычным делом нарезать ножницами плоский хлеб — лаваш — или снимать с потолка в кладовой подвешенные на зиму гроздья винограда.

Софик тоже хотела помогать, но тетя Аспрам ласково отстранила племянницу:

— Иди, не твое дело...

И все повторяла:

— А помнишь, как ты скатилась по этой лестнице?.. А помнишь, за этим столом ты уроки учила?..

В комнате молодых Софик переоделась в новое платье и причесалась. Она знала, что сегодня, сдерживая гордость, дядя Шамир будет говорить: «А это племянница моя, большим человеком стала. В райкоме партии, что ли, работает... Для меня как была Софик, так и осталась...»

На зимнем зеленовато-прозрачном небе зажглась первая трепещущая звезда. Софик стояла на балконе, вдыхая морозный, пахнущий самоварным дымком воздух. Отсюда было видно все село: дома на высоких цоколях, оголенные фруктовые деревья по склонам гор — новая затея председателя колхоза Оганеса.

Темной ниточкой в заснеженном ущелье тянулась дорога, по которой ехали молодые.

Их встречали музыкой — переливалась, захлебывалась зурна, празднично грохотал бубен. С балконов колхозники осыпали «Победу» и два «Москвича» зернами пшеницы и риса. Ехали медленно, потому что впереди бежали дети, заглядывали в окна. Неподалеку от дома машины остановились. Первым выскочил родственник невесты — молодой парень с черными усиками. Он водрузил себе на голову большое круглое блюдо с пловом, украшенным фруктами, конфетами и горящими свечами. За ним шли жених и невеста. У Амины из-под красного пальто виднелось длинное, почти до земли, свадебное платье.

С трудом вылезла из «Москвича» грузная Гюльсанам, мать невесты. Маленький Ильяс бережно поддерживал жену, помог ей отцепить от дверцы машины кисти белой шелковой шали и повел ее за молодыми.

Окруженное соседями, приглашенными и любопытными, свадебное шествие направлялось к дому Шамира. На пороге стояли сам старик с Аспрам, Софик с гостями. Марина Федоровна держала в руках на расшитом украинском полотенце каравай хлеба, увенчанный серебряной солонкой. С волнением смотрела Софик, как встретились две женщины-матери, кровь которых теперь сольется во внуках и даст жизнь новым поколениям.

Сухощавая, угловатая тетя Аспрам расцеловалась с кругленькой Гюльсанам, обняла ее за плечи и ввела в дом, будто забыв обо всех остальных.

Хлопая друг друга по плечам и бокам, расцеловались председатели колхозов — горячий, шумный Оганес Амирян и добродушно-хитрый Кязимов.

— Украли яблоко из твоего сада? — хохотал довольный Оганес.

Кязимов покачивал головой в низкой каракулевой папахе, разводил руками и отвечал певучим стихом древнего сказителя:

— От солнца летом сад не сбережешь,
На поле ляжет град — не сбережешь...
И юность, будь властитель иль мудрец,
Ты от любви стократ не сбережешь...

Это была веселая свадьба! Невеста с золотыми подвесками в ушах и ожерельем из маленьких золотых монеток держалась просто, без жеманства. Она не была хороша — слишком густые брови, смуглое грубоватое лицо... Но Арсен замирающим от счастья голосом шепнул Софик:

— Знаешь, сестра, я думаю, такой, как она, не только в нашем районе, а даже в Ереване нет.

Дядя Шамир, разливая по рюмкам персиковую водку, провозглашал тосты:

— Народ говорит: материю выбираешь — на кромку смотри, жену выбираешь — на ее мать смотри.

Все поднимали стаканы за здоровье Гюльсанам, и она, раскрасневшаяся, улыбалась доброй широкой улыбкой, кланялась гостям, а дядя Ильяс благодарственно прижимал к груди руку.

Музыканты играли, не переставая. У дудукиста налилось кровью лицо, покраснели глаза. Чтобы дать музыкантам отдохнуть и подкрепиться, завели патефон. По дому плавали густые запахи жирной хашламы, острых солений, терпкого крестьянского вина.

Девушки уже разливали по стаканам темный, густо настоенный чай. Тетя Аспрам вынесла сладости. Перед почетными гостями она поставила большую хрустальную вазу в форме лилии на длинном серебряном стебле.

Аспрам поднесла вазу с такой подчеркнутой бережностью, а дядя Шамир так значительно подмигнул, что гости не могли не обратить внимания на хрустальную лилию.

— Хороша! — сказала Марина Федоровна.— Старинная?

— Да уж, — ответил дядя Шамир, наполняясь гордостью, — лет пятьдесят в моем доме живет.

— Неужто?— спросил Григорий Иванович. Спросил просто для приличия. В эту минуту он, конечно, не задумался, откуда полвека назад такая дорогая и, по существу, бесполезная вещь могла появиться в доме армянского крестьянина.

Но для дяди Шамира его слова были сигналом к действию. Подвыпивший, шумный, он поднял вазу за ножку, перевернул ее над столом так, что конфеты в разноцветных обертках рассыпались по всей скатерти.

— Ты грамотный? Читай! — кричал старик. — Здесь все написано. Мне за лучшую джигитовку на военном смотру — первый приз! Сам генерал — из рук в руки. Со всего округа ходили смотреть на эту вещь.

Софик десятки раз слышала историю вазы. И не только эту. У хрустальной лилии была еще одна история. Теперь, когда дядя Шамир высыпал сладости, стало видно, что красивая ваза разбита. Она была заботливо, но неумело склеена темным клеем, на местах потерянных осколков были пустоты.

— Что же вы ее не уберегли? — с сожалением спросила Марина Федоровна.

Наверное, не надо было об этом спрашивать. Не надо было отвечать. Не надо было вспоминать.

Лучше бы всего стереть память о далекой ночи, когда здесь стоял еще другой дом — низенький и темный. Когда женщина накрыла детей паласом и, холодея, прислушивалась к каждому шороху. Все село притаилось — ждали гибели, меча, огня. С той ночи поседела Аспрам, а ей тогда и тридцати не исполнилось. Кто был виноват в крови, проливаемой двумя братскими народами? Не она с детьми и не тот одурманенный, натравленный человек, который распахнул двери ее дома в ту ночь... Что понимают дети? Они сбросили с себя палас и подняли головы. Аспрам сперва кинулась к ним, потом к тому, кто вошел.

— Сосед! — крикнула она. — Брат! — крикнула она.

Человек отступил. Но нож, поднявшись, должен был опуститься. Он с силой врезался в убогий шкаф...

Вазу все-таки удалось склеить.

Конечно, сейчас об этом никто не стал подробно рассказывать. Но, видно, много выпил дядя Шамир на свадьбе своего младшего сына. Иначе он, умудренный жизнью человек, воздержался бы и от тех нескольких слов, которые вылетели у него при новой родне и гостях, при людях с Украины...

Софик увидела, как содрогнулось приветливое лицо тети Гюльсанам, как помрачнел Кязимов, опустил глаза веселый Оганес и замолчал Григорий Иванович.

И напрасно пытался шутить вежливый Ильяс, протягивая руку за очередным стаканом:

— Законны два стакана чая... После пяти пей, не считая!

В его умных, живых глазах тоже не было веселья.

Немного погодя Софик вышла на балкон. Вдали над горами уже светлело небо. Любопытные соседи и ребятишки, весь вечер толкавшиеся под окнами, разошлись по домам.

В глубине балкона кто-то стоял. Софик подошла ближе.

Гюльсанам раскачивалась и тихо стонала, дядя Ильяс гладил ее по плечу.

— Зачем принесли эту вазу? — плакала женщина. — Камень положили мне на сердце...

Старик тихо что-то сказал.

— Нет, — не унималась Гюльсанам, — нет, нет... Внуки мои с детства эту вазу увидят — спросят... Ах, почернел мой счастливый день!.. Уедем домой!

Софик быстро подошла к ним и обняла тетю Гюльсанам.

— Никто не хотел обиды! — горячо сказала она.

Дядя Ильяс молча курил.

В комнате шумела, пела и танцевала молодежь, которой не было дела до старых счетов и старых обид. Но какое же оно было, это прошлое, если даже тень его омрачала такой счастливый вечер!

Софик почти силой привела стариков обратно в комнату. Гости притихли, и напрасно дядя Шамир подливал им вина.

— Спивай, спивай! — угощал он Григория Ивановича, уверенный, что предлагает ему выпить.

— А ну, музыканты! — крикнула Софик. — Повеселей что-нибудь. Плясать будем!

Заиграли отдохнувшие музыканты. Дробно застучал бубен, запела, залилась тара, загудел дудук. Софик подняла руки и помчалась на своих тоненьких каблучках. Она никогда не училась танцевать, все армянки танцуют не учась. Она плясала, не думая о своих движениях, — ее вела знакомая с детства музыка.

Люди стоя хлопали в ладоши. Софик заметила, как, поднимаясь, Оганес с досадой отодвинул вазу подальше...

Хорошо жить, трудиться, любить! Ненавистно все, что мешает человеческому счастью!

Софик вытянула за руку невесту. Крупная, рослая девушка поплыла по кругу с неожиданной легкостью. На ее груди бились золотые бусы, в ушах звякали подвески.

Запыхавшись, Софик остановилась возле дяди Шамира. Теперь танцевала одна невеста, смущенно и радостно улыбаясь жениху, родителям, гостям. Сейчас и Софик разглядела ее милую красоту. Но лицо тети Гюльсанам точно потухло. Она не ответила дочери на улыбку.

Это увидел и Шамир Симонян. Он был умным и добрым человеком. Он, вероятно, и сам догадался бы сделать то, о чем ему чуть слышно шепнула Софик...

Музыка играла все громче. Невеста все быстрее перебирала лаковыми туфельками. И когда она поравнялась с дядей Шамиром, старик быстрым движением схватил со стола вазу и бросил ее к ногам матери своих будущих внуков.

Ох, как весело брызнули по комнате сотни сверкающих осколков!..

Примечание к картине

На этой фотографии, в свое время опубликованной в журналах, показан «творческий метод» создания картины «И солнце уснуло над Адриатическим морем».

Без малого полстолетия назад в Париже открылась очередная выставка «Салона независимых». Здесь среди других картин было выставлено полотно никому не известного художника Боронали «И солнце уснуло над Адриатическим морем». Яркие краски ложились одна на другую в диком сочетании. Хаос мазков, полос и пятен слепил глаза.

Картина стала «гвоздем» выставки. Перед ней подолгу стояли, кое-кто восхищался «фантазией художника», «остротой восприятия». Картину называли новым, смелым шагом в искусстве...

В одном из журналов вскоре появился «манифест» Боронали с призывами: «Истребим бессмысленные музеи! Долой постыдную рутину ремесленников, изготовляющих конфетные коробки вместо картин! Да здравствует ослепительная фантазия!»

Имя Боронали было у всех на устах. И вдруг...

В «Салон» явились люди, предъявившие нотариально заверенный акт. В нем сообщались любопытные сведения.

Как-то в одну из редакций вызвали нотариуса. В присутствии его и свидетелей привязали к хвосту осла кисть с краской. Сзади осла укрепили холст. Осел поедал приготовленные для него сласти и помахивал хвостом, «рисуя» на холсте Адриатическое море. Кисти с красками меняли...

Шутники пояснили, что фамилия Боронали создана путем перестановки слогов во французском слове «алиборон», что значит «осел», «невежда»...

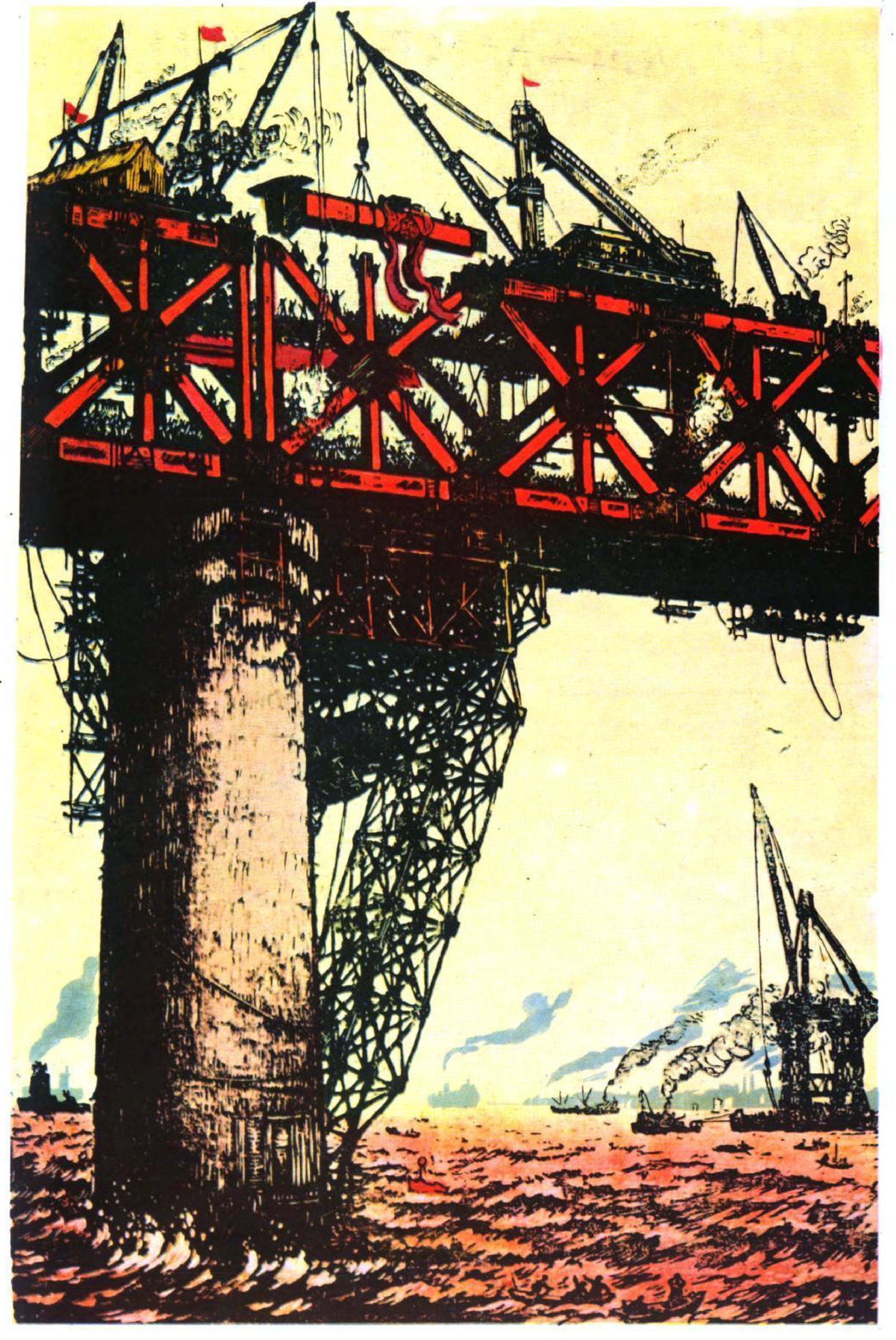
Прошло полстолетия... Воинствующее реакционное искусство ослиного хвоста, отрицающее смысл, содержание, идейность живописи, пышно расцвело на Западе и в Соединенных Штатах. Последняя международная выставка в Венеции, за исключением отделов СССР и Румынии, почти сплошь была заполнена абстрактивистами.

Вот что и послужило темой картины Ф. Решетникова «Тайны абстракционизма».

Ф. П. Решетников (СССР). ТАЙНЫ АБСТРАКЦИОНИЗМА. Триптих. 1958 год.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

У Ши (Китай). ПОСЛЕДНЯЯ БАЛКА (ОКОНЧАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА УХАНЬСКОГО МОСТА). 1957 год Гравюра на дереве.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

ЗА НИМИ—МИЛЛИОНЫ

...По лестнице, направляясь в зал заседаний сессии Бюро Всемирного Совета Мира, шел Поль Робсон. Навстречу ему тянулись руки, раздавались приветствия:

— Здравствуйте, Поль!

— Как поживаете, мистер Робсон?

Или просто радостное:

— О, Поль!

Десять лет назад, на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже, прозвучала горячая речь Робсона против войны. И его страстная песня. Власть имущие в США не простили Робсону выступления за мир. Его собственную страну хотели сделать для певца большой темницей. Одного из учредителей движения сторонников мира, его хотели отрезать и от этого движения! Не вышло! Участники сессии Бюро ВСМ вновь услышали его выступление. И, как десять лет назад, Робсон снова пел:

...Я положу свой меч и щит
на берегу реки.
Я не хочу больше думать
о войне!

— Это старая негритянская песня, которую сложили мои предки, участвовавшие в гражданской войне, — говорил потом Робсон. — А петь я, собственно говоря, и не собирался. Так вышло. Само собой.

В дни работы сессии Бюро ВСМ казалось, что бело-голубой Октябрьский зал Дома союзов вмещал целый мир. Люди разных убеждений — среди участников были и ученый из народного Китая, и промышленник из Бельгии, и австралийский священник — все они объединены одной благородной целью и неизменно и самоотверженно боролись за нее. Если за прошедшее десятилетие силам агрессии приходилось отступать, если поджигатели войны меняли свои планы, то в этом большая заслуга борцов за мир, миллионов людей всех стран.

Приехав в Москву, участник сессии Карнеро Чека, директор перуанского журнала «1959», получил из-за океана письмо, в которое было вложено несколько газетных вырезок. Одна из реакционных газет писала, что Чека отправился в Москву «перекрашиваться в красный цвет».

— Пусть пишут, что хотят! — смеялся Чека, показывая вырезку. — Кто им поверит? Нас много. Недавно в Перу создан «Комитет действий против войны». Его возглавляет член парламента. Но борьба за мир не замкнута рамками этой организации. В этой борьбе активно участвуют профсоюзы, тысячи людей ставят свои подписи под воззваниями с призывом к миру.

— Вы приехали прямо из Багдада? — спросили мы у члена Совета Мира Азиза Шерифа.

— Да, — ответил он.

Это «да» было сказано как нечто само собой разумеющееся. Однако еще недавно в Ираке деятельность в защиту мира, считалась преступлением. За нее полагалось пожизненное заключение. Азиз Шериф семь лет вынужден был скрываться в подполье. В 1955 году правительство издало декрет, по которому Азиз Шериф был лишен... национальности. Шериф рассказал:

— Теперь движение за мир в Ираке, которое не прекращалось в самое тяжелое время, бурно развивается. Наша республика находится на переднем крае сражений против империализма. Мы боремся за единство народа, отстаиваем независимость страны.

Среди участников сессии были гости, представлявшие различные движения и организации, которые не входят во Всемирный Совет Мира. Гостем из Ганы был Гамесу Кофи Амегбе, один из организаторов Конференции народов Африки в Аккре. На митинге в Москве, посвященном Дню Камеруна, Амегбе сказал:

— Мы требуем от колонизаторов независимости для африканских народов! И мы говорим им: «Если вы не дадите ее нам, мы возьмем ее сами!»

— Как вы оцениваете деятельность сторонников мира для движения за независимость в Африке? — спросили мы его.

— Это движение, которое охватывает весь мир, безусловно, помогло нам в нашей борьбе. Каждый, кто сам участвует в борьбе своего народа, может пожелать этому движению еще больших успехов, — ответил гость из Ганы.

Член Совета Мира Холланд Робертс приехал на сессию из Соединенных Штатов. В Сан-Франциско он возглавляет Американо-русский институт. Люди, работающие в этом институте, поставили себе задачу знакомить американцев с СССР.

— Контакты — это очень важная вещь для мира, — говорил нам Робертс. — Контакты рождают взаимопонимание. США и СССР — две самые могущественные державы. Мир был бы в безопасности, если бы обе они занимали ведущее место в борьбе за мир. А контакты могут создать предпосылки для переговоров о мире между представителями наших стран.

...Много встреч было на Московской сессии Всемирного Совета Мира, много новых знакомств. Мы попросили члена Всемирного Совета Мира, заместителя председателя болгарского Комитета защиты мира Георгия Пиринского рассказать нам о самой запомнившейся ему встрече.

— Я увидел на этой сессии своих друзей из Индонезии, из Японии, из США, из СССР. Но больше всего я рад встрече с Москвой. Для нас Москва — это символ мира, это залог будущего человечества, это надежда на мирное сотрудничество всех народов. Советский Союз дал миру новое доказательство своих мирных стремлений — семилетний план. Разве можно было найти лучшее место для встречи друзей мира, чем Москва!

* * *

24 февраля в Кремле Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев встретился с участниками проходящего в Москве заседания Бюро Всемирного Совета Мира. Беседа прошла в теплой, дружеской обстановке.

А. СЕРБИН

В президиуме сессии. Выступает Джон Бернал (Англия).

Гости из Ганы встретились с Полем Робсоном. Слева направо: Гамесу Кофи Амегбе, Поль Робсон, Мозес Феарчайлд Гохохо.

В перерыве. Слева направо: И. Эренбург, Изабелла Блюм, А. Корнейчук. На фото справа: Карнеро Чека.

Фото М. Савина.

Два письма Н. К. Крупской

26 февраля 1959 года исполнилось 90 лет со дня рождения Н. К. Крупской — славного большевика, видного партийного и государственного деятеля, друга, соратника и жены великого вождя трудящихся масс В. И. Ленина.

Н. К. Крупская наряду с огромной и многообразной партийной и государственной работой очень много времени уделяла заботе о детях, об устройстве их быта. На все письма и запросы своих маленьких друзей Надежда Константиновна отзывалась всегда очень тепло и старалась помочь им не только советом, наставлением, но и практически.

Педагогическая деятельность Н. К. Крупской известна далеко за пределами нашей страны.

Два письма Надежды Константиновны Крупской публикуются впервые по подлинникам, которые хранятся в фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Н. К. Крупская и Клара Цеткин. 1931 год.

РУДНИЧНЫЙ КОМИТЕТ ЗАПОЛЯРНОГО АПАТИТОВОГО РУДНИКА ИМЕНИ С. М. КИРОВА, г. КИРОВСК.

11 февраля 1936 г.

Дорогие товарищи,

получила письмо и завещание товарища Можарова [1]. Мне кажется, надо страховую премию истратить на устройство детучреждения. Таким учреждением надо бы сделать детский сад для детей горняков и назвать его именем товарища Можарова. Сообщите, пожалуйста: 1) размер премии, 2) в каком положении у вас дело с детсадами, все ли ребята горняков обслужены детсадами, если не обслужены, то почему.

Со своей стороны мы постараемся помогать детсаду имени Можарова.

Напишите, как вы смотрите на это дело, считаете ли вы целесообразным мое предложение, или, может быть, целесообразнее укрепить какой-нибудь из существующих уже детсадов, или, может быть, у вас есть еще какие-нибудь другие предложения.

Жду вашего сообщения.

С товарищеским приветом

Н. Крупская.

ДЕТСКИЙ ДОМ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ № 1

21 января 1939 г.

Дорогие мои маленькие испанские друзья, я очень хотела бы приехать к вам на пионерский сбор, посвященный памяти Владимира Ильича, рассказать вам о нем, но я хвораю сейчас, и мне запрещено выступать на больших собраниях. Шлю вам горячий привет. Испания для нас близкая, родная, испанские дети — наши любимые ребята.

Желаю Вам всего, всего самого лучшего.

Н. Крупская.

[1] Можаров — рабочий подземного рудника в Кировске — трагически погиб в ночь с 4 на 5 декабря 1935 г. при снежном обвале горняцкого поселка. Жизнь рабочего Можарова была застрахована. В своем завещании на случай смерти Можаров указал: «Страховую премию в случае моей смерти передать т. Крупской Н. К.».

Д. З. Мануильский

22 февраля после продолжительной и тяжелой болезни умер Дмитрий Захарович Мануильский, член КПСС с 1903 года, видный деятель Коммунистической партии Советского Союза, Советского государства и международного коммунистического и рабочего движения, один из выдающихся руководителей Коммунистической партии Украины и Украинского советского государства.

О СТИЛЕ ШАХМАТИСТА

Михаил БОТВИННИК,
чемпион мира
по шахматам

Четыре года назад на одном собрании, происходившем на «высшем шахматном уровне», подводились итоги очередного чемпионата СССР. Докладчик (кстати, он имел всего лишь второй разряд по шахматам) был милостив ко всем участникам, за исключением Тиграна Петросяна: молодому гроссмейстеру ставилось в упрек излишнее количество ничьих, ему даже предсказывалась, если мне не изменяет память, опасность творческого вырождения...

Справедливости ради следует отметить, что один из собравшихся участников чемпионата вступился тогда за скромно молчавшего коллегу. По мнению этого видавшего виды шахматного бойца, не следовало безапелляционно осуждать растущего шахматиста. Действительно, разве не вправе гроссмейстер самостоятельно определять свой творческий стиль, если этот стиль может принести ему успех? Одному нравятся гусарские атаки, другой стремится ошеломить противника дерзкой жертвой, третий, расставив хитрую ловушку, в цейтноте хватается «в отчаянии» за голову, а находятся шахматисты, что не гонятся за случайным шансом, а стремятся проникнуть в суть позиции, играют «по позиции», и если позиция диктует мирный исход, не отказываются от него.

Этот последний стиль, пожалуй, не является популярным. Присущая ему осмотрительность кажется осторожностью, если не трусостью. То ли дело азарт, тут всегда найдутся любители воскурить фимиам! Может быть, автор этих строк и ошибается, но мне кажется, что скромный, осмотрительный, хотя и боевой стиль игры имеет такое же право на существование, как более эффектный стиль игры, основанный на комбинационном зрении и тактическом расчете.

Практическая выгода стиля Петросяна, основанного на своеобразном и тонком понимании позиции, состоит в том, что по мере накопления опыта он становился все опаснее для своих партнеров и его превосходство в понимании позиции — постоянно действующий, а не случайный фактор. Когда-то должен был он дать о себе знать. Это и случилось на турнире в Тбилиси.

Кстати, что лучше: две ничьи или один выигрыш и один проигрыш? К этому можно подойти с двух точек зрения — со спортивной и художественной. Очевидно, с точки зрения турнирного результата, что 1/2 + 1/2, что 1 + 0 — всегда является однозначным. С точки же зрения творческой, результат не имеет решающего значения, важно, какие партии сыграны, что это за ничьи или единица и нуль. Если ничьи бесцветны, если шахматист уклонялся (без серьезных оснований) от борьбы,— это, конечно, плохо, и плохо прежде всего для него самого! Если же эти ничьи — результат тонкой, хотя, быть может, и короткой борьбы, то, на мой взгляд, с творческой точки зрения, эти партии выше, чем очко и ноль, если этот «боевой» результат достигнут использованием каких-либо очевидных промахов... А как часто приходится морщиться нашим шахматным специалистам, когда турнирный зритель бурно приветствует случайный успех мастера над партнером, упустившим в цейтноте из-за грубой ошибки заслуженную победу...

Стиль Тиграна Петросяна в известной мере напоминает стиль Капабланки, Флора и, быть может, Смыслова. Чем это объяснить, что общего в стиле этих шахматистов? Шахматисты этого типа используют свою главную силу — превосходство в понимании позиции; поэтому они стремятся получать позиции, где фактор времени и тактический элемент не имеют решающего значения, где можно составлять основанные на прочной базе планы, с железной последовательностью приводящие к победе. У шахматистов же типа Алехина и Таля «все» находится в динамике и решающее значение имеют фактор времени и комбинационное зрение. «Все» взято в кавычки не случайно, ибо шахматисты второго типа не могут добиваться успеха, не обладая хорошим позиционным чутьем и техникой, так же, как шахматисты первого типа неизбежно должны быть тонкими и сильными тактиками.

В этом отношении весьма характерна партия Таль — Петросян из XXV чемпионата СССР (Рига, 1958 год). Казалось бы, сначала Таль добился очевидного позиционного перевеса и положение черных было критическим; но в этот тяжелый момент остроумной жертвой качества Петросян вскрыл теневые стороны позиции белых, и уже несколько растерявшийся Таль вынужден был спасать партию... Разумеется, если бы Тигран Петросян был бы только специалистом в области позиционной борьбы и не был бы к тому же хитроумным тактиком, он не сумел бы одержать столь убедительную победу в Тбилиси!

Успех Тиграна Петросяна, конечно, не может затмить больших достижений Михаила Таля за последние годы. Чем же объяснить, что Таль в Тбилиси выступил не столь блестяще, как в Москве и Риге? Отчасти, мне кажется, это объясняется его творческим стилем: он в большей мере стремится к исключениям, нежели к планомерной игре, основанной на позиционных элементах. Правда, находясь иногда на грани поражения или в «безнадежно» ничейной позиции, Таль остроумнейшими и эффектными замыслами добивался успеха. Некоторые считают даже, что Таль гипнотизирует своих партнеров, а нынешний чемпион СССР во время последнего турнира наций в Мюнхене утверждал, что когда «Миша вытянет шею и поводит подбородком из стороны в сторону, то никто устоять не может»... Использовал ли это «сильнейшее» средство молодой рижанин на турнире в Тбилиси, мне неизвестно; если же и использовал, то, видимо, оно не всегда действует: Тбилиси не Мюнхен!

Во всяком случае, интерес к предстоящему в Югославии в сентябре турниру кандидатов на матч за мировое первенство повышается. Особый интерес вызывает участие двукратного чемпиона США юного Роберта Фишера, хотя многие, вероятно, жалеют, что там не будет Бориса Спасского. После неудачного выступления на чемпионате СССР в Риге ему придется подождать следующего трехлетия... Но все же советские шахматисты могут быть уверены, что четыре шахматных мушкетера: Василий Смыслов, Пауль Керес, Михаил Таль и Тигран Петросян — будут на турнире в Югославии достойными представителями советской шахматной школы!

Рис. Н. Лисогорского.

Жизнь **ИСКУССТВА**

«ТРЕТЬЯ ПАТЕТИЧЕСКАЯ»

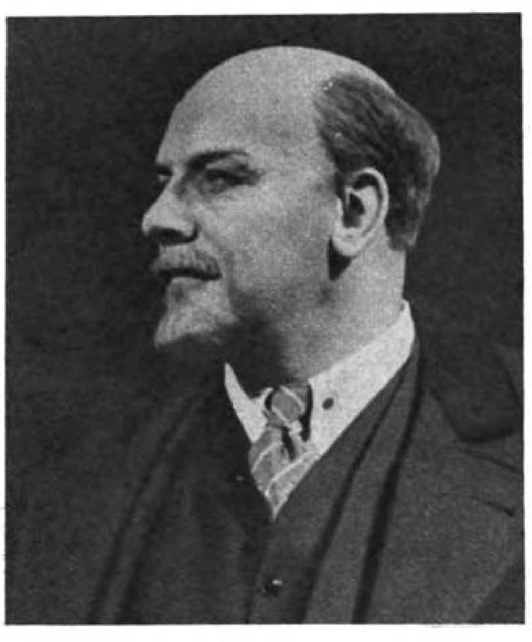
В Художественном театре — новый спектакль «Третья патетическая». Этой пьесой Николай Погодин завершил свою давно задуманную трилогию, посвященную Ленину. «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты» уже прошли долгий и славный путь на советской сцене. «Третья патетическая» только начала свое движение к сердцам и чувствам зрителя.

Образ великого Ленина многогранен, неисчерпаем. Он будет вечно изучаться, творчески осмысливаться... Гигантская фигура вождя Октябрьской революции поражает, восхищает, зовет, служит благородным примером в жизни и борьбе.

В «Третьей патетической» Ленин (артист Б. Смирнов) предстает перед нами прежде всего как человек, исполненный энергии, гуманности, простоты. Он уже тяжко болен, но так велика в нем сила жизни, что не веришь — нет, никак не веришь! — что какой бы то ни было недуг может свалить его...

Трудное время перехода от разрухи к восстановлению страны, созданию новой жизни предстает перед нами на сцене.

Героем этой эпохи является наш народ, наш доблестный рабочий класс. Перенеся неслыханные муки, голод, войну, лишения, он работает, трудится, творит, созидает. И силы его непреоборимы.

Артист Б. Смирнов в роли Ленина.

Ленин — вместе с народом, вождь железной партии большевиков, несокрушимого авангарда строящегося социалистического общества. Партия ведет народ. Ленин ведет партию!

В непреклонных, суровых и мужественных лицах рабочих, окружающих Ленина, жадно вслушивающихся в каждое его слово,— готовность к борьбе, вера в конечную победу. И если временно, на минуту ожила людская накипь, подняли голову торгаши, спекулянты, нэпманы,— все равно эти обломки разбитого прошлого обречены. Слабые, колеблющиеся, изменившие делу народа и партии отбрасываются. Революция продолжается.

Ленин умирает, уходит от нас. Но жива партия. Жив и велик народ. Дело Ленина не умрет никогда.

Патетическим апофеозом кончается спектакль. И, покидая зал, зритель уносит с собой обостренное ощущение жизни. Каждая черта нашей новой действительности громко взывает к сердцу: Ленин жив, Ленин с народом, дело Ленина продолжает крепнуть и расти.

Знамя Ленина и сегодня реет над нами!

Ник. НИКОЛАЕВ

Настя — А. Андреева, Гвоздилин — В. Белокуров, Валерик — А. Михайлов.

Фото А. Гладштейна.

КАРУСЕЛЬ ТОРГАШЕСТВА...

Романом без героя не случайно назвал великий реалист Англии Вильям Мейкпис Теккерей созданное им сто лет назад обширное повествование «Ярмарка тщеславия».

В произведении действительно героя нет. Печальная и горькая ирония звучит в примечательных строках, написанных Теккереем вместо предисловия к роману. «Чувство глубокой меланхолии,— говорит писатель,— охватывает режиссера этого представления, когда он сидит на подмостках перед занавесом и смотрит на Ярмарку, созерцая ее шумную суету...»

По мысли Теккерея, действующие лица не более как марионетки, куклы, маски. Но куклы не столько забавные, сколько сатирические, злые. Комедия, в которой они действуют, разоблачает подлое бесчестие, продажность, интриганство и многие другие пороки так называемого «респектабельного» общества.

Замысел писателя сохранил и инсценировщик романа И. В. Ильинский. Этим и объясняется огромный успех спектакля «Ярмарка тщеславия», поставленного Малым театром.

Режиссеры И. Ильинский и В. Цыганков, художник В. Рындин сумели удивительно точно понять и ярко, эффектно решить главную — обличительную — идею произведения. Кукольник, ведущий действие с ноткой раздумчивой печали, вводит нас в шумную ярмарочную суету, знакомит зрителя с теккереевскими марионетками. Вот они кружатся, проплывают одна за другой в живой карусели на фоне пестрого, многокрасочного занавеса: лицемерная, ловкая обольстительница Бекки (Т. Еремеева), сентиментальная Эмилия (О. Хорькова), своенравная мисс Кроули (А. Яблочкина и Е. Турчанинова), откровенно злобный, жадный сэр Питт (В. Шарлахов) и столь же низкий, сколь высокомерный, лорд Стайн (С. Межинский), глупый обжора Джозеф Седли (Н. Рыжов) и многие, многие другие...

Кружится, кружится карусель бессмысленной ярмарочной торгашеской жизни, где все продается и все покупается: чувства, судьбы, любовь, долг, совесть...

По мановению руки кукольника (Е. Велихов) марионетки оживают.

Они кажутся такими далекими от нас, участники Ярмарки... Самая жизнь их как будто давно утратила свое значение, канув в невозвратное прошлое. Но ведь жестокие законы купли-продажи и сейчас сохраняют свою силу в мире тщеславия и корысти, столь беспощадно высмеянном Теккереем.

Гневная сатирическая линия закономерно стала самой главной и актерски самой сильной. Обличение зла выражено со множеством оттенков грусти и насмешки, тонкого юмора и разящего сарказма...

Но невольно думаешь, что серьезность, с которой играют актеры роли добродетельных персонажей, вносит некоторую разностильность в спектакль по произведению Теккерея. Ведь он писал о «чувствительных сердцах», ничуть не замалчивая их обывательской мелкотравчатости, ограниченности.

Лорд Стайн — С. Межинский, Бекки — Т. Еремеева.

Фото И. Ефимова.

Мисс Кроули—Е. Д. Турчанинова.

В романе без героя эти люди — тоже не «герои». Хотя, может быть, они в какой-то мере помогают оттенять страшные черты буржуазного торгашества. А ради этого спектакль и поставлен!

Н. ТОЛЧЕНОВА

СОВЕТСКИЙ ЦИРК ЗА РУБЕЖОМ

Ф. БАРДИАН,
управляющий Всесоюзным объединением госцирков

Еще в декабре в Федеративной Республике Германии начались гастроли артистов советского цирка.

К этой поездке готовились давно. В 1957 году был подписан контракт, предусматривающий гастроли артистов советского цирка в ФРГ. Но в то время как московский зритель тепло и гостеприимно принимал у себя немецких артистов, советским актерам в визах было отказано.

Но вот артисты советского цирка едут в ФРГ. Уже вагоны с багажом стояли у границы, и, нарушая пограничную тишину, далеко разносилось сердитое урчание запертых медведей, а виз все еще не было... Три дня простоял поезд на границе, пока наконец разрешение получили. До премьеры оставалось два дня. За это время мы должны были добраться до Штутгарта, где начинались гастроли, а это нелегко, если учесть, что от Берлина надо ехать на автомашинах. Требовалось приспособить помещение, где предстояло работать. Это был спортзал, его полезная высота — 10 метров. Наши же воздушные номера рассчитаны самое меньшее на двенадцать. Поэтому подвешивая аппаратуру, репетируя номера, артисты все время занимались тщательными расчетами. К началу спектакля все было готово.

Заиграла музыка.

Первое представление большой программы советского цирка в ФРГ началось. Как-то примут наши номера первые зрители — эти 6 тысяч человек, что собрались сегодня здесь? Печать переполнена антисоветскими статьями, то же и в эфире... В зале половина мест занята американскими военными.

Но опасения наши рассеялись. Премьера прошла с огромным успехом.

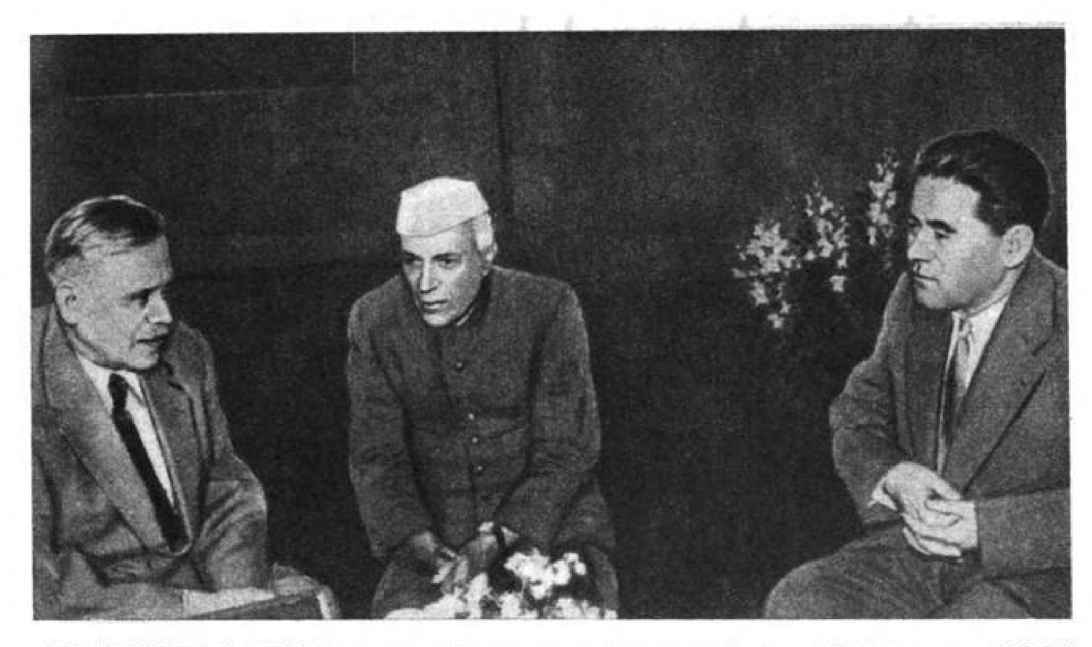
Наутро газеты были полны хвалебных отзывов о советских гастролях. Выступление медвежьего цирка под руководством В. Филатова даже называлось фантастическим. Многие всерьез выражали сомнение: не люди ли это, одетые в медвежьи шкуры? Некоторые рецензенты «авторитетно» заявляли, что медведи не могут быть эквилибристами, акробатами, боксерами, мотоциклистами...

Олега Попова встретили как старого доброго знакомого, хотя он никогда в ФРГ не был. Его называли великим клоуном, гением манежа. Всюду печатались его портреты...

После гастролей в ФРГ цирковая группа советских артистов выезжает в Австрию.

Вот как рекламировали в ФРГ наш цирк.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ДЕЛИ

24 февраля в Дели по приглашению правительства Индии прибыла с официальным государственным визитом правительственная делегация Советского Союза в составе члена Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреева (глава делегации), председателя Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Н. А. Мухитдинова, а также первого заместителя Председателя Совета Министров и министра иностранных дел Грузинской ССР М. И. Кучава, члена Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям А. Г. Шереметьева и заведующего Отделом стран Юго-Восточной Азии МИД СССР В. И. Лихачева.

В этот же день делегация нанесла визит премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру.

На снимке: А. А. Андреев, Дж. Неру и Н. А. Мухитдинов.

Фото А. Стужина (ТАСС). Передано по фототелеграфу.

ШАХТА СЕМИЛЕТКИ

...Оживленно на стыке смен у шахты: одни идут на работу, другие — на отдых. Вот группа горняков вошла в административно-бытовое здание. В зале все получили наряды на работу и направились к сверкающим белизной гардеробам. Сняв здесь костюмы, обувь, в соседней гардеробной они переодеваются в рабочую одежду. Никто не удивляется, что спецодежда высушена, очищена от пыли: в шкафах специальные механизмы приводят ее в порядок.

Шахтеры берут лампочки, фляги с газированной водой и, не выходя на улицу, по закрытой галерее идут в здание вспомогательного ствола. Автоматически раскрываются двери, и горняки входят в пассажирский лифт. Несколько минут — и они в шахте. Снова распахиваются перед ними двери. Подземный электропоезд с крытыми вагонами развозит горняков по участкам.

Но среди шахтеров нет ни проходчиков, ни навалоотбойщиков, ни крепильщиков. В этих профессиях новый рудник не нуждается. К месту работы едут механики, монтажники, наладчики — люди высокой квалификации, которым положено следить за работой мощных и сложнейших агрегатов.

Шахтеров, добывающих уголь, заменили механизмы, и работа ведется почти без участия человеческих рук. Мощный агрегат, состоящий из автоматизированного комплекса машин — двухстороннего струга, панцирного конвейера и гидравлической шагающей крепи,— сам непрерывно скалывает уголь, выбрасывает его на транспортерную ленту и крепит над собой кровлю. Уголь подается по широким лентам транспортера через наклонный ствол прямо на поверхность, к обогатительной фабрике. Рассортированный по маркам, он поступает в железнодорожные вагоны... Так обеспечивается поточность механизированной добычи.

Струг «шагает» до границы участка, а затем его разбирают и перевозят по частям в другую лаву, подготовленную для него проходческим комбайном.

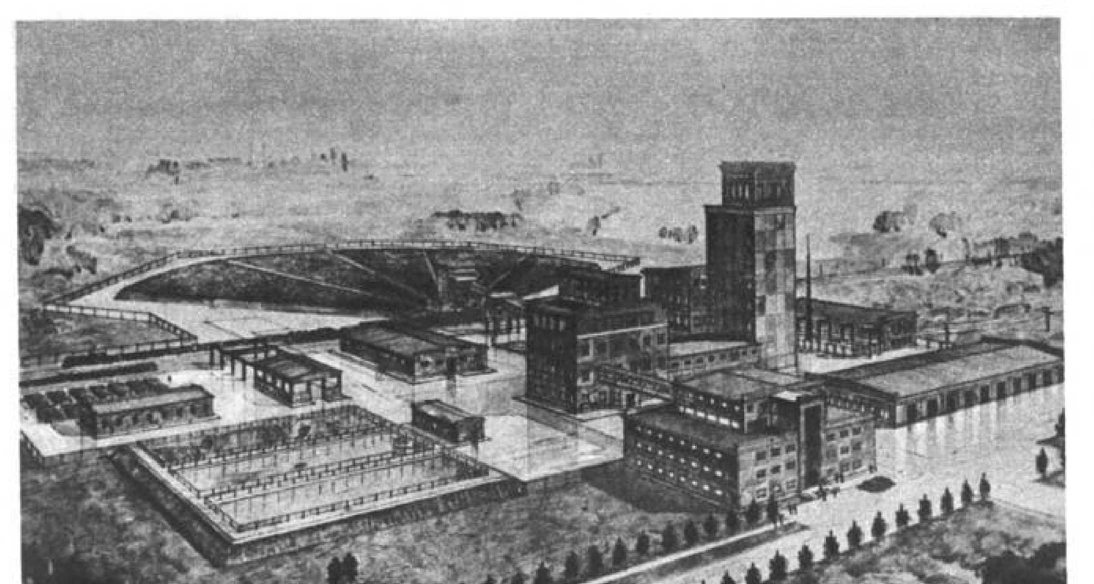
Производительность одной шахты рассчитана на добычу 10 тысяч тонн угля в смену. Это в несколько раз больше обычного рудника. Штат же рабочих, инженеров и служащих значительно уменьшается. Роль подземного персонала сводится, по существу, лишь к контролю за работой механизмов и ремонту их. Управление всеми производственными процессами ведется с центрального пульта с помощью автоматики и телемеханики. На участках и в помещении главного диспетчера — телевизионные устройства. Главный инженер может в диспетчерской на экране телевизора видеть, что происходит в шахте.

Кончается смена. Шахтеры принимают ванну, душ, переодеваются. Механические «чистильщики» привели в порядок обувь. После работы в таком руднике можно, не заходя домой, заглянуть и в клуб.

...Шахты, о которой мы рассказали, пока еще не существует. Строительство ее начнется в Воркутинском угольном бассейне в этом году. Проект, разработанный в институте «Ленгипрошахт» группой инженеров под руководством кандидата технических наук А. А. Гескина, может быть использован на строительстве шахт как с наклонными, так и вертикальными стволами, поточно механизированной и гидравлической системой добычи угля. К концу семилетки страна будет получать с новой воркутинской шахты 3 миллиона тонн угля ежегодно.

К. ЧЕРЕВКОВ

Проект шахты нового типа с вертикальным стволом.

Все выше и выше...

В этом научном учреждении исследуются проблемы, связанные с подъемом живых существ на большие высоты. Я пришел сюда к началу рабочего дня.

— Известная всему миру собака Лайка,— рассказывает врач-экспериментатор,— условия орбитального полета перенесла удовлетворительно. Это был очень ценный опыт, много давший науке, но он только один. Нужно еще получить дополнительные физиологические данные о живых существах в космосе. Только после этого люди смогут приступить к осуществлению межпланетных полетов.

...Мы входим в большую, светлую комнату. На испытателя, широкоплечего голубоглазого парня, надевают специальный костюм для подъема на большие высоты. Он защищает человека от жары и холода, от пагубного влияния отсутствия земного атмосферного давления.

Известно, что с понижением атмосферного давления понижается и температура кипения воды. Этот физический закон распространяется, конечно, и на живые организмы. Уже на высоте 19—20 тысяч метров над уровнем моря атмосферное давление будет столь низким, что при нормальной температуре человеческого тела вода, содержащаяся в нем, должна закипеть.

На испытателя надевают специальный костюм, металлический шлем с большим выгнутым стеклом, и он становится похож на фантастического жителя других планет.

— Сегодня,— говорит врач-экспериментатор,— защитный костюм будет испытываться в термобарокамере на больших высотах.

Тяжелые двери камеры открываются, и нас обдает волна холода. Испытатель входит в металлическую комнату с круглыми глазками вместо окон. Здесь температура стратосферы. Дверь закрывается, испытатель садится в кресло. Перед ним на черной полированной доске поблескивают стекла различных приборов.

Инженер еще раз проверяет кислородное оборудование и, обращаясь к врачу, говорит:

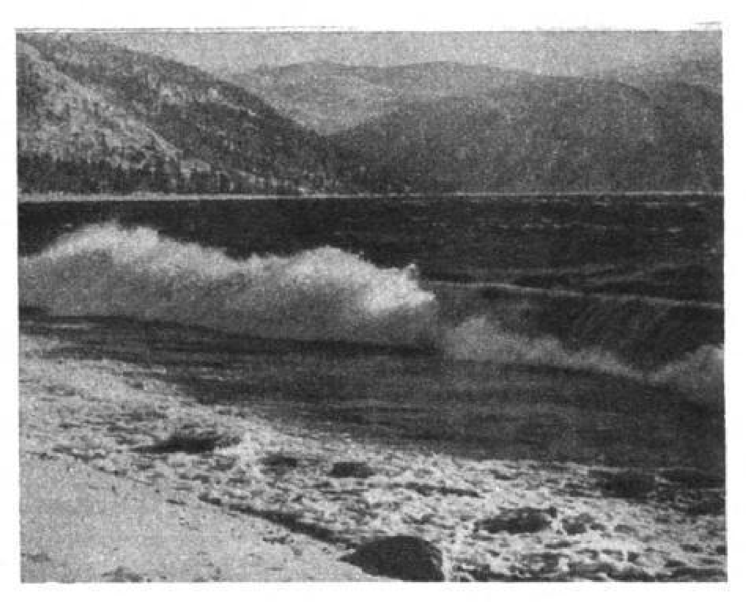
— Все в порядке! Можно начинать.

Раздается негромкий, но мощный гул моторов, выкачивающих из термобарокамеры воздух. Человек «отрывается» от земли и «устремляется» в суровую область больших высот. Прибор показывает 13, 14, 15 тысяч метров над уровнем моря...

В круглый глазок я смотрю на испытателя. Он спокоен и, видимо, чувствует себя хорошо. Гул моторов стихает, заданная высота достигнута. Испытатель встает, делает несколько шагов, приседает, наклоняется, двигает руками. Потом садится на прежнее место. Стрелка высотомера начинает двигаться в обратную сторону. Скоро испытатель оказывается на земле и покидает термобарокамеру — этот кусочек стратосферы, созданный человеком.

— В полете чувствовал себя хорошо,— улыбаясь, докладывает он.

А. ГОЛИКОВ

Телецкое озеро.

Заповедник в Горном Алтае

В Горном Алтае создан крупнейший в стране государственный заповедник. На его территории, занимающей около миллиона гектаров, расположено знаменитое Телецкое озеро, окруженное лесистыми берегами. Впадающие в озеро реки образуют величественные водопады. Места эти каждое лето привлекают многочисленных туристов.

Вот что рассказал корреспонденту «Огонька» директор заповедника В. В. Криницкий:

— Горный Алтай богат кедровыми лесами, дающими прекрасную древесину и орехи, из которых вырабатывается ценное масло. До последнего времени леса эти безжалостно истреблялись. И теперь ученые должны найти способы их скорейшего восстановления. В комплексных исследованиях наряду с лесоводами участвуют почвоведы, ботаники, зоологи.

В нашем заповеднике начал быстро размножаться соболь. Во второй половине лета со склонов гор доносится трубный рев маралов. На звериных тропах можно различить следы рыси, росомахи, норки, медведя. Иногда следы рассказывают о драмах, разыгрывающихся в таежной чаще. Однажды мы обнаружили намертво сцепленные рога вместе с черепами — следы смертельного поединка двух маралов-самцов в брачный период.

Наши звероводы внимательно изучают повадки и поведение животных.

Сотрудники заповедника заняты не только научной работой. Среди местного населения в клубах и юртах, в правлениях колхозов они проводят беседы и лекции.

В. БОРОНИН

ЗЛОВРЕДНЫЙ ВИРУС

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Ф. Короткевича.

Прошло немногим больше года, а недобрый старый знакомец—вирус $А_2$—снова пожаловал незваным гостем. Опять пронеслась по нашим городам сильная вспышка гриппа, вызванная «азиатским» вирусом.

Как известно, в 1957 году, во время пандемии гриппа, этой болезнью переболело более пятидесяти процентов населения во всех странах мира.

— Была ли неожиданностью новая вспышка гриппа? — этот вопрос задали мы заведующей противоэпидемическим отделом санитарно-эпидемиологической станции Москвы С. А. Самвеловой.

Она вынула из ящика письменного стола диаграмму и развернула ее. Диаграмма рассказывала о заболеваемости гриппом в Москве с 1937 по 1957 год. Кривая то устремлялась вверх, то резко снижалась; словно пики, возвышались гриппозные вспышки. Тут же было отмечено, каким вирусом вызвана вспышка: вирусом А, В, затем $А_1$ и в 1957 году особенно зловредным — $А_2$. В 1957 году кривая взобралась выше, чем за все предыдущие двадцать лет.

— Однако,— сказала Самвелова, рассматривая диаграмму,— никогда еще грипп не достигал такого размаха в январе месяце. В этом отношении 1959 год является необычным, хотя в общем вспышка и не так велика, как в пандемию 1957 года.

Первая пандемия гриппа, охватившая все страны мира, разразилась в 1889 году. Она имела три волны, после чего болезнь стихла. Следующая пандемия относится к 1918 году,— болезнь прозвали тогда «испанкой». Она тоже имела три волны. Пандемия позапрошлого года, вызванная новым, «азиатским», вирусом $А_2$, имела, как известно, две волны: весенне-летнюю и особенно сильную осеннюю. Логично было ожидать третью волну, но она не наступила. Эпидемиологи были поставлены перед трудной задачей: чего ждать в наступившем году, какой вирус пожалует «в гости» к человечеству?

С. А. Самвелова снова обращается к диаграмме:

— Анализ гриппозных вспышек показывает определенную закономерность в появлении того или иного вируса. В частности, вирус В приходит через каждые три—пять лет. Он вызвал грипп в 1955 году, поэтому эпидемиологи полагали, что именно этот вирус явится и в 1959 году. Однако на этот раз сильную гриппозную вспышку вызвал вирус $А_2$. Она была слабее предыдущей, но все же охватила большие массы людей.

Мы рассматриваем другую диаграмму: шествие вируса $А_2$ по Москве. Можно назвать день, когда кривая резко пошла вверх: это было двенадцатого января. Затем она поднималась все выше и выше, пока не достигла своего апогея: заболевших гриппом было в одиннадцать раз больше, чем в межэпидемическое время.

Любопытно, что болезнь появилась не во всех районах города одновременно. Сначала тревожные сигналы поступили из трех районов, в следующей пятидневке вирус уже распространился в семи, а вскоре захватил и остальные районы.

На борьбу с гриппозной вспышкой были мобилизованы большие отряды медицинских работников, фармацевтов, студентов, рабочих — активистов Красного Креста, санитарных комиссий на предприятиях и в домах. Исполком городского Совета и городской Совет профсоюзов приняли ряд срочных мер. С целью профилактики все столичные ясли и детские сады были переведены на круглосуточную работу. Поликлиники стали обслуживать гриппозных больных в основном только дома. Ряд профилактических мер провели на заводах, фабриках и в учреждениях.

Развернулась новая битва с вирусом $А_2$.

Первый сигнал о гриппозном очаге поступил на санитарно-эпидемиологическую станцию Москвы — сокращенно СЭС — в начале января: в одном цехе сразу заболело гриппом пятнадцать рабочих. Из СЭС раздался тревожный сигнал. Эпидемиологи и лаборанты выезжали в жилой дом на Большой Полянке и в студенческое общежитие, в больницу и интернат. Лаборанты привозили с собой мазки, взятые в горле больных гриппом, и передавали их для исследования в специальную лабораторию.

...Посторонним вход в лабораторию воспрещен. Здесь царство вирусов. Мы нажимаем кнопку звонка и, облачившись в белый халат, проходим в помещение. Вот один из боксов. Лаборантки работают осторожно, лица их закрыты марлевыми повязками. На столе — пробирки с мазками, взятыми у больных. Этой слизью заражаются куриные эмбрионы, и на каждом яйце пишется фамилия больного. Через несколько дней из яйца будет извлечена жидкость, которая даст возможность определить, каким вирусом вызван грипп.

Мы проходим в другой бокс. Снова ящики с пробирками. В них уже выделен вирус, вызвавший заболевание. Врач подносит пробирку к свету и безошибочно определяет:

— Вирус $А_2$!

Врач перебирает пробирку за пробиркой — вот он, «азиатский» невидимый враг! Вдруг врач замолкает и внимательно всматривается в поднятую пробирку.

— Вирус В! — Этот возглас привлекает всеобщее внимание.

— Откуда?

— Больница № 11.

— Фамилия?

— Андреев.

При подавляющем большинстве вирусов $А_2$ лаборатория обнаруживает, однако, у некоторых больных вирус В, что вызывает немало размышлений у эпидемиологов, вирусологов и других представителей медицинской науки.

...Старшего научного сотрудника Института вирусологии кандидата медицинских наук Н. Н. Орлову мы встретили в универмаге «Детский мир». Не у прилавка, в качестве покупательницы, а в медпункте магазина, где она проводила профилактику гриппозной сывороткой среди продавщиц магазина. Эта сыворотка, по мнению вирусологов, предохраняет от гриппа и его осложнений, способствует более легкому течению болезни. Она была выпущена в продажу, но уже через несколько дней после вспышки ее трудно было достать в аптеках.

Профилактике подвергнуто несколько тысяч продавцов ГУМа, Центрального универмага — ЦУМа — и «Детского мира».

— Предварительные данные,— говорит Н. Н. Орлова,— показывают, что мера эта дала положительные результаты, но требуется еще длительная и тщательная обработка всех материалов, чтобы прийти к точному выводу. В ЦУМе и «Детском мире» нам бросилось в глаза любопытное явление: хотя магазины и находятся территориально близко друг от друга, заболеваемость началась у них не одновременно.

— И эпидемия все еще продолжается?

— Нет, она пошла на убыль...

Это же услышали мы и в отделе госпитализации инфекционных больных станции «Скорая помощь».

— Гриппозная вспышка в городе угасает с каждым днем,— сказала врач Е. П. Вишневецкая.

Мы проходим в комнату регистраторов. Сидящие за столом женщины в белых халатах прижимают к ушам телефонные трубки и быстро заполняют лежащие перед ними карточки: это врачи из поликлиник передают заявки на госпитализацию гриппозных больных.

В работе регистраторов то и дело наступает перерыв; телефон безмолвствует. Екатерина Павловна довольна:

— Это лучший признак того, что грипп кончается... Цифры показывают, что наивысшего предела вспышка достигла 26 января и с тех пор постепенно гаснет...

Зловредный вирус отступает.

← Лаборантки Зоя Любимова (слева) и Татьяна Емельянова в гриппозном боксе санитарно-эпидемиологической станции Москвы за вскрытием куриных эмбрионов, зараженных гриппом.

В медпункте универмага «Детский мир» проводится осмотр продавцов и профилактика противогриппозной сывороткой.

Сюда, на станцию «Скорая помощь», в отдел госпитализации инфекционных больных, поступают все сведения о заболевших гриппом...

Кто завоюет хоккейную корону?

Юр. ВАНЬЯТ

Канадская хоккейная команда «Бельвилль Макфарландс» с успехом выступает на европейских катках. В марте она будет защищать честь Канады в розыгрыше первенства мира по хоккею с шайбой.

— Хейя Сверья!
— Сто лят!
— Хайо Норге!
— Ка-на-да! Ка-на-да!
— Ра-ра мадьяро! Ра-ра мадьяро!
— Е-ще шай-бу! Е-ще шай-бу!..

Эти азартные и волнующие крики болельщиков разных стран предстоит услышать в ближайшие дни свидетелям хоккейных баталий на стадионах Чехословакии.

Миллионы любителей спорта, особенно в северных странах, с огромным интересом и волнением ждут чехословацкой «декады большого хоккея». Дело в том, что в этой стране с 5 по 15 марта будут одновременно разыграны очередные первенства мира и Европы по хоккею с шайбой.

Мировая хоккейная корона в нынешнем сезоне разыгрывается уже 25-й раз. Из них канадские хоккеисты выигрывали ее 16 раз, Чехословакия, Швеция и СССР — по 2 раза (причем СССР начал участвовать в мировых чемпионатах лишь 5 лет назад), США и Англия — по разу.

Что касается розыгрышей первенств Европы, то их начало было положено еще в 1910 году, а нынешний чемпионат будет по счету тридцать седьмым.

Победителями этого турнира оказывались почти все страны северной и средней Европы, но наибольший успех выпадал на долю чехословацких и шведских спортсменов. Советские хоккеисты за 5 лет четырежды завоевывали звание чемпионов Европы.

Подсчитано, что в 36 чемпионатах Европы было разыграно 870 матчей, в которых забито 6 959 голов.

* * *

В мировых чемпионатах, как мы уже заметили, было подавляющее превосходство команды «кленового листа» — канадцев. Достаточно сказать, что в довоенный период родоначальники этой разновидности хоккея уступили золотые медали лишь дважды — американцам и англичанам. За последние двенадцать лет положение несколько изменилось: заокеанские гости шесть раз не были первыми. Однако фактически канадцы трижды (1947, 1953 и 1957) уступили пальму первенства без боя, ибо не принимали участия в этих чемпионатах.

Стокгольмский турнир 1954 года круто повернул «руль» мирового хоккея: на сей раз золотые медали были увезены не в далекую Канаду, а значительно ближе — в Советский Союз.

На Королевском стадионе «дерзкие новички из Москвы (как писала тогда одна из скандинавских газет) нокаутировали самоуверенных фаворитов...» со счетом 7 : 2. Да, разгром в Стокгольме, полученный в схватке с дебютантом, вызвал тогда такой переполох в Канаде, что дело дошло до запросов в парламенте. Защищавший спортивные цвета Канады клуб «Моторс Линдхурс» подвергся резкой критике своих спортивных обозревателей.

Канадские игроки, демонстративно не ходившие на стадион в дни, когда играла советская команда, после чемпионата единодушно признали, что отныне у них «конкурент № 1» — команда Советского Союза.

«Страна хоккея» сумела сделать выводы: через год на турнире в Крефельде (ФРГ) клуб «Пентиктон» добился убедительного реванша — 5 : 0. Но еще через год канадских болельщиков вновь постиг удар. В Кортина д'Ампеццо канадский клуб «Китченер Ватерлоо Датчмен» завоевал лишь бронзовые медали, уступив золотые советским хоккеистам, а серебряные — американским.

...Помнится, на большом заключительном приеме, устроенном советской олимпийской делегацией в отеле «Тре Крочи», близ Кортины, мы разговорились с руководителями канадской команды. Они поджентльменски поздравили нас с победой, но с горькой улыбкой добавили: «Бронзовый век» нам дома не простят... Уверяем вас, канадцы еще покажут всем, что они умеют забрасывать «золотые» шайбы...» И действительно, после годичного перерыва, приехав в Европу, канадцы в лице «Уитби Данлопс» снова встали над цифрой «1» на постаменте призеров, имея рядом с собой, но чуть пониже, команды СССР и Швеции.

Через несколько дней предстоит пятая схватка команд Канады и СССР. От нас, как всегда, выступит сборная команда страны и, как всегда, в стопроцентно «московском» составе. Канадцев должен представлять клуб «Бельвилль Макфарландс», вот уже месяц с успехом выступающий на катках Европы.

Значит ли это, что, кроме Канады, у наших спортсменов не будет в Чехословакии равных по классу конкурентов? Отнюдь нет! «Большая пятерка» — СССР, Канада, Швеция, США и Чехословакия — примерно равна по силам. Достаточно потерять в трудных и суровых «битвах» на ледяном поле одно или два очка — и металл медалей может мгновенно переплавиться из золота в серебро, а то и в бронзу.

К сожалению, трех знаменитых троек нападения — бобровской, уваровской и гурышевской,— единых по воле и коллективным принципам игры, но разных по стилю и манере действий, у нас в нынешнем году еще нет.

И если в защите мы имеем опытных, бывалых бойцов — Н. Сологубова, И. Трегубова, Д. Уколова,— то линия атаки (за малым исключением) представлена молодежью. Н. Снетков, Е. Грошев, В. Якушев, В. Пряжников и И. Деконский впервые выйдут на поле в качестве участников мирового чемпионата. Молодежь всегда приносит задор, стремительность, хороший азарт. Будем надеяться, что молодые игроки и теперь не обманут наши надежды.

У тренера сборной СССР Анатолия Тарасова напряженный сезон. Встречи с «Келовна Пеккерс» (Канада) в Москве, турне по Англии, США и Швеции были использованы для тренировок команды и для поисков различных атакующих троек.

Таблица игр чемпионата мира последних лет говорит о том, что наша команда выступала успешно.

И все же... не будем излишне многословны. Канадцы по-прежнему сильны и являются самыми серьезными претендентами на почетный титул чемпиона мира. Спортивная «разведка», предпринятая «Келовна Пеккерс» в Москве за три месяца до пражских встреч, заставила руководителей канадского хоккея тщательно продумать план подготовки команды «Бельвилль Макфарландс» и усилить ее игроками других клубов.

Очень трудным для команды СССР неизменно бывает матч с чехословаками — учителями наших хоккеистов. Недавний проигрыш сборной Москвы и команды «Динамо» подтверждает это. А если учесть, что чемпионат проходит в Чехословакии, станет ясным, насколько опасны в нынешнем году учителя.

«Тре Крунур» — сборная команда Швеции. Здесь собрано все лучшее из 1 158 хоккейных клубов страны. В ее составе такие виртуозы хоккея, как защитник Ларс Бьерн и знаменитый нападающий Свен Юханссон из «Юргордена». Скандинавы славятся своей жесткой защитой. «Стокгольмский бетон» очень трудно взламывать. Для этого нужны весьма опытные мастера хоккейного «отбойного молотка».

Наконец, команда США. Недавно советские хоккеисты на американских стадионах дважды победили и однажды свели вничью матчи со сборной США. Но это еще не дает основания считать сборную команду США легким соперником.

Прогрессируют хоккеисты Польши. Имеют немалый опыт и остальные участники чемпионата. А в общем, любителям хоккея осталось ждать немного: 5 марта они настроят свои радиоприемники на «хоккейную волну» и впишут в турнирные таблицы первые очки и нули.

В Чехословакии зимой хоккей является «спортом № 1». Вот почему еще полгода назад количество заявок на предстоящие матчи в Праге, Брно, Братиславе и Остраве превысило тройную норму мест на трибунах зимних стадионов. А таких сооружений в республике свыше трех десятков. Нынешний чемпионат совпадает с 50-летием чехословацкого хоккея.

Учреждены, как всегда, три приза: лучшему вратарю, защитнику и нападающему. Напомним о тех, кто получил в последние три года эти призы: вратари — Айкола (США), Карел Страка и Владимир Надрхал (оба — Чехословакия), защитники — Николай Сологубов (дважды) и Иван Трегубов, нападающие — Джек Маккензи (Канада), Свен Юханссон (Швеция) и Чарльз Бурнс (Канада).

Не так давно мне довелось побывать в Праге. Во время одного из хоккейных матчей на первенство страны в перерыве я беседовал с Мирославом Шубертом — председателем оргкомитета по проведению чемпионата мира.

— У нас все готово,— сказал Шуберт.— График встреч, реконструкция искусственного ледяного поля, новое оборудование, эмблема, значок, специальные музыкальные позывные, написанные композитором Калабом, плакаты работы художника-спортсмена Скрбека.

Да, это будет захватывающий чемпионат! И очень бы хотелось, чтобы советская команда с честью вышла из этого испытания.

Стройное, воздушное здание... Величественная лестница, а перед входом... лев, живой, настоящий лев. Здание это — дворец императора Эфиопии. Император пригласил к себе во дворец советских артистов, находившихся в стране на гастролях, и устроил в их честь прием. Он разрешил артистам эстрады Тамаре Птицыной и Леониду Маслюкову заснять этот прием на кинопленку...

На очередном заседании творческого клуба «На огонек» широко известные акробаты Тамара Птицына и Леонид Маслюков поделились с журналистами своими впечатлениями о поездке по Африке, а потом показали короткие фильмы об этих гастролях. Артисты побывали в Эфиопии, ОАР, Тунисе, Ливии, Эритрее, Англии, Швеции, Венгрии, Германии и везде делали интересные съемки.

Птицына и Маслюков — создатели нового жанра на эстраде: кинорассказов и кинοочерков о путешествиях. Кино для них стало помощником и даже соперником в их основной профессии. Ему они отдают все свое свободное время. Зато их фильмотека очень богата: цирк и театр, эстрада и физкультурные парады, Райкин и Ив Монтан...

ЛОМАНОЕ КОПЫТО

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

В. ПЕСКОВ

Рисунки **Е. ВЕДЕРНИКОВА.**

Поздно вечером я получил телеграмму: «Выезжай. Ломаное копыто попал в беду». Подписи не было, но я сразу догадался, что телеграмма из заповедника.

Слежавшиеся, как сушеные воблы, валенки не лезут на ноги. Скорее, скорее! Патроны, хлеб, спички, ножик... Кажется, все. На вокзал!

Путь до заповедного полустанка хорошо знаком. Тихо вздрагивает вагон. Сейчас он совсем пустой. Только пожилая проводница выбегает на остановках помахать фонарем одиноким соснам на полустанках. Я начинаю дремать, но вспоминаю о телеграмме, и сон проходит. Что же случилось в лесу? Что могло случиться с Ломаным копытом?

Первый раз это лесное имя я услыхал год назад. В глухой сторожке егерь Александр Александрович Анохин учил меня набивать чучела.

— А у нас новый житель, не слыхали? Ну, тогда — чур! — угадать по следу.

Острые копыта оставили в снегу глубокие вмятины. На задней ноге копыто было повреждено.

— Олень?

— Не угадали. Я также вот ошибался. А третьего дня подсчитывал оленей: дай, мол, выясню, что за инвалид в моем обходе. Иду без ружья. Вижу, в осиннике след теряется под кучей хвороста. Что за притча? Стегнул палкой по дереву. Из-под хвороста выскочил коротконогий зверь. Взъерошенная щетина, два желтых клыка направлены в мою сторону. Кабан!..

Опомнился я уже на березе. Сижу на суку без шапки, без одного валенка. Но кабан тоже немало перепугался. Нырнул в осинник, только я и видел клыкастого...

«Квартира» кабана оказалась очень уютной. Куча хвороста, снежное одеяло и мягкая подстилка из хвои надежно сохраняли тепло. Но в свое логово пришелец больше не возвращался. В том, что это пришелец, никто не сомневался в заповеднике. Только откуда пожаловал? Какая судьба-неволя занесла секача в воронежские леса?

Ломаное копыто сделался героем моих лесных грез. Приезжая в заповедник, я уже не шел к «лизунцам» и копнам сена, где обычно паслись олени, а старался по следам прочесть скрытную жизнь отшельника. Следы Ломаного копыта были повсюду. Он явно голодал. Снег в дубравах и под дикими яблонями был тщательно перепахан. Желуди и мелкие яблоки — единственная пища, которую мог отыскать кабан в холодном, заснеженном лесу. Однажды мы нашли отпечатки его копыт возле туши павшего оленя. Ломаное копыто пировал тут вместе с воронами и сороками.

К середине зимы выяснилось, что у старого секача есть в лесу родственники. На другом конце лесного массива жило небольшое стадо диких свиней. В заповедник Ломаное копыто наверняка пришел вместе со стадом и, наверно, был вожаком. По наблюдению егеря, в стаде не было секача, равного Ломаному копыту по росту и силе. Но что-то поссорило его со стадом. Скорее всего, старость одолела секача. Подрос соперник, и поневоле пришлось уйти.

Разыскал кабан лесные посадки. Квадратно-гнездовой посев дуба был сущим кладом для зверя. Он без ошибки находил и перепахивал гнезда. В заповеднике встревожились: шла прахом большая работа. Попробовали обложить участок валежником, но секач легко раскидывал ограду. Устроить на кабана охоту? Жалко редкого зверя. Александр Александрович решил испробовать еще одно средство. Лунной ночью с ружьем забрался на старый вяз. Как всегда, секач подошел очень тихо, и только чавканье выдало его. Две порции свинцовой примочки, болезненной, но не опасной, отучили зверя от «квадратно-гнездовых» желудей...

Летом лес не хранит следов. Мы надолго потеряли секача из виду. Но в сентябре он снова напомнил о себе, и самым неожиданным образом. В соседнем селе Песковатке пропало сразу восемь свиней. Был большой урожай желудей. В дубраве свиньи паслись без присмотра и однажды вечером не вернулись. Приехал милиционер с собакой, но непривычные лесные запахи сбили овчарку с толку. Вора так и не нашли.

Ударили первые морозы. Я приехал в заповедник полюбоваться листопадом.

— Новость слыхал? — прямо с порога спросил егерь.— Наш любимец-то каков! Ведь это он стадо украл!

Трудно сказать, как проходило знакомство «цивилизованных» красавиц с лесным дикарем. Но, видно, угадали хавроньи в клыкастом женихе своего близкого родича. А у Ломаного копыта, наверно, вновь заиграла кровь вожака. Три недели водил он беглое стадо по лесу. Но с первыми морозами нежные подруги затосковали по хлеву.

Однажды вечером жена егеря, бросив ведра у колодца, запыхавшаяся, вбежала в избу.

— Скорее гляди, Александрыч, свиньи! И твой клыкастый с ними!

Егерь выскочил на крыльцо. Блудные сестры одна за другой подлезали под прясло. «Клыкастый» стоял поодаль. Он не протестовал, но весь его вид выражал недоумение: куда уходят эти бледнокожие? В лесу так много хорошего корма! Расставаться со стадом ему не хотелось. Он шагнул было к изгороди, но, увидев человека, остановился. Потом сделал молодецкий прыжок в сторону, и только листья зашуршали под его короткими ногами.

На другой день в ту же пору кабан снова пришел к изгороди. Постоял минуты три — и опять молодецкий прыжок и исчезновение.

Блудницы тоже, видно, помнили лесное житье-бытье. Едва-едва удалось соскрести с них грязь и комья репейников, как они снова исчезли. Теперь уже в селе не беспокоились. Надо было только подумать, как отбить свиней у лесного предводителя.

В лес с ружьями пошли четверо колхозных парней. Бродили целый день, но вернулись с таком. Боясь, как бы с перепугу или по глупости не убили зверя, егерь сам решил пойти на облаву.

Только на третий день в дальнем квартале собака напала на след беглянок. Из посеребренного изморозью стога первым выскочил секач... Я много слышал о кабанах от охотников. Встречаться с этим храбрым и хорошо вооруженным зверем всегда опасно. Но Ломаное копыто хорошо понял законы заповедного леса. И на этот раз он только угрожающе покружился на одном месте, но не бросился на обидчиков. На минуту он задержался у стога, ожидая, когда вылезут из сена неповоротливые подруги. Но те не спешили. Убедившись в предательстве, старый секач бесшумно скрылся в частом ольховнике. Беглянки же покорно возвращались домой, равнодушно подбирая у дороги редкие желуди и грибы.

Выпал снег. Залютовали морозы. Земля потонула в белой пелене метелей. С каждым днем снегу становилось все больше. Из заповедника приходили слухи о бедствии оленей. Не в силах добраться до корма, они гибли десятками. Я рвался в лес, но срочные дела не пускали из города... И вот эта телеграмма.

По пояс в снегу брел я нетронутой дорогой до лесной избушки. На кордоне горел огонь. Егерь выбежал к калитке:

— Может, не стоило беспокоить, но я из-за вашего интересу... Окончил век Ломаное копыто. Вот глядите...

Красноватый свет фонаря остановился на лежавшем в сенях звере.

— Красавец! До вашего прихода не снимал шкуру. Хлопот он мне доставил много, а все-таки жалко зверя.

Я смерил клыки. Осмотрел ноги. Да, конечно, это был наш герой — Ломаное копыто...

Как и следовало ожидать, разыгралась лесная драма. Утром на кордон с дальнего разъезда позвонил стрелочник.

— Александрыч, у нас оказия. Медведь убился. Цирк, должно быть, везли, из вагона выпрыгнул. Ты по зверью мастак, приезжай, разберись...

Егерь сразу смекнул, что в потемках за медведя стрелочник принял кого-то другого. Схватил ружье — и к разъезду.

Кабан был еще живой, но лежал неподвижно. Передние ноги переломаны, на боку ссадина. Скрепя сердце егерь прекратил его страдания.

Опытный следопыт, Александр Александрович без труда прочитал недлинные страницы лесной драмы. Голод выгнал кабана из дальних кварталов. Километрах в трех от разъезда он вышел на линию. Секача пугали непривычные запахи, но вот возле рельса он нашел сладкий корень. По этому участку к сахарному заводу возили свеклу.

Давно у Ломаного копыта не было такого сытного обеда. Он уже готовился пойти на лежку, но вдруг увидел: из темноты прямо на него мчится большой зверь с яркими глазами. Кабан потоптался на месте, повернул было к противнику испытанные в схватках клыки, но чутье подсказало ему, что лучше не связываться. Секач повернулся и затрусил между рельсами. Оглянулся: страшный зверь мчался по следу. Еще быстрее побежал Ломаное копыто, но уже слышно грозное рычание... Два километра тянулось состязание измученного кабана с железной машиной. Но не хватило кабаньей хитрости свернуть в сторону. Под ногами он чувствовал твердую, удобную для бега дорогу. Казалось, сверни — и на глубоком снегу «зверь» сразу настигнет.

На этом история Ломачого копыта не кончается. В конце января в Песковатском колхозе случилось чудо. У двух свиней родились полосатые поросятки. Думали-гадали, отчего такая удивительная прибыль. Потом вспомнили: да ведь это никак «клыкастого» наследники! Понятное дело, пятерых полосатых взяли под особую опеку.

А в воронежских лесах, кроме оленей и бобров, с «постоянной пропиской» живет теперь и стадо кабанов во главе с молодым соперником Ломаного копыта.

ИЗ ПОЧТЫ ОГОНЬКА

В НЕОБЫЧНОМ РАКУРСЕ

Фото Г. ТИКАНАДЗЕ

Тбилиси

После дождя. Прохожий прыгает через лужу, в которой отражается дом.

Утро. Снято со второго этажа.

СОЛДАТСКАЯ ПУГОВИЦА

Москвич Алексей Федорович Ржаницын давно собирает спортивные значки, эмблемы и сувениры, обмениваясь и переписываясь с коллекционерами разных стран. Недавно он получил такое письмо из Франции: «Я знаю, что вы коллекционируете только спортивные значки. Но я уверен, что и этот значок, значок честного солдата в боях за справедливость, представит для вас известный интерес».

Француз, бывший солдат Интернациональной бригады, сражавшийся за независимость и свободу Испании, прислал советскому коллекционеру дорогой его сердцу значок. Он сделал его в перерывах между боями из медной пуговицы, вмонтировав в нее портрет героической женщины Испании — Долорес Ибаррури.

В. КАРАВАЕВ

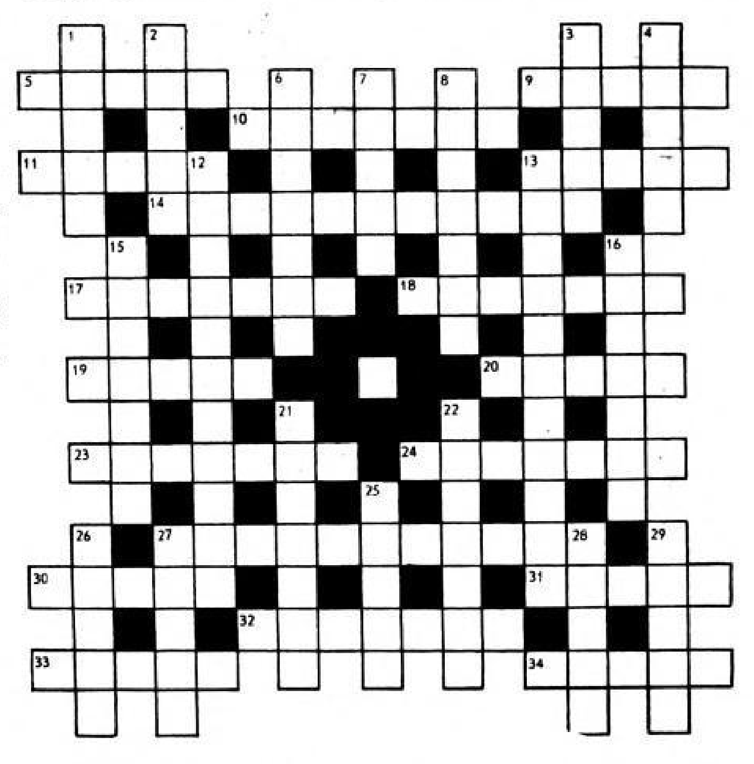
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Начало в шахматной игре. 9. Английский поэт-романтик. 10. Герой рассказа М. Шолохова «Судьба человека». 11. Кровельный материал. 13. Станционное устройство для сортировки вагонов. 14. Известный деятель русской хоровой культуры. 17. Радиоактивный элемент. 18. Река в Северной Америке. 19. Марка советской автомашины. 20. Город на севере Франции. 23. Лососевая рыба. 24. Вокально-инструментальное произведение. 27. Помещение, оборудованное для научных исследований. 30. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 31. Олений мох. 32. Съедобный гриб. 33. Один из основоположников советской метеоритики. 34. Старинный дом в Китае.

По вертикали:

1. Советский писатель. 2. Порт на севере Германии. 3. Храбрый, доблестный человек. 4. Американская норка. 6. Русский зодчий XVI века. 7. Английский физик, химик и философ. 8. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 12. Аэронавигационный прибор. 13. Способ изображения рельефа на картах, профилях. 15. Почтенный, уважаемый человек у народов Средней Азии. 16. Коллектив музыкантов-исполнителей. 21. Теплоизоляционные отделочные плиты. 22. Уход за пропашными культурами. 25. Спутник древнегреческого бога Диониса. 26. Песчаная буря. 27. Ученый, доказавший значение витаминов. 28. Хищник лесов Центральной и Южной Америки. 29. Просторная рубашка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

7. Плацкарта. 8. Наивность. 9. Онагр. 11. Дебитор. 12. Лапта. 14. Коромысло. 15. Куплетист. 17. Шотландец. 18. Плита. 20. Тафта. 23. Раструб. 24. Ясли. 25. Реал. 27. Трест. 28. Лодка. 29. Техницизм. 32. Мантенья. 33. Зверинец. 36. Калач. 37. Окулист. 38. Бачей. 39. Кабельтов. 40. Коловорот.

По вертикали:

1. Алансон. 2. Предусмотрительность. 3. Габбро. 4. Снеток. 5. Вибропреобразователь. 6. Статист. 10. Грохот. 13. Аптека. 16. Кантабиле. 19. Лувр. 20. Аист. 21. Трал. 22. Танк. 24. Яснотка. 26. Ложбина. 30. Караван. 31. Перебой. 34. Буква. 35. Шишка.

Кэглючин — кровожадный морж

В сорок первом номере «Огонька» за 1958 год был дан ответ полярникам острова Голомянный, которые спрашивали, почему морж ел мясо морского зайца (лахтака). Я хочу дополнить этот ответ объяснением, почему морж иногда становится кровожадным.

С семи лет я жил на Чукотке. Вырос среди чукчей. Подростком участвовал в охоте на нерпу, моржа, кита. Хорошо знаю язык чукчей. По окончании института работал директором Уэленской школы. Очень интересуюсь морским промыслом чукчей.

В чукотском языке встречается слово «кэглючин». Так чукчи называют того моржа, которого встретили полярники острова Голомянный. Этот зверь обладает исполинской силой и живет в одиночку, не мигрируя с моржами. Хищник живет где-нибудь у берега до тех пор, пока не уничтожит обитающих поблизости зверей. Кэглючин питается нерпой, лахтаком, нападает на моржей и даже побеждает белого медведя. Обычно белый медведь подкрадывается к лежащему моржу сзади, прыгает на него и, ухватившись за морду, тянет голову моржа на себя и надламывает хребет. Но надломить позвоночник кэглючина белый медведь не может. У него не хватает сил, и он оказывается жертвой моржа.

Кэглючин опасен. Поэтому когда охотник идет на лыжах по морской ледяной каше, то там, где встречается небольшая темная льдинка, он всегда сильно ударяет палкой. Кэглючин устраивает засаду на медведя или охотника, как бы вмерзая в лед. Его спина слегка леденеет и только чуть темнеет во льду. Дышит зверь осторожно. Когда жертва коснется его спины, он молниеносно уходит вглубь, и человек или медведь оказывается в воде. Хищник захватывает свою жертву ластами, клыками прижимает ее к груди, ломает кости.

Молодым охотникам запрещается устраивать засаду на нерпу у разводий на тонком льду. Снизу из воды отчетливо видна фигура охотника. Морж-кэглючин взламывает лед и нападает. Меры предосторожности охотники передают из поколения в поколение.

В зимнее время кэглючин устраивает себе постоянное логово в торосистых местах. Когда идет сжатие льдов, под торосами образуются воздушные пространства. Такое место зверь и облюбовывает себе, просасывая лунку. С поверхности логово обнаружить очень трудно. В нем кэглючин делает запасы пищи. Здесь можно найти туши нерп, лахтаков, молодых моржей.

Кэглючин не представляет собой особой породы моржей. Это морж, который с малого возраста вел не такой образ жизни, какой ведут обыкновенные моржи, очень спокойные млекопитающие. Случается, что моржонок теряет мать. Первое время моржонок голодает. Он еще не может добывать моллюсков и потому питается более доступной пищей — падалью, крабами, мелкой рыбешкой. А потом подросший морж начинает охотиться на более крупных животных, например на нерпу. Так из моржонка вырастает огромный кровожадный хищник.

В. ЛЕОНТЬЕВ

Магадан.

— Спасибо, малыш! Жаль, что конфетки нет.

— А вы дайте папироску!

Рисунок Г. Пирцхалава.

Тбилиси

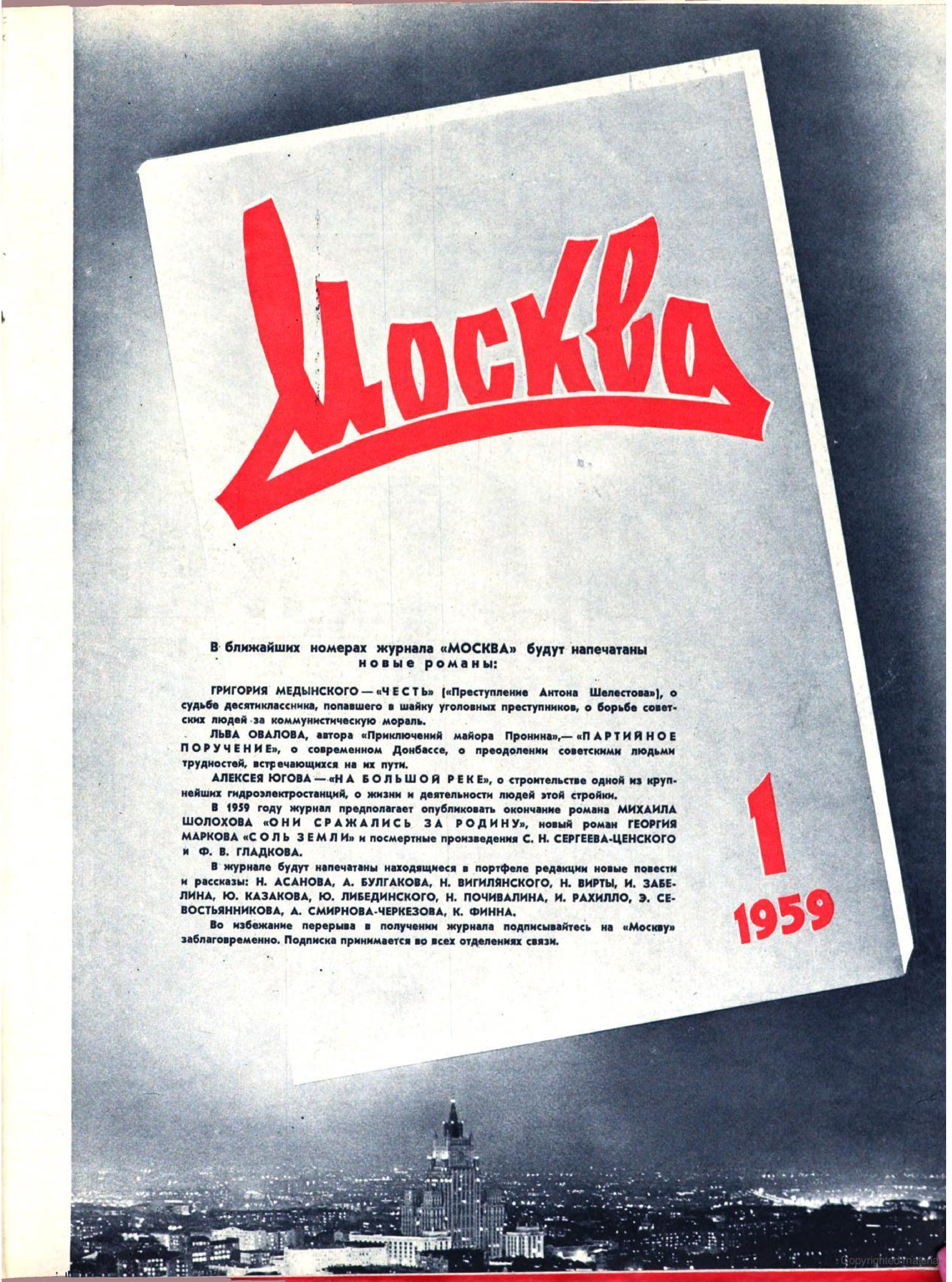
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

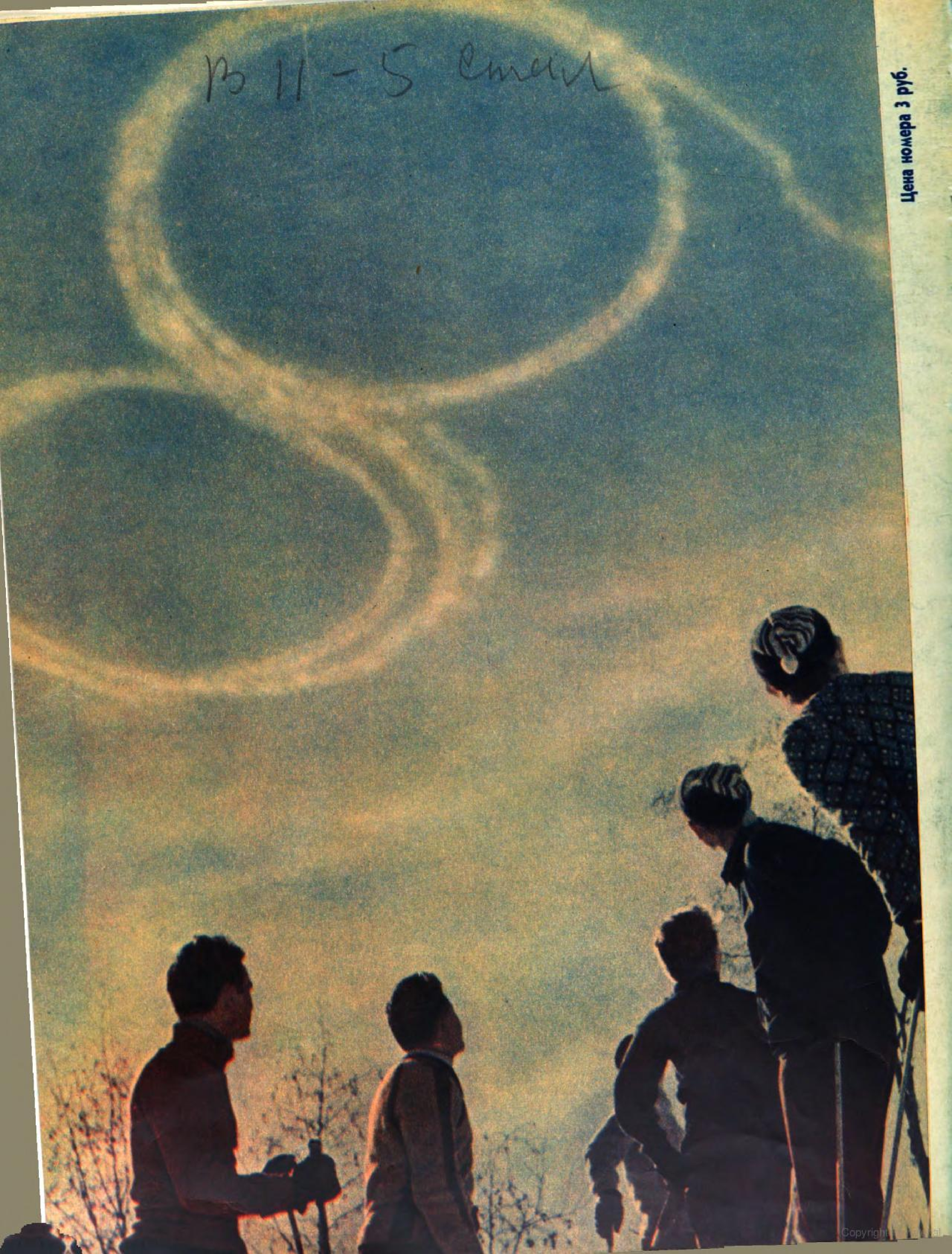
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00639. Подписано к печати 25/II 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 139. Заказ 310.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Москва
В ближайших номерах журнала «МОСКВА» будут напечатаны новые романы:
ГРИГОРИЯ МЕДЫНСКОГО — «ЧЕСТЬ» («Преступление Антона Шелестова»), о судьбе десятиклассника, попавшего в шайку уголовных преступников, о борьбе советских людей за коммунистическую мораль.
ЛЬВА ОВАЛОВА, автора «Приключений майора Пронина»,— «ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ», о современном Донбассе, о преодолении советскими людьми трудностей, встречающихся на их пути.
АЛЕКСЕЯ ЮГОВА — «НА БОЛЬШОЙ РЕКЕ», о строительстве одной из крупнейших гидроэлектростанций, о жизни и деятельности людей этой стройки.
В 1959 году журнал предполагает опубликовать окончание романа МИХАИЛА ШОЛОХОВА «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ», новый роман ГЕОРГИЯ МАРКОВА «СОЛЬ ЗЕМЛИ» и посмертные произведения С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО и Ф. В. ГЛАДКОВА.
В журнале будут напечатаны находящиеся в портфеле редакции новые повести и рассказы: Н. АСАНОВА, А. БУЛГАКОВА, Н. ВИГИЛЯНСКОГО, Н. ВИРТЫ, И. ЗАБЕЛИНА, Ю. КАЗАКОВА, Ю. ЛИБЕДИНСКОГО, Н. ПОЧИВАЛИНА, И. РАХИЛЛО, Э. СЕВОСТЬЯННИКОВА, А. СМИРНОВА-ЧЕРКЕЗОВА, К. ФИННА.
Во избежание перерыва в получении журнала подписывайтесь на «Москву» заблаговременно. Подписка принимается во всех отделениях связи.
1
1959

Цена номера 3 руб.